

ГЕРОИ УМИРАЮТ

МЭТЬЮ СТОВЕР

ЧЕЛОВЕК НЕ ДОЛЖЕН ПОГИБНУТЬ,
НЕ ЗНАЯ, ЗА ЧТО ЕГО УБИВАЮТ.

Герои умирают

Мэтью Стовер

Герои умирают

«Азбука-Аттикус»

1998, 2005

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Стовер М. В.

Герои умирают / М. В. Стовер — «Азбука-Аттикус», 1998,
2005 — (Герои умирают)

ISBN 978-5-389-21610-5

Безжалостный и неудержимый, в Надземном мире он носит прозвище Клинок Тишалла. Он убивает монархов и простолюдинов, негодяев и героев. Он лучший в своем ремесле. Дома, на Земле, он Хари Майклсон, суперзвезда. За его приключениями следят миллионы фанатов. Чтобы низшие касты не бунтовали, была создана система развлечений, основанная на новейших технологиях, которые позволяют отправлять актеров в Надземный мир – аналог нашей планеты в другой вселенной. Случилось так, что Майклсон нажил себе крайне опасных врагов. Его жена пропала в тущобах Надземного мира. Чтобы спасти ее, он вынужден пойти на самый большой риск в своей жизни: сыграть в смертельную игру с владыками обоих миров.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-21610-5

© Стовер М. В., 1998, 2005
© Азбука-Аттикус, 1998, 2005

Содержание

Герои умирают	6
Благодарности	6
* * *	8
Пролог	9
1	9
2	13
3	16
4	19
5	21
6	25
День первый	27
1	27
2	30
3	32
4	42
5	43
6	47
7	57
8	57
9	60
10	66
День второй	71
1	71
2	72
3	75
4	77
5	77
6	77
7	78
8	79
9	79
10	79
11	80
12	80
13	88
14	101
15	102
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Мэтью Стовер

Герои умирают

Matthew Stover HEROES DIE

Copyright © 1998 by Matthew Woodring Stover

IN THE SORROWS

Copyright © 2005 by Matthew Woodring Stover

All rights reserved

Карта выполнена Владимиром Гусаковым

© Н. Маслова, перевод, 2022

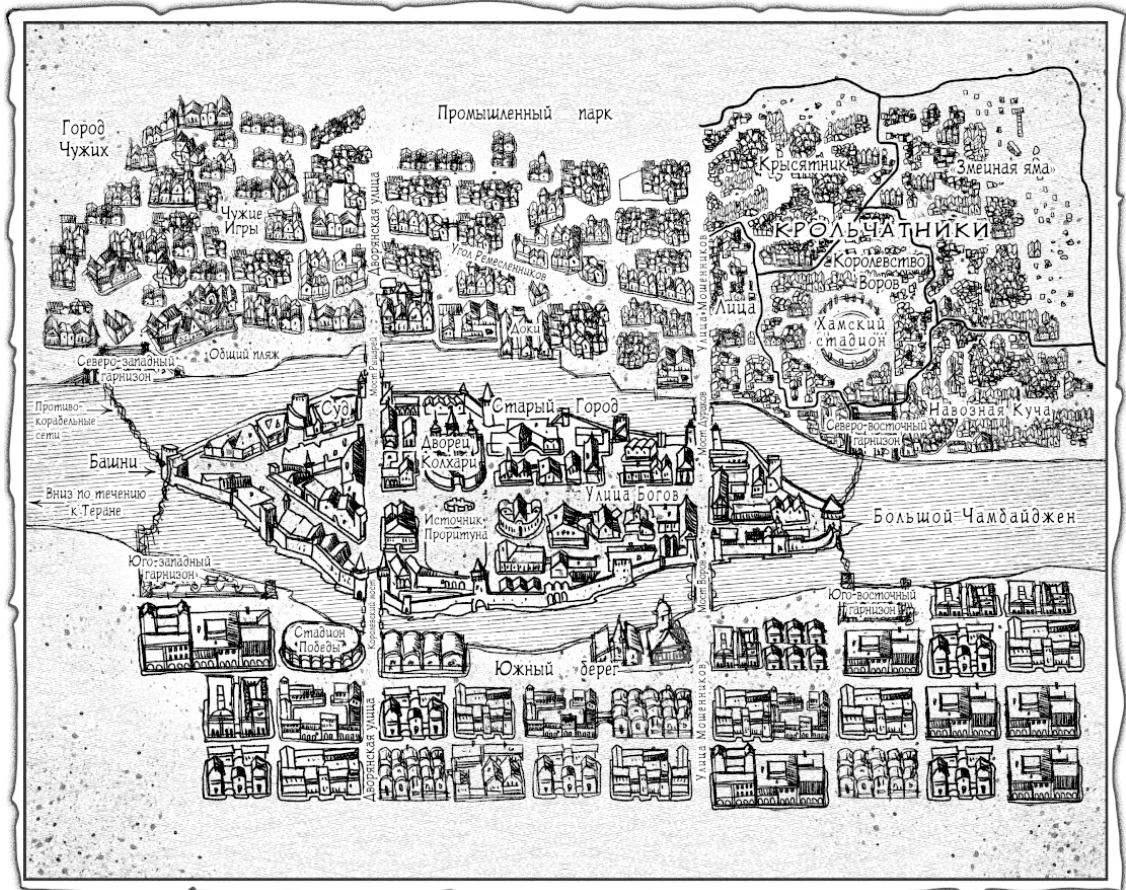
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

Герои умирают

Роман

Чарльзу, верному другу Кейна; и Робин, без которой эта книга не появилась бы на свет

Благодарности

Этот роман, на создание которого у меня ушло столько лет, что я даже вспоминать не хочу, состоялся при участии очень многих людей.

Назову лишь основных.

Чарльз Л. Райт, без него не было бы Кейна.

Робин Филдер, которая уговорила меня написать эту книгу, а еще поддерживала меня и словом, и делом, пока я ее писал.

Они двое плюс Пол Кролл, Х. Джин Макфадден, Эрик Коулман, Кен Брикер и Перри Глассер прочитали по крайней мере по одной ранней версии романа и поделились со мной своими мнениями и советами.

Клайву А. Черчу я обязан неоценимой помощью во всех технических вопросах и благодарен за его неистощимое терпение.

Моему агенту Говарду Моргейму я благодарен за неиссякаемый энтузиазм.

Моему неутомимому редактору Эми Стаут спасибо за то, что она заставляла меня переделывать роман столько раз, сколько понадобилось, пока все не получилось.

А еще спасибо моей маме, Барбаре Стовер, – ты наполнила мою жизнь добром, но за одно из его проявлений я благодарен особо.

Спасибо вам, всем и каждому.

* * *

Каждый час, по всему миру.

Волосы, разумеется, безукоризненны, точеные скулы загорели до золотистости, в точности как у Свободного, но в тонких, словно иглой прочерченных, линиях вокруг глицериново блестящих глаз читается холодное отчаяние, а губы, движущиеся над зубами безупречной формы и белизны, время от времени кривятся в еле уловимой усмешке, исполненной горького презрения к себе.

– Здравствуйте, с вами Бронсон Андервуд. Десять лет я, бессменный ведущий канала «Обновленное приключение», поставляю в ваш дом лучшие студийные проекты со всего мира. И сегодня я с гордостью предлагаю вам нечто особенное, созданное там, где все началось: на Студии Сан-Францисской компании «Приключения без границ». Итак, только сегодня и только у нас: «Из любви к Паллас Рил». Подарочный набор, ограниченный тираж.

Глицериновые глаза стекленеют от восторга, пока он перечисляет все прелести подарочного набора: фрагменты из «Погони за Венцом Дал'каннита» и «Слуги Империи»; несколько часов «Погони за Шутом Саймоном», включая сцену с закланием Вечного Забвения; интервью с самим Кейном, Паллас Рил и даже Ма'элКотом, говорящим как от своего имени, так и от имени Ламорака.

– ...И наконец эксклюзивно, ограниченным тиражом, прямо из архивов Студии Сан-Франциско: «Когда Часы Жизни остановились!».

Вы, конечно, помните то мгновение, когда Кейн вытащил свою любимую из пылающего полудня на песках арены, обратно на Землю, в безопасное место. Вы видели это онлайн; возможно, вы даже испытали это вместе с самим Кейном. Теперь вы можете пережить это снова и снова, потому что в тот самый миг, «Когда Часы Жизни остановились!», запись Паллас Рил началась заново.

Наше специальное предложение не будет повторяться; подарочное издание с ограниченным тиражом – ваш единственный шанс пережить это драгоценное мгновение, заглянуть в сердце Паллас Рил, когда та стоит на коленях на площадке Трансфера, спасенная от смерти единственным мужчиной, которого она по-настоящему любила. Это ваш шанс увидеть ее глазами, почувствовать ее чувствами. Ощутить, как слезы текут по ее щекам при взгляде на поверженного героя.

Блеск глицериновых глаз чуть заметно тускнеет – наверное, на них осела пыль, – зато улыбка каменеет, как будто губы растянули и закрепили степлером.

– И для того чтобы отметить это невероятное спасение, Студия предлагает вам аттракцион невиданной щедрости: всякий, кто закажет набор сегодня до полуночи, получит в подарок «Часы Жизни» Паллас Рил в специальном персонифицированном издании!

Калиброванные лучшими учеными Студии на основе вашей текущей информации, взятой из глобальной медицинской базы данных, персонифицированные «Часы Жизни» Паллас Рил будут с точностью до секунды отмерять время вашей жизни! Дизайн этого очаровательного прибора позволит держать его на ночном столике, на вашем служебном месте и даже на кухне...

Рекламный блок, такой длинный, что зрители по всему миру успевают забыть, кто эти люди на экране и почему на них вообще надо смотреть, сопровождается бегущей строкой: «Специальное персонифицированное издание „Часов Жизни“ Паллас Рил не предназначено для предсказания длительности жизни. Создано исключительно в развлекательных целях».

Пролог

1

Когда моя рука касается дверной ручки, во мне пробуждается глубоко погребенный страх и учащает сердцебиение: будет больно.

Я набираю полную грудь воздуха и вхожу.

Спальню принца-регента Тоа-Фелатона можно, пожалуй, назвать скромной, если учесть, что парень, который лежит сейчас на кровати, правит второй по величине Империей Надземного мира. Кровать тоже скромная: восемь столбиков, размер – всего пол-акра. Дополнительные столбики из резного тьеррила с розовыми прожилками, толстые, как мое бедро, поддерживают сияющие бронзовые светильники. Длинные языки желтого пламени, острые, словно наконечники копий, покачиваются из-за сквозняка, которым тянет в невидимый с пола поточный люк. Я неслышно закрываю за собой дверь, и ее обитая парчой поверхность сливается со стеной так, что выхода уже не найти, если не знаешь, где он.

При каждом шаге мои ноги до колен проваливаются в толстый, словно перина, ковер, так что я как будто иду по яркому, сияющему облаку. Вдруг левый глаз улавливает какое-то движение – что-то малиновое с золотом; я пугаюсь, но это оказывается моя ливрея, одеяние слуги, повторенное в литом серебряном зеркале на дверце платяного шкафа. Шкаф сделан из лакированного липканского крима. Зеркало возвращает мне мое зачарованное лицо: светлые рыжеватые волосы, легкий пушок на персиковых щеках. Подмигнув своему отражению, я улыбаюсь ему сухими, будто наждачка, губами, бесшумно перевожу дух и иду дальше.

Принц-регент покоится на подушках, каждая из которых больше всей моей кровати, и мирно храпит. Серебристая бахрома его усов колеблется при каждом вдохе и выдохе. На могучей груди лежит корешком вверх книга: один из серии романов Кимлартена о Корише. Мои запекшиеся губы снова изгибаются в невольной улыбке, – оказывается, Лев из Проритуна сентиментален. Кто бы мог подумать! Что ж, сказки – развлечение для простаков и отдохновение для умных, для тех, кто непрестанно ощущает всю сложность бытия. Я бесшумно ставлю на столик у кровати золотой поднос. Вдруг принц приподнимается на подушках и, не открывая глаз, поворачивается на бок. Кровь застывает у меня в жилах. Перина на кровати колыхается, от нее во все стороны плывут волны лавандового аромата. У меня начинает покалывать пальцы. Волосы принца, распущенные на ночь, окружают его голову серебристо-серым венцом. Благородный лоб, ясные глаза, твердый, скульптурный подбородок, который опытный брадобрей нарочно обнажил своим лезвием, оставив пышную бороду вокруг, – именно таким

каждый представляет себе благородного владыку. Его конная статуя – та, где он на вздыбленном жеребце, во Дворе богов возле фонтана Проритуна, – прекрасное произведение искусства, памятник на все времена.

Ясные глаза принца вылезают из орбит, когда моя ладонь пережимает ему горло: Профессионалы не тратят времени на бесполезное затыкание рта. Я Профессионал, и потому из его горла вырывается только писк. Попыткам принца вступить со мной в борьбу кладет конец крупный план моего ножа, широкое граненое острие которого повисает в дюйме над его правым глазом.

Я кусаю себя за язык, чтобы слюна смочила пересохшую глотку, и говорю тихо, но твердо:

– Обычай требует сказать несколько слов в такую минуту. Никто не должен умирать без ясного понимания того, за что его убивают. Но я не златоуст, а потому буду краток. – Я склоняюсь над ним, и мы смотрим в глаза друг другу. – Монастыри помогли тебе сохранить Дубовый трон, поддержав твои дурацкие действия против Липке в Войне Долин. Совет Братьев надеялся, что ты станешь сильным правителем и вернешь им долг, удержав Империю от распада, пока не повзрослеет королева-дитя.

Лицо принца багровеет, вены жгутами вздуваются на шее. Надо успеть договорить, пока он не задохнулся. Я выдыхаю сквозь зубы и продолжаю быстрее:

– Однако они поняли, что ты дурак. Твое штрафное налогообложение ослабляет и Кириш-Нар, и Желед-Каарн, я слышал, что прошлой зимой в одном только Каарне десять тысяч свободных крестьян умерли с голоду. Ты расквасил нос Липке из-за железного рудника где-то в Зубах Богов, а теперь грозишься развязать войну из-за двух жалких провинций на востоке. Ты проигнорировал и оскорбил посланцев липканских купцов, и ты же пренебрег всеми наставлениями Совета Братьев. Поэтому они решили, что ты больше не годишься на роль правителя, и неизвестно, годился ли когда-нибудь. Они устали ждать и заплатили мне кучу денег, чтобы я убрал тебя с трона. Моргни дважды, если ты меня понял.

Его глаза выпучиваются так, что, кажется, еще чуть-чуть – и они выскочат из орбит. Ладонью я чувствую, как каменеет его горло. Он шевелит губами, хочет что-то сказать, но голоса нет, а я не мастер читать по губам, поэтому дальше первого «пожалуйста» дело у меня не идет. Впрочем, я и так знаю, что ему нужно: выторговать помилование, а то и приют для жены и двух дочерей. Ни того ни другого я гарантировать не могу; если после убийства разразится война за Престол, то им, как и всем остальным, придется выживать своими силами.

Его глазные яблоки начинают пересыхать, и он все же моргает – один раз. Просто удивительно, как иногда тело работает против человека. По условиям контракта я должен добиться от него полного понимания происходящего, а значит, дожждаться, когда он моргнет во второй раз. В конце концов, он ведь правитель, а смерть правителя должна быть обставлена пристойно.

Направление его взгляда чуть заметно меняется – старый вояка решил побороться за свою жизнь, и сейчас последует последнее напряжение воли, последний призыв к рефлексам в попытке спастись.

Ну что ж, если выбирать между нарушением приличий и встречей со слугами принца-регента здесь, на девятом этаже высоченного дворца Колхари, откуда мне будет не выбраться живым, то приличия отдыхают.

Я вгоняю нож в глаз принца. Хрустят кости, брызжет кровь. Орудая ножом, как рычагом, я быстро отворачиваю его голову в сторону: в окровавленной ливрее мне будет не выбраться из замка. Он бьется подо мной, точно лосось, который, собрав последние силы, прыгнул против течения и вдруг оказался на суше. Но это лишь бессознательная попытка тела вырваться и спастись, которая, как обычно, сопровождается опорожнением кишечника и мочевого пузыря. Лужа мочи и дерьма растекается по роскошным атласным простыням – еще один древний защитный рефлекс в действии. Так организм говорит хищнику: «Я невкусный!»

Ну и хрен с тобой. Мне же тебя не есть.

Проходит год, а то и два, и принц наконец затихает. Одной рукой я давлю ему на лоб, другой раскачиваю застрявший в глазнице нож. Клинок выходит, шумно скребя кость, и я принимаюсь за самую неприятную часть задания.

Зазубренное лезвие легко разрезает мышцы, но застревает в третьем шейном позвонке. Я выдергиваю его и меняю угол наклона так, что лезвие входит точно между третьим и четвертым позвонком, нажимаю, и через пару секунд голова отделяется от туловища. Металлический запах крови так густ, что забивает даже вонь дерьма. Желудок подкатывает к горлу, становится нечем дышать.

Я снимаю золотую крышку с подноса, выставляю блюда с горячей едой на стол и кладу на их место голову Тоа-Фелатона, осторожно поднимая ее за волосы так, чтобы ни одна капля крови, стекающая с нее, не запачкала мою ливрею. Потом накрываю голову крышкой-куполом, стягиваю окровавленные перчатки и бросаю их на тело вместе с ножом. Руки у меня чистые.

Поставив поднос на плечо, я делаю глубокий вдох. Легкая часть работы закончена. Пора выбираться отсюда, и хорошо бы живым.

Самый сложный этап отступления – первый: уйти подальше от тела. Потом миновать охрану у входа для слуг; если они не обратят на меня внимания, то можно будет считать, что все удалось, и я выйду из замка раньше, чем по нему разнесется весть о смерти владыки. Адреналин поет в моей крови, ладони покалывает, мурашки бегут по спине. Мое сердцебиение гремит у меня в ушах.

В левом глазу, на самом краю поля зрения, начинает мигать красный квадратик выхода. Я не обращаю на него внимания, привык, а он плывет у меня перед глазами, как световое пятно после того, как поглядишь на солнце.

Я уже иду к выходу, когда служебная дверь вдруг распахивается. Джемсон Таль, старший стюард, начинает говорить прямо с порога.

– Прошу прощения, ваше величество, – торопливо лопочет он, – но прошел слух, будто среди слуг затесался самозва...

Тут Джемсон Таль видит обезглавленный труп на кровати, потом меня и лишается дара речи – он сипит, вращает глазами, краснеет и ощеривается так, будто его душат. Одним прыжком я подлетаю к нему и с размаху ударяю его ногой в горло. Таль падает, точно мешок с камнями, и теперь задыхается по-настоящему; корчась на голом полу служебного прохода, он ногтями рвет себе горло, пытаюсь вдохнуть, в чем ему препятствует сломанная гортань.

А я даже поднос не уронил.

Выход стерегут двое охранников, но с первым я справлюсь легко – по крайней мере, должен. Он вскрикивает и опускается рядом со стюардом на колени, глупец, как будто ему можно помочь. Что, интересно, он думает делать – прямой массаж сердца? Какой от него прок, когда Таль выхаркивает куски дыхательного горла? Зато второго охранника я замечаю не сразу. Он умен: прижался к стене и стоит, поджидая меня.

На обоих длинные кольчуги под красно-золотыми плащами. Из-под круглых шлемов-тазиков, усиленных стальными заклепками, спускаются на шею кольчужные капюшоны. Да, Тоа-Фелатон не жалел денег на дворцовую охрану. Значит, мои ножи бессильны против них. Но ничего, прорвемся – я уже вошел в раж.

Ожидание окончено, я снова счастлив.

Тут более умного охранника осеняет, и он начинает звать на помощь.

Я снимаю крышку с подноса и критически смотрю на Тоа-Фелатона. Его длинные волосы на треть пропитались кровью, однако черты лица почти не исказились, так что его легко узнать, даже несмотря на дырку в глазу. Подняв поднос примерно на уровень груди, я выставляю его перед собой. Крики «На помощь!» стихают так же внезапно, как если бы крикун получил стрелу в горло.

Пока та часть мозга охранника, которая отвечает за обработку внешних сигналов, справляется с тем фактом, что он видит отделенную от тела голову властелина, я выбегаю в служебный коридор; у меня есть две секунды, пока умник опомнится и скажет что-нибудь, кроме «Э-э-э?».

Тупой стражник, который все еще стоит на одном колене возле Таля, вдруг вскакивает и хватается за меч. Я швыряю поднос, он с грохотом летит в одну сторону, голова катится в другую, я вцепляюсь в запястье тупицы, чтобы не дать ему выхватить меч, и с размаху бью его головой в нос. В ушах у меня звенит, зато нос Тупого превращается в кровавую отбивную, а глаза сходятся к переносице. Я локтями захватываю его покрытую капюшоном шею и бросаю его через себя так, что он отлетает назад и сбивает с ног Умного. Мягкая подкладка под кольчугой не помогла: еще отрывая его от пола, я услышал, как шелкнули, разделяясь, его позвонки. Он еще дергается в конвульсиях, когда я перескакиваю через Джемсона Таля, чтобы прикончить Умного.

И тут наступает миг посмертного торжества Теа-Фелатона – сладкая месть, и если он видел ее с того света, то наверняка получил большое удовольствие.

Я уже приземляюсь – прыжок был совсем небольшой, – но при этом смотрю только на Умного, который выкарабкивается из-под Тупого, и не вижу, что моя нога опускается прямо на голову Тоа-Фелатона.

Голова катится, я теряю опору и лечу вверх тормашками, прямо как Элмер Фадд.

В последний момент я ухитряюсь принять удар лопатками, а не шеей, и только тесный коридор спасает мне жизнь: Умный уже замахнулся на меня мечом, но он не учел того, что коридор совсем низкий, а потолок деревянный: клинок воткнулся в него острием и остался висеть. Мне надо откатиться в сторону, но мешает Джемсон Таль, который корчится в агонии рядом, и уж тут Умный все делает правильно. Он больше не размахивает мечом, а сначала обрушивает удар кулака мне на голову, затем изо всех сил бьет меня клинком в печень.

Меч в животе сильно мешает думать, и не только потому, что это больно, но и потому, что клинок зверски холодный. Сталь прямо источает холод, который растекается по телу, высасывая силу из ног. Примерно такое ощущение бывает, когда грызешь кубик льда, только ото льда стыннут мозги, а от меча – вообще все, и еще ты чувствуешь, как лезвие ворочается у тебя внутри, кромсая все подряд. Короче, как по мне, удовольствие ниже среднего.

А еще два фунта стали в животе нарушают распределение усилия заклятия, которое делает меня похожим на евнуха-подростка. Магия гаснет, как потерявший питание монитор, электрический разряд ставит дыбом волоски у меня на шее, искры трещат в бороде.

И тут Умный зачем-то вытаскивает из меня меч, хотя мог бы повернуть его во мне, и все дела. Обычная ошибка молодого и неопытного бойца, за которую он сейчас дорого заплатит. Меч задевает ребра – ощущение смешанное, как будто тебе сверлят зубы без анестезии, а рядом кто-то скрипит мелом по классной доске. Темнота на миг застилает глаза. У меня вырывается стон, я содрогаюсь от боли. Умный принимает мою дрожь за агонию – значит точно неопытный.

– Тебе повезло, убудок, легкая смерть – подарок для такого, как ты! – бросает он.

На его глаза наворачиваются слезы – видимо, он оплакивает своего поверженного владыку, – и мне не хватает духу сообщить ему, что я полностью с ним согласен. Склонившись надо мной в тот миг, когда мое заколдованное лицо сменяется настоящим, он вытаращивает глаза и с почтительным трепетом в голосе говорит:

– Эй, да ты похож... ты прямо вылитый Кейн! Ты ведь он, да? Ну конечно, кто же еще мог... К'хул Всемогущий, я убил Кейна! Я стану знаменитым.

Как бы не так.

Носком правой ноги я, как крюком, цепляю его за лодыжку, а левой бью в коленку. Она с хрустом ломается, и стражник с воем рушится на пол бесформенной кучей. Слабое место любой кольчуги: хорошо защищает все, кроме суставов, особенно если гнуть их не туда, куда

им определено сгибаться природой. Однако меч он не бросил: что ж, надо отдать ему должное, он не трус.

Одним прыжком, точно акробат, я вскакиваю на ноги, чувствуя, как что-то отрывается у меня внутри. Стражник снова тычет в меня мечом, но лежа это делать неудобно, так что он невольно замедляет движение, а я ладонями ловлю его меч за плоскость клинка и вышибаю его ударом ноги в запястье. Пока меч кувыркается в воздухе, я перехватываю его за рукоять и заносу над жертвой.

– Жаль, парнишка, – говорю я. – Из тебя вышел бы толк, останься ты жив.

Коротким замахом я бью его в верхушку уха под стальным шлемом. Кольчуга не дает лезвию пройти внутрь, но этого и не нужно: я отлично управляюсь с мечом, вот и сейчас одной только силы удара хватило, чтобы прикончить парня, раскроив ему череп.

Я беру минутную паузу, чтобы перевести дух и оценить свои шансы. Спина и живот мокрые, значит меч прошел насквозь; внутреннее кровотечение наверняка тоже есть. Шок наступит через десять минут плюс-минус, зависит от типа повреждений.

Десять минут, чтобы спуститься с восьмого этажа дворца Колхари, выскочить на улицу и затеряться в толпе Старого города Анханы, и все это с отрубленной башкой под мышкой. Тревогу уже подняли, я истекаю кровью, но это еще не причина бросить ее здесь. Башка нужна как доказательство, без нее мне не заплатят. Да и вообще, вид у меня такой, что даже с отрезанной головой в руках хуже не станет. Кровь течет по ногам спереди и сзади – такое не скроешь, везде, куда бы я ни пошел, за мной останется след. И тут я слышу топот – бегут люди, много людей, и обуты они в сапоги.

В левом верхнем уголке глаза снова начинает мигать красный квадратик выхода.

Ладно. Согласен. Пора сматываться.

Я тоже мигаю, синхронизируя движения век с пульсацией квадратика. Служебный коридор и мертвые люди в нем тают.

2

Хари Майклсон открыл глаза, когда представительница компании «Моторола» сняла с его головы шлем, и слегка скрипнул зубами, пока она медленно вытягивала из его шеи катетер с иглой для внутривенных инъекций – не больно, но все-таки неприятно. Прикрыв рот рукой с мозолистыми костяшками, он кашлянул, и девушка тут же поднесла ему бумажный стаканчик вместо плевательницы. Хари медленно, со смаком потянулся, так что захрустели суставы, и сел, подавшись на край просмотрового кресла и упершись локтями в колени. Его прямые черные волосы взмокли от пота, глаза, почти такие же черные, как волосы, покраснели. Он отвернулся от девицы из «Моторолы» и спрятал лицо в ладони.

Она и ее помощница глядели на него щенячьими глазами, как будто просили милостыни, и ему стало тошно.

Из глубин огромного дивана, обтянутого настоящей телячьей кожей, раздался голос Марка Вайло:

– Ну, Хари? Как? Что скажешь?

Хари глубоко вдохнул, выдохнул, поскреб бороду, потер желтоватый шрам на крючкова-том, дважды сломанном носу. Говорить не было сил. Втайне от всех он называл это посткей-новским синдромом: сокрушительная депрессия, похожая на ломку наркомана, накрывала его каждый раз, когда он возвращался на Землю и опять становился Хари Майклсоном. Сегодня, правда, было не настоящее Приключение, а так, повтор записи трехлетней давности, но и этого хватило.

Хотя если уж быть честным, то до конца: дело не только в синдроме. В животе как будто открылась зияющая дыра, точно он глотнул кислоты и она прожгла его насквозь, прямо через

шрам, который оставил на его печени меч Умного охранника. Ну почему из всех Приключений Кейна они выбрали именно это? Что он задумал, этот Вайло, черт его побери?

Привести его сюда и заставить пересмотреть именно эту часть «Слуги Империи», именно этот фрагмент – это ли не утонченная жестокость, это ли не пытка вроде той, когда свежую рану сначала посыпают солью, а затем выжимают в нее лимон? Боль рвала его изнутри, грызла, как крыса, забравшаяся в кишки.

В основном он справлялся, делал вид, будто эта мучительная боль, одолевающая его всякий раз при мысли о Шанне, была простым несварением желудка или язвой. Короче, прикидывался, что дыра у него в желудке, а не в жизни. Даже поднаторел в самообмане: несколько месяцев сам верил, будто забыл о Шанне и продолжает жить нормальной жизнью.

Хотя чему тут удивляться? Тренировка – великое дело.

– Хари? – Вайло приподнялся на диване. Голос звучал нетерпеливо, а это опасно. – Я жду. Давай выкладывай.

Хари с трудом вытолкнул из глотки слова:

– Это незаконно, Бизнесмен. Запрещенные технологии.

Представительница «Моторолы» ахнула, словно Свободная при встрече с эксгибиционистом:

– Уверю вас, данная технология разработана нашей фирмой совершенно независимо...

Вайло заткнул ее одним взмахом руки, в которой была зажата сигара «КонКристо», черная и толстая, как труба паровоза.

– Черт, Хари, а то я не знаю. За дурака меня держишь? Я спрашиваю: кайф есть?

Марк Вайло, мелкий, но боевитый, как бентамский петух, сам пробился наверх, в касту Бизнесменов. Лет ему было, мягко говоря, за шестьдесят, он был сед, кривоног и заносчив – и неудивительно, ведь он единолично владел контрольным пакетом акций компании «Вайло интерконтинентал», предположительно крупнейшего транспортного концерна в мире. Бог и судья в своем огромном поместье в предгорьях Сангре-де-Кристо, он с неумолимостью демидурга вершил карьеру и судьбу своего подопечного: суперзвездного Актера, которого все на свете знали под именем Кейн.

– Кайф? – Хари пожал плечами, вздохнул. Что толку спорить? – Да, штука забористая. Лучше только самому там побывать. – Он повернулся к представительнице компании. – Ваш нейрхимический ввод – это же подделка, да?

Та протестующе забулькала, но тут уже сам Хари оборвал ее на полуслове усталым:

– Да ладно, хватит.

Его даже порадовало, что сотрудница большой и знаменитой компании оказалась такой непроходимой дурой: будет теперь на что отвлечься на досуге, когда лицо Шанны и холодный упрек в ее глазах снова станут преследовать его. Сколько уже месяцев прошло, и он не может даже вспомнить, когда она ему улыбалась.

«Не отвлекайся, мудака», – мысленно прикрикнул он на себя.

Повернувшись к Вайло, он стал разминать затекшие плечи, надеясь хоть так вдохнуть немного жизни в свой голос.

– Смотри надуют они тебя, Бизнесмен. Эта хрень с мигающим квадратиком... как там они его называют? Синхроморганье?

Представительница «Моторолы» спряталась за сверкающим фасадом профессиональной улыбки:

– Это лишь одна из тех прорывных технологий, которые делают данный продукт уникальным на сегодняшнем рынке.

Хари не обратил на нее внимания.

– Короче, там надо задействовать мигательный рефлекс, чтобы выйти, – продолжал он. – И это не механическая пусковая схема. Она считывает импульс как обратную реакцию индук-

торов, то есть это уже чисто студийная технология, а ты сам знаешь – Студия офигительно серьезно относится ко всякой такой хрени. И нейрохимический ввод здесь чисто для камуфляжа. Так вводят только снотворное, да и то не всякое, если хочешь знать. Короче, чистая подделка, от начала и до конца. Все ощущения воспроизводятся тем же прямым нейронным впуском, который Студия использует в своих креслах для первых пользователей, – только тут они его навернули до предела. Знаешь, как там смердело, когда я отрезал Тоа-Фелатону голову? Вживую так не воняло. И уровень адреналина задрали так, что я чуть не помер – думал, задохнусь. Да, и еще меч ворочается в кишках слишком больно.

– Но-но, Артист Майклсон... – зачастила представительница, тревожно переглядываясь с помощницей. – Мы должны достоверно воссоздать реальность, иначе нам не поверят...

Хари медленно встал: посткейновский синдром как будто размягчил ему все кости, и он лишь усилием воли держал голову прямо. Однако к нему вернулось еще кое-что от Кейна: отрывистая манера говорить, потаенная угроза в голосе и в ледяной черноте глаз.

Приподняв край туники, он показал девушке два симметричных шрама, один спереди, другой сзади, – след меча, которым Умный стражник проткнул ему печеньку три года назад.

– Видишь? Они настоящие. Пощупать хочешь? Так кому лучше знать, тебе или мне?

– Господи, Хари, не будь таким занудным засранцем, – сказал Вайло и снова взмахнул сигарой в сторону представительницы, теперь как бы утешая ее. – Не обращай на него внимания, девочка. Ничего личного, он со всеми такой.

– Говорю тебе, – безжизненным тоном продолжал Хари, – они там напортачили. Если бы меч скребнул меня по ребрам так же больно и в первый раз, я бы вырубился на пару секунд там же. От такой боли можно только стонать, визжать, корчиться или сразу вырубаться. И пока я бы там валялся, тот ублюдок-охранник воткнул бы свой меч прямо мне в горло. Ясно?

Он протянул руку к Вайло и вздохнул:

– Хочешь вложиться в собственные технологии – твое дело. Но я бы на твоём месте не связывался с придурками, которые даже индукционный шлем настроить как следует не могут.

Вайло усмехнулся:

– Никуда я не вкладываюсь, Хари. Я покупаю эту хрень для себя, точка. Даже такой динозавр, как «Моторола», не смеет свободно продавать технологии, копирующие эффекты Студии. А я хочу себе такую штуку, чтобы побаловаться кубиком-другим на досуге, не валяясь каждый раз по две недели на койке, как все первоочередники.

– Ну, как знаешь... Дело твое.

– Хари... – вкрадчиво сказал Вайло, суя в рот сигару. – Не забывайся.

Легкий холодок пробежал по спине Хари в паузе, которая последовала за предостережением Бизнесмена. Представительница компании опять переглянулась с ассистенткой. Вайло, не скрываясь, кивнул на них, словно хотел сказать: «На людях веди себя прилично, сынок».

Хари угрюмо опустил голову.

– Извини, Бизнесмен, – буркнул он. – Я зарвался. Но у меня есть еще один вопрос, если позволишь.

Вайло кивнул снисходительно, как подобает хозяину, и Хари обратился к девушке:

– Те кубики, которые проигрывает это кресло, – это ведь не стандартные студийные записи. По крайней мере, не похоже – стандартные кубики не несут информации о запахе, прикосновении, боли. И вряд ли ваши индукторы в состоянии считывать прямо из нейрохимического канала, а еще компенсировать разницу во времени, следить за дозой и все такое. Вы что, нашли где-то подпольного мастера?

Представительница «Моторолы» нацепила свою лучшую корпоративную улыбку и сказала:

– К сожалению, я не могу ответить на ваш вопрос. Но по условиям контракта Бизнесмен Вайло получит кубики, полностью отвечающие данному оборудованию...

– Довольно, – с отвращением перебил ее Хари и повернулся к Вайло. – Значит, дело обстоит так. Эти идиоты нашли в лаборатории Студии другого идиота, который продает им контрабандные копии. А это значит, во-первых, что ты будешь получать необработанный продукт. То есть Приключение, которое длится две недели, ты будешь переживать в этом кресле в течение двух недель. Никакой разницы с Кавеа, только там ты лежишь в койке, а здесь будешь все время сидеть. И учти, что в этом кресле отсутствует система реакции на движение и нет канала подачи параллельной информации и питания. Во-вторых, они будут непрерывно скармливать тебе контрабанду. То есть между тобой и поставщиком образуется канал связи, и рано или поздно этого придурка со Студии поймают и переделают в киборга. Но еще до того, как он станет Рабочим, студийные копы размотают весь клубок его связей, а информацию передадут друзьям в правительстве. И тогда в твою дверь постучат уже не корректные парни из отдела уголовных расследований, потому что это будет квалифицироваться уже не как техническое правонарушение. Речь будет идти об интеллектуальной собственности и нарушении закона об авторском праве, так что тебя будет ждать встреча с Социальной полицией. А у них даже ты, Бизнесмен, не захочешь оказаться на крючке.

Вайло откинулся на диване и положил голову на подушку, которая тут же приняла форму его затылка. Выпустив облако-другое черного сигарного дыма, он вдруг выпрямился и с усмешкой, от которой гусиные лапки у глаз стали еще заметнее, сказал:

– Хари, ты до сих пор думаешь, как бандит, ты это знаешь? Двадцать лет прошло, а ты как был, так и остался в душе уличным отморозком.

Хари растянул губы в невеселом подобии улыбки: он не знал, к чему клонит патрон, а спрашивать не хотелось.

Вайло продолжал:

– Прогуляйся к пруду, охладись, а я пока тут закончу.

Хари подумал, что было время, когда он счел бы оскорблением не хуже пощечины, если бы кто-то выставил его посреди разговора из комнаты, как малолетку. Теперь он только удивился, и то несильно: было странно думать, что он все еще живет, работает, занимается какими-то делами и даже прикидывается, что в этом есть смысл.

Но в том-то и дело, что во всем этом не было ничего, кроме притворства. Как и в Кейне. Без Шанны мир опустел, и все в нем стало ему безразлично.

Он кивнул Вайло:

– Конечно. Увидимся.

3

Хари бродил по залитому солнцем каменному кругу, внутри которого искрился пруд, питаемый двумя совершенно одинаковыми водопадами. Творец этого уголка потрудился на славу: лишь едва уловимый запах хлорки да убежденность в том, что природа никогда бы не расположила камни с таким глубоким вниманием к удобству человека, выдавали его искусственное происхождение.

Хари ходил взад-вперед, садился, вставал. Пару раз он порывался отправиться в пустыню, навстречу пронизывающему ветру и бесплодным кучам шлака и отходов с окрестных шахт, но каждый раз на границе искусственного оазиса Вайло он останавливался, возвращался к пруду, и цикл начинался снова. Хари задумчиво глядел на покрытую токсичной грязью пустыню, представляя, как бредет по ней между кучами промышленных отходов и каждый шаг приближает его к мертвым скалам на горизонте. Да, вряд ли скитания по отравленным пустошам принесут ему облегчение, но и хуже ему от них не станет, это он знал наверняка.

«Да не переживай ты так, – говорил он себе снова и снова. – Не умерла же она, в самом деле». И каждый раз что-то темное в глубине его души отзывалось – а может, лучше бы умерла. Или если бы умер ты.

Если умрет она, его раны начнут затягиваться; если умрет он, то ему будет все равно.

Черт, ну где там Вайло?

Хари терпеть не мог ждать, всю жизнь. Когда ждешь, волей-неволей начинаешь думать, а в жизни Хари было слишком много такого, о чем он предпочитал даже не вспоминать.

Он завертел головой в поисках чего-нибудь, чтобы отвлечься. Взгляд с надеждой остановился на искусственном утесе, по которому стекал водопад, – может, подъем по скользкой от воды пятидесятифутовой каменной стенке поможет ненадолго забыть о Шанне?

Такой тактики он придерживался со дня их развода: заниматься делом. Не давать себе думать. Вернее, думать о чем угодно, только не о ней. И эта тактика ни разу его не подводила, она работала. С ней он проводил целые часы и даже дни, а один раз прожил неделю без единой мысли о Шанне.

Но беда в том, что он всегда был хорошим тактиком и никуда не годным стратегом. Вот и сегодня он чувствовал, что, выиграв все битвы, проиграл войну.

Да и скала не поможет: его натренированный взгляд уже выхватывал на ее поверхности бесчисленные трещинки и впадины, в которые так удобно ставить ноги и цепляться за них руками, что у него не осталось сомнений – их оставили там не случайно. Скала предназначена для лазания, а значит, он с голыми руками поднимется на ее вершину быстрее, чем большинство людей залезли бы туда даже по веревочной лестнице.

Он с отвращением потряс головой.

– Эй, Кейн! – услышал он девичий голос из пруда. – Иди к нам, поиграем!

В пруду плавали, брызгались и в шутку топили друг друга две вездесущие девицы из «Вайло интерконтинентал», которых нанимали для вечеринок. Длинноногие, худощавые, спортивные, с безукоризненными зубами и такими же грудями, они имели только одно предназначение – развлекать и удовлетворять гостей Вайло. Эти две были просто ошеломительно красивы. Хирургический глянec был частью их бонусной программы на пять лет службы у Вайло, после чего они получали свободу и отправлялись искать свое счастье в других местах. Они явно заигрывали с Хари, выставляя то попку, то бедро или грациозно изгибая покрытую ровным загаром спину так, чтобы сосок мелькнул над водой. Их чары, пожалуй, подействовали бы на него, не будь они так нарочиты.

Но вот та, что окликнула Хари, скользнула за спину второй и привлекла ее к себе; одна ладонь чашечкой накрыла грудь, вторая скользнула под воду, в область паха. Наклонив голову, девушка целовала плечо партнерши, не сводя зовущего взгляда с Хари.

Он вздохнул. Прыгнуть к ним, что ли? Что плохого в сексе с девчонками для увеселений? В отличие от охотниц на звезд, которые имеют привычку путаться у него под ногами, куда бы он ни пошел, профессионалки всегда честны. Они не притворяются, будто он им небезразличен, а ему не надо притворяться, будто они небезразличны ему.

Несколько лет назад он уступил бы соблазну. Но теперь, когда он узнал, что значит любить и быть любимым, когда понял истинный смысл старого избитого выражения «заниматься любовью», он не мог. Ему стало неинтересно. Трахать этих девиц – все равно что совать член в дырку от сучка в доске: трудоемкая и болезненная разновидность мастурбации.

Из-за спины Хари возник слуга в жилете, подпоясанный широким кушаком, с подносом в руке. На подносе стояла крошечная порция виски.

– Лафройг, не так ли?

Хари кивнул и взял виски.

– Э-э-э... Кейн?

Хари вздохнул:

– Называй меня Хари, ладно? Все забывают, что у меня есть имя.

– А-аф... э-э-э... Хари. Да. Просто я хотел сказать, что я твой фанат, я даже, знаешь, это... а, хотя ладно.

– Вот и хорошо.

Однако слуга – кажется, его звали Андре – не ушел, а продолжал маячить поблизости. Хари, глядя на девушек в бассейне, медленно глотнул виски.

Слуга кашлянул и продолжил:

– И конечно, я покупаю только твои кубики. Один раз я даже был первоочередником – пару лет назад, когда Бизнесмен Вайло брал нас с собой на каникулы. Это было круто – мы, конечно, не могли быть тобой, это слишком дорого, но мы были парнем, который называл себя Йотуреем Призраком. Ты его помнишь?

– А что, должен? – спросил Хари, которому сразу стало скучно. Почему-то люди думают, что все Актеры непременно должны знать друг друга.

– Да нет, наверное... просто... я не знаю. Ты убил меня, вернее, его в Анханане, в Крольчатниках.

– А, да. – Хари пожал плечами. Он действительно вспомнил шум в Студии, который поднялся после того Приключения. – Этот парень два дня шел за мной следом, прежде чем я напал на него. Откуда мне было знать, что он Актер? Будь у него мозги на месте, держался бы от меня подальше.

– Так ты даже не помнишь?

– Я много кого убил.

– Господи... – И слуга, заговорщицки подавшись к Хари,дохнул на него красным вином – теперь понятно, отчего он такой смелый. – Знаешь, иногда я даже мечтаю стать тобой... ну, то есть Кейном, понимаешь?

Хари хрюкнул от смеха:

– Ага, представляешь, я тоже.

Слуга нахмурился:

– Не понял?

Хари сделал еще глоток виски – разговор становился интереснее. В конце концов, лучше уж трепаться с фанатом, чем пережевывать в который раз жвачку своих мыслей.

– Мы с Кейном – не одно лицо, понимаешь? Я вырос в гетто Трудящихся в Сан-Франциско, Кейн – найденыш из Надземного мира. Его отцом был паткуанский свободный крестьянин, который подковывал коней в своей общине и подрабатывал кузнечным делом. К двенадцати годам я стал карманником, но только потому, что был слишком мелким для грабителя. Кейна в двенадцать лет продали работоторговцу из Липкана: пришел Кровавый голод и вся его семья медленно умирала.

– Но это же все неправда, понарошку, так?

Хари пожал плечами, опустил на камень и устроился поудобнее.

– Когда я в Надземном мире, где я – Кейн, то все кажется мне вполне настоящим. К этому привыкаешь постепенно. Надземный мир вообще не похож на наш мир, сынок. Там Кейн может делать то, чего я не умею. Он, конечно, не чародей, но где-то близко. Там он быстрее, сильнее и беспощаднее, чем я, хотя, может, и не умнее. Наверное, это и есть магия. Воображение плюс сила воли: ты просто заставляешь себя верить.

– То есть так она работает, магия? В смысле, я никогда по-настоящему не понимал магию, но ты...

– Я тоже, – ответил Хари кисло. – А чародеи – они вообще чокнутые. Понимаешь, они галлюцинируют по команде или что-то вроде... В общем, не знаю. Однажды я был у одного первоочередником. Дурдом тот еще – врагу не пожелаешь.

– Но тогда почему... – Парнишка неловко хохотнул. – Почему ты на такой женился?

«Ну да, все рано или поздно возвращается к Шанне». Хари влил в себя последние капли виски, с усилием проглотил, вздохнул и еле уловимым движением запястья зашвырнул стакан на другой берег пруда, где он разбился о камни: осколки веером сверкнули на солнце, отразив радугу водопада. Хари посмотрел на оцепенелое от ужаса лицо слуги:

– Слушай, может, пойдешь, уберешь, пока Биз Вайло не пришел?

– Господи, Кейн, я не хотел...

– Забудь, – сказал Хари и лег на спину, прикрыв глаза локтем. – Иди убирай.

И стал вспоминать конец «Слуги Империи», когда он лежал головой на коленях Шанны и почти чувствовал слегка мускусный аромат ее кожи, почти слышал ее голос, шепчущий, что она любит его и что он должен жить.

Да, нежась на теплой от солнца скале возле искусственного пруда Бизнесмена Марка Вайло, он грезил о том, чтобы оказаться на загаженной мостовой узкого анхананского переулочка и истечь там кровью.

Вдруг кто-то заслонил ему солнце.

Сердце у Хари дрогнуло, он сел, прикрывая ладонью глаза, надеясь...

Перед ним стоял Вайло, полуденное солнце било из-за его спины.

– Я еду во Фриско. Пошли, подброшу тебя до дому.

4

«Роллс-ройс» Вайло качнуло на ответвлении вспомогательных путей. Бизнесмен расстегнул ремень пилота, вернулся в салон для пассажиров и налил себе бокал метаксы. Одним глотком осушив его сразу на треть, он плюхнулся в большое кресло, стоявшее под углом к дивану Хари.

– Хари, мне нужно, чтобы ты снова сошелся с Шанной, – начал Вайло.

Годы общения с высшими научили Хари сохранять каменное выражение лица при любых обстоятельствах. К тому же он ждал чего-то подобного и готовился, хотя жжение в груди подсказывало, что полностью он не будет готов никогда.

Ему казалось, что Шанна окружает его со всех сторон: он не мог повернуть голову без того, чтобы не увидеть вещь, которая напоминала ему о бывшей жене; в каждом слове, сказанном в его присутствии, ему чудился намек на то, что она испытала его и выбросила, сочтя неподходящим.

Хари взглянул в широченное окно, одно из многих по бокам «роллса»: внизу проносились снежные вершины Скалистых гор.

– Мы ведь уже говорили на эту тему, – устало отозвался он.

– Говорили. И я больше не хочу повторять, понял? Помиришься с ней. Это приказ.

Хари молча покачал головой. Взглянул на свои руки, которые зажал между колен, как упрямый мальчишка, и вдруг одним резким движением вывернул кисти так, что хрустнули суставы.

– Можно мне чего-нибудь выпить?

– Разумеется, – сказал Вайло. – Сам себе налей.

Хари подошел к бару и, стоя к патрону спиной, притворился, будто выбирает напиток. Наугад набрал на панели код, автомат зажужжал, загудел и изрыгнул фруктовую смесь ядовито-малинового оттенка. Вот и все, других предложений оттянуть неприятный разговор у него не осталось. Хари взял стакан, глотнул и поморщился.

– Так в чем твоя проблема? – снова начал Вайло. – Я, кажется, уже в третий раз говорю тебе прямо и без обиняков: мне надо, чтобы вы двое снова были вместе. И чего ты тянешь?

Хари покачал головой:

– Все не так просто.

– Мать твою за задницу! Да я тебе жениться на ней разрешил только потому, что она подходит к твоему имиджу. И к моему тоже. Мне надо чуток смягчиться, чтобы задобрить Шермайю Доул, а то она тормозит с продажей мне GFT.

Доулы были Свободной семьей, но Шермайе нравилось баловаться инвестициями, а иногда и бизнесом; еще она спонсировала кое-кого из Актеров, в том числе Шанну.

Вайло глотнул еще коньяка и задумчиво продолжил:

– Зеленые технологичные поля... Ты ведь знаешь, я уже лет пять пытаюсь вклиниться в сельскохозяйственный сектор, а у GFT есть одна синтетическая штука, которая вроде как позволяет собирать урожаи даже в пустыне Каннебраска. Так вот, эта Доул беспокоится, видишь ли, о Рабочих и Трудящихся, которые работают на GFT; я еле убедил ее, что не собираюсь снижать объемы производства после покупки компании. Вот ведь глупая сучка. Короче, я говорил с ней о Шанне, а она заявила мне, что ни в коем случае не станет давить на девчонку; пусть, мол, они – то есть Шанна и ты – сами разберутся, что там между ними. А я давить буду. Эта Доул – дура, к тому же мягкосердечная. Она сама не знает, чего хочет. Вот я и решил, что если снова сведу тебя и Шанну, то, может быть, это поможет мне со сделкой. Так что давай мирись.

– Шанна сама меня бросила, Биз, – тихо сказал Хари и удивился, как ему стало больно от этих слов. Боль приходила каждый раз, когда он говорил о ней, и он каждый раз удивлялся. – Что я могу поделывать?

– А ей-то что за шлея под хвост попала? – взорвался Вило. – Пять миллионов баб продали бы обе свои сиськи с яичниками в придачу за одну ночь с тобой! Гос-споди боже мой!

– С ночами у нас проблем не было.

Бизнесмен грубовато хохотнул:

– Еще бы!

Хари уставился на шапку малиновой пены в своем стакане:

– Она... э-э-э... черт. Я не знаю. Кажется, она думала, что я не такой, как Кейн. Это... – Он тяжело вздохнул. – Это началось после Тоа-Фелатона, если хочешь знать.

Вайло кивнул:

– Знаю. Потому и дал тебе пересмотреть именно тот кубик.

Хари напрягся, его лицо неожиданно отяжелело.

– Она бросила тебя потому, что ты – задница, – заявил Вайло и ткнул Хари пальцем в грудь. – Она бросила тебя потому, что не могла больше жить с кретином с явными суицидальными наклонностями, который обращался с ней так, словно она – кусок дерьма у него под ногами.

Перед глазами Хари сгустилась красноватая дымка.

– Я никогда... – Но он подавил гнев и продолжил: – Дело не в том, как именно я обращался с Шанной. Хотя, если хочешь знать, я пылинки с нее сдувал.

У него дрогнула рука, и клякса красной пены шлепнулась из стакана на пол «роллс-ройса». Расползающееся пятно было похоже на кровь. Вайло проследил за его взглядом и фыркнул:

– Потом подотрешь. Я еще не закончил.

Он осушил свой бокал и подался вперед, морщины на его лбу стали глубже.

– Я знаю, сейчас ты немного возбужден, но все же послушай меня внимательно. Я хочу, чтобы Шанна вернулась к тебе – без вариантов. Все, что для этого нужно, ты сделаешь. Если ей кажется, что ты слишком... какой-то не такой, значит, черт возьми, стань таким, как надо. Понял? Чего бы это ни стоило. Выполняй.

– Бизмен... – начал Хари.

– Не фамильярничай со мной, Майклсон. Я и так даю тебе слишком много воли. Позволяю тебе огрызаться со мной на публике, корчить крутого чувака и слишком много плачу тебе

за это. Пора бы тебе уже начать приносить мне прибыль. И не забывай – ты не один на этом свете зарабатываешь на жизнь, кривляясь перед камерами.

И Вайло откинулся на спинку сиденья, давая Хари время подумать.

В ушах у Хари звенело от еле сдерживаемого напряжения. Он медленно повернулся к бару и осторожно поставил стакан, следя за своей рукой, чтобы та не дрогнула. Потом так же размеренно он повернулся к Бизнесмену Вайло и тихим ровным голосом произнес:

– Да, Бизмен. Конечно.

5

Хари стоял у высокой проволочной изгороди, которая окружала травяную лужайку за Эбби, и смотрел, как Вайло твердой рукой опытного пилота направил «роллс» с газона в небо: автомобиль еще не поднялся над деревьями, а его турбокамеры уже развернулись, заняв полетную позицию. Струя выхлопных газов заставила Хари прикрыть глаза, но он не ушел – стоял, демонстрируя уважение, до тех пор, пока машина не затерялась в плотных кучевых облаках с кроваво-красным исподом – отражением уличных огней Сан-Франциско.

Хари подошел к широкой двери из армированного стекла, ведущей в солярий, приложил руку к окошку сканера и сказал:

– Детка, я дома.

Сканер считал рисунок его ладони, выбрал соответствующий голосовой отпечаток, отключил систему безопасности и отомкнул магнитный замок – все это в доли секунды, то есть со всей быстротой, какую только можно купить за деньги. Конечно, большую часть работы по отведению в стороны массивных стеклянных пластин, весом не менее семидесяти килограммов каждая, взяли на себя скрытые в стенах силовые приводы; но, судя по легкости, с какой скользили дверные панели, можно было подумать, что они ничуть не тяжелее старомодных плексигласовых.

Свет зажегся, как только Хари вошел в солярий, а дом сказал ему:

– Здравствуй, Хари. У тебя четырнадцать сообщений.

В солярии стоял чудный антикварный набор гнутых венских стульев. Хари неловко прошел между ними, стараясь не сшибить их ненароком. Свет в гостиной включился, едва он подошел к порогу.

Он сказал:

– Эбби. Запрос: сообщения от Шанны?

– Нет, Хари. Проиграть сообщения?

Дом говорил с Хари, куда бы тот ни пошел: в каждой стене были спрятаны малюсенькие динамики и датчики движения, соединенные с домашним компьютером. В какую бы сторону ни повернулся Хари, голос Эбби все время звучал из-за его левого плеча. Шанну это раздражало и даже пугало, она никогда не разговаривала с домом и все время просила Хари сменить систему, а однажды пристала так, что они едва не подрались.

Хари вздохнул. Стоя в передней на мраморном с розовыми прожилками полу, он бросил тоскливый взгляд на пустую величественную лестницу, которая вела в лоджию второго этажа.

– Да, конечно, – ответил он. – Эбби, проиграй сообщения.

Вспыхнул ближайший стенной экран – тот, что у лифта для прислуги, за лестницей. Поднимаясь, Хари не мог видеть лиц на нем, но узнал голос – это почтительно гундосил его адвокат. Несмотря на то что они оба принадлежали к одной касте Профессионалов, адвокат упорно настаивал на низкопоклонстве. Артисты имели пусть небольшое, но все же превосходство над Юристами.

Хари шагал по пустынным коридорам Эбби, экраны один за другим гасли у него за спиной и вспыхивали впереди, вновь и вновь показывая ему потное лицо адвоката, который рас-

сказывал, что поданное им от имени Хари прошение о повышении его кастовой принадлежности опять отклонили. Он выразил мнение, что препятствия создает Студия, поскольку Хари настолько популярен, что его уход из профессии пробьет ощутимую брешь в студийных финансах, и т. д. и т. п.

Хари вошел в спортзал, где скинул пиджак и брюки, приличествующие его статусу Профессионала. Рассуждения адвоката ничуть его не трогали: он и сам не верил, что его прошение будет удовлетворено. Второе сообщение было тоже от адвоката и гласило, что другое прошение Хари – о пересмотре смиренного приговора, вынесенного его отцу, – также отклонено.

Все остальное оказалось еще скучнее. Местная Профессиональная трибуна просила его принять участие в ближайших выборах, восемь различных благотворительных организаций кланчили денег, и все это вперемешку с приглашениями на программы и просьбами дать интервью сетевым шоу разных журналов. Слушая их, он принял решение модернизировать секретарские функции Эбби, включив в них способность резюмировать сообщения. Жутко дорогое удовольствие – как и все, что связано с ИИ, всеми функциями искусственного интеллекта, – но полезное: так он хотя бы не будет слушать это нытье и видеть умоляющие щенячьи глаза.

Дома он почти все время проводил в спортзале. Комната для упражнений и беговая дорожка вокруг второго этажа были единственными пространствами в доме, которых не коснулась глобальная переделка Шанны. В остальных помещениях своего опустевшего теперь дома Хари чувствовал себя гостем.

В одних только коротких шортах, не надев даже перчаток и обуви, Хари принялся обрабатывать гелевую боксерскую грушу. Гель затвердевал от ударов – чем сильнее бьешь, тем жестче становится, пока не приблизится по уровню сопротивления к человеческой кости, после чего, если поток ударов не прекращался, груша сдувалась с громким треском. Задолго до того, как Хари выплеснул на грушу всю боль и ярость, кипевшие в его грудной клетке, каждый его удар уже впечатывался в гель с убедительным «крак», очень похожим на звук ломающихся позвонков человеческой шеи.

Наконец он почувствовал, как разогревается тело и приходит ощущение расслабления – слишком медленно, так что он вспомнил о своем приближающемся сороковом дне рождения и начал лупить еще сильнее. Скоро он вообще перестал видеть цель: отрывки из ролика об убийстве Тоа-Фелатона мелькали перед глазами, заслоняя грушу.

Это было одно из тех убийств Кейна, которые остались с ним навсегда, вечно торчали где-то в подсознании, и избавиться от них было так же невозможно, как выпроводить незваного гостя из высшей касты: хоть и осточертел он тебе, терпи и развлекай его до тех пор, пока он сам не пожелает уйти.

И Студию ведь не обвинишь: Кейн сам выбрал задание Монастырей, хотя Студия скорее склонялась к войне между Анхананом и Липканом. Войны Надземного мира всегда шли шоу-бизнесу на пользу, давая молодым Актерам шанс отличиться и завоевать внимание публики. Хари ушел прежде, чем Комиссия по назначениям успела собраться на совещание, и тем самым вынудил их проголосовать за заказное убийство. Он хотел доказать им, что убийство принца-регента обязательно дестабилизирует феодальный федерализм Анханана и в Империи начнется гражданская война, а такие войны всегда более кровавы и ведутся с большим ожесточением, чем войны империй, расположенных на разных концах одного континента и разделенных Большим хребтом.

Он даже не ожидал, что дальнейшие события до такой степени подтвердят его правоту.

Бойня, которую устроили Герцоги Кабинета, когда очертя голову ринулись в борьбу за власть, направо и налево кроша приверженцев своих политических противников, оказалась чудовищно кровопролитной даже по стандартам Надземного мира. Бедняжка Тель-Тамаранта, королева-дитя, от чьего имени правил принц-регент Тоа-Фелатон, так и не успела повзрослеть

– она пережила дядю меньше чем на сутки. Герцоги прекрасно понимали, что случись одному из них захватить ее и подчинить своему влиянию, как остальным крышка, и не хотели рисковать. Так что первой жертвой Войны за Престол стала красивая глупышка девяти лет от роду.

Вот почему иногда, молотя кулаками, локтями и даже голеньями по груше, Хари представлял вместо нее свою физиономию, и именно себе ему особенно хотелось сломать шею.

«Слуга Империи» стал сюжетом, необычным для эпопеи Кейна, прямо-таки уникальным. Несмотря на свою репутацию, Кейн редко убивал врагов сразу, да еще во сне; зрителям такое не нравится. Публика любит экшен, риск, да и честная драка многим по душе. И все же три года прошло, а ролик с убийством принца-регента Тоа-Фелатона до сих пор часто берут в прокате, в основном из-за необычайной жестокости, которую Кейн проявил, убегая из дворца. Кроме тех двух стражников, он убил четверых мужчин и одну женщину, главного стюарда и самого принца – итого девять человек. Правда, он и сам был смертельно ранен, и нарастающее с каждой минутой сомнение, удастся ли ему вырваться из дворца Колхари живым, добавляло интриги и остроты происходящему.

Будь Кейн тем, за кого он выдавал себя в Надземном мире, то есть местным уроженцем, тот день стал бы последним в его жизни. Даже чудодейственных медицинских технологий Студии едва хватило, чтобы спасти его после срочного Трансфера на Землю. Когда Кейн, истекая кровью, слепой от боли, ввалился в проулок Старого города Анханы, он был почти уверен, что Студия бросит его умирать, ведь он недотянул до назначенной точки перехода.

Но, как оказалось, для него сделали исключение, одобренное на самом верху, иначе этого просто не было бы. Никто, кроме Совета управляющих в Женеве, не вправе принимать подобные решения. Артуро Кольберг, Председатель Студии Сан-Франциско, лично обратился к ним с этой просьбой, а когда к его голосу прибавил свой голос Генеральный директор Студии Тернер, Совет дал санкцию на экстренный Трансфер, который и спас Кейну жизнь.

А ведь срочный Трансфер встречается в студийной практике реже, чем алмазы чистой воды в природе. И это справедливо: какой же тогда интерес, если зритель будет знать: стоит Актеру столкнуться в Надземном мире с проблемой и его тут же вернут назад, на Землю? Звезды одного с Кейном калибра и те иногда погибают; такое событие добавляет остроты ощущениям, а именно в надежде на это первоочередники возвращаются снова и снова. А вдруг Приключение, которое ты переживаешь вместе с Актером, станет для него последним? В семьях Свободных и Инвесторов, основных первоочередников, накоплено немало впечатлений, полученных от пребывания в теле Актера, убитого по-настоящему, и первоочередник в реальном времени ощущает то же, что и Актер, чувствует, как жизнь вытекает из его тела.

Вот и он должен был умереть там, в загаженном проулке Старого города, на булыжной мостовой, среди дерьма, огрызков и отбросов: кровь уже пульсировала в его пальцах, когда на его лицо вдруг упала тень, и он открыл глаза.

Хари прижался лбом к горячему от ударов полимерному боку груши и обхватил ее руками – так измученный боксер в клинче повисает на противнике, лишь бы удержаться на ногах. Только его сжимала в своих беспощадных челюстях не усталость, а память. Она трясла его, как терьер трясет пойманную крысу, чтобы одним движением перебить ей позвоночник.

Грязный тупик, тень ложится ему на лицо, он открывает глаза и видит над собой силуэт в ореоле солнечного света...

Это была Шанна, и, разглядев ее, он едва не задохнулся от ужаса.

Шанна оказалась в Анхане по своим делам, точнее, по делам своей героини Паллас Рил; до начала Войны за Престол столица была популярным местом для Приключений. Необычный шум во дворце, вопли паникующей стражи, трубный рев и странная беготня по улицам и закоулкам Старого города привлекли в центр множество Актеров, которые слетелись, как мухи на трехдневную падаль, – каждый надеялся добавить перца своему второсортному Приключению. И надо же было случиться, чтобы из сотен мужчин и женщин, которые охотились

за ним в то утро, именно Шанна свернула в темный вонючий тупик и наткнулась на него: он лежал на мостовой, рядом – отрезанная голова Тоа-Фелатона, а клок его пропитанных кровью волос был намотан на кулак Кейна.

Именно Шанна опустила на мостовую рядом с Кейном и, положив его голову к себе на колени, гладила его по волосам, пока свет мерк в его глазах.

Они были женаты меньше года.

Лучше бы он умер в то утро. Но административные рычаги провернулись, Совет дал добро, и их с Шанной выдернули из одной реальности в другую, такую холодную и неприветливую, по сравнению с которой смерть в грязном тупике Надземного мира – просто счастье.

Они оказались на Земле, наедине друг с другом.

Все время, пока они встречались и он ухаживал за ней, и даже еще некоторое время после свадьбы Шанна верила, что Кейн – это просто образ. Она считала, что в глубине души ее муж – человек порядочный и добрый. Просто другие не видят в нем того, что видит она. Ее иллюзии развеялись в то утро, когда она сидела на мостовой грязного переулка в Анхане, а ее муж лежал головой на ее коленях.

Взглянув вниз, она увидела другую голову – она принадлежала старику и валялась на мостовой, словно пробитый, никому не нужный мяч; из перерезанной шеи торчали какие-то ошметки, на месте вырезанного глаза зияла кровавая дыра – и тогда Шанна впервые заподозрила, что это, наверное, она ошибается насчет Хари, а все остальные правы.

Но их брак на этом не кончился, о нет: это было бы слишком просто. Беда в том, что и он и она привыкли бороться до конца. И вот они вцепились друг в друга мертвой хваткой, как два бульдога, и сначала разругались вдрызг, потом помирились, потом снова разругались, и так до бесконечности. И как всегда в подобных неразрешимых ситуациях, первой выход из тупика нашла умница Шанна – она просто отпустила мужа, разжала хватку и отпустила.

А потом ушла от него сама и, уходя, забрала с собой все, что было в его жизни правильного и хорошего.

Хари оттолкнулся от гелевого мешка и с разворота так саданул по нему ногой, в самую середину, что тот сложился пополам, словно машина, на всем ходу налетевшая на столб. Тогда он вцепился в мешок и попытался сорвать его со шнуров: лупил по нему кулаками и ребрами ладоней, локтями и коленями, предплечьями и голеньями, пальцами ног и пятками, даже лбом. Но как он ни старался, сколько ни потел, одно осталось при нем – его гнев. Слишком глубоко он въелся в него, так просто не добаться. А ведь гнев был всего лишь прикрытием боли.

Наконец Хари остановился, тяжело дыша. Нет, все не то. Бесполезно. Сейчас ему может помочь только одно. Надо вернуться в Надземный мир.

Снова стать Кейном.

И непременно, обязательно кого-нибудь убить.

Но убивать было некого, и, как всегда в таких случаях, Хари обратил свой гнев на единственную доступную жертву: самого себя.

Он сказал:

– Эбби, вызови Шанну. Без изображения, только звук.

На экране появилось ее лицо, и от взгляда ее зеленовато-карих глаз ему стало больно, как от удара ножом.

Но это, конечно, был ее экранный двойник; как и сам Хари, она никогда не отвечала на сообщения лично.

– Привет, – сказал двойник так жизнерадостно, искренне и радушно, как будто и впрямь был рад всех видеть. – Я – Паллас Рил, странствующая волшебница. Мое другое имя – Шанна Лейтон, и я Актриса.

«Шанна Лейтон Майклсон», – добавил про себя Хари.

– Если у вас есть сообщение для одной или для другой меня, пожалуйста, говорите.

Во рту у Хари стало горько. Он не сводил глаз с изящного изгиба ее шеи, чистых очертаний лица, густых, коротко стриженных кудрей. Пальцы дрогнули, когда он вспомнил их шелковистую мягкость. Он мог бы с закрытыми глазами, по памяти восстановить всю ее, каждую черточку, до последней веснушки.

«Я стану другим», – безмолвно пообещал он ее цифровому образу на экране и понял, что все безнадежно. Может, она даже согласится подыграть ему – недолго, всего пару дней, лишь бы Вайло остался доволен, – не исключено, что он еще не совсем безразличен ей и она ему поможет, но дело в том, что у него не поворачивался язык попросить ее об этом.

Если она откажет, ему будет очень больно, а если согласится, еще больнее.

Она не раз говорила, что их разрыв мучителен для нее. Хари не знал, правда ли это, и не мог проверить, по-прежнему ли ей так же больно, как и ему. Он надеялся, что нет.

И вот он стоял перед экраном, пальцы покалывало от волнения, сердце колотилось так, будто только и ждало этого момента. Как будто он искал предлог, чтобы снова появиться в ее жизни.

Давление Вайло стало поводом: теперь Хари было чем замаскировать невысказанную правду – как бы он ни притворялся, после расставания не было и часа, когда бы он не думал о ней. И все же он не знал, где найти слова, чтобы выразить одну незатейливую мысль: «Твой Патрон и мой Патрон решили, что нам с тобой снова надо быть вместе».

Но говорить было надо, и он, кашлянув, начал:

– Привет, Шанна, это я, Хари. Я тут...

– Одну минуту, – сказал экранный двойник и принял новый облик: темно-синий со стальным отливом костюм, форма Надземного мира, которая превращала ее в Паллас Рил. – Поздравляю! Теперь вы внесены в список моих друзей!

«Друзей? – удивился он. – Так вот мы теперь кто?»

– Поскольку вы в списке друзей, я сообщаю вам, что нахожусь в Приключении и рассчитываю быть дома к вечеру восемнадцатого ноября. Раньше я позвонить не смогу, так что не ждите и не будете разочарованы.

Хари сник. Он совсем забыл: она ведь еще неделю назад отбыла на завершающую стадию своего текущего Приключения. Он прервал звонок, вяло щелкнув по кнопке на стене. Шанна не на Земле. И даже не в одной с ним вселенной.

«Вся моя жизнь, – посетовал он мысленно, – это короткий прыжок в глубокое дерьмо».

6

Стенной экран визжал так пронзительно, что Хари показалось, будто его ударили в ухо ножом. Он дернулся и вскочил, голова кружилась. Всю ночь он пил, сидя в одиночестве в пустом доме, и теперь не мог разлепить веки и понять, откуда этот визг. Он стал тереть глаза кулаками. Наконец верхние веки буквально оторвались от нижних, и Хари почувствовал прикус крови, а от яркого солнца, которое било в окно спальни, у него едва не лопнула голова.

«Черт, сколько сейчас уже? Полдень?»

– Эбби, – сипло каркнул он. – Поляризация. Сумрак.

– Пожалуйста, перефразируйте команду, Хари.

Он прокашлялся и сплюнул вязкий комок в специальный контейнер под кроватью.

– Эбби, поляризируй окна. Сумрак.

Пока в комнате медленно темнело, он, повысив голос, чтобы перекричать противный визг, спросил:

– Эбби, вопрос: что это за гребанный шум?

– Пожалуйста, пере...

– Да, да. Эбби, убери слово «гребанный». Вторая попытка.

– Этот шум – установленный вами приоритетный сигнал тревоги, Хари. Им обозначается входящий вызов под кодом Суперсрочно.

– Эбби, вопрос: какой код?

– Код с пометкой Чертова Студийная Задница, Хари.

– Черт. – Пришлось срочно сосредоточиться. Чертовой Студийной Задницей в его системе кодировок назывался Гейл Келлер, личный помощник Председателя Студии Сан-Франциско Артуро Кольберга. Значит, плохие новости. – Эбби, только аудио. Ответить.

Визг внезапно сменился благодистой тишиной. Хари сказал:

– Да, Гейл. Это Хари.

– Артист Майклсон? – Голос секретаря звучал без обычной уверенности; он, как и все люди, не слишком любил говорить с собеседником, которого не видел. – Э-э-э... Администратор Кольберг вызывает вас к себе в кабинет, срочно.

– В его кабинет? – повторил ошарашенный Хари. Кольберг никогда и никого не принимал в своем кабинете. Хари уже десять лет был звездой Студии, но еще ни разу не входил в кабинет Председателя. – А в чем дело? Мое следующее Приключение начнется только после первого числа будущего года, разве нет?

– Я... э-э-э... даже не знаю, Артист. Администратор ничего мне не сказал. Велел только добавить, что это насчет вашей жены, если вы будете спрашивать.

– Моей жены? – «Интересно, на свете есть хоть что-то, не имеющее отношения к моей жене?» – подумал он в приступе похмельной угрюмости. – А в чем дело? Случилось что? – Сердце ухнуло куда-то вниз, но тут же взмыло опять и застучало сильнее. – С ней все в порядке? Что с ней?

– Я не знаю, Артист Майклсон. Он велел сказать...

– Понял я, понял, – отрезал Хари, спустил ноги с кровати и встал. Похмелье как рукой сняло. Так, сколько ему нужно времени, чтобы принять душ и одеться? Нет, к черту душ; некогда. А зубы почистить? Или так и идти к Председателю Студии, дышать на него перегаром? «Черт, соберись». – Уже иду. Скажите ему, что я через полчаса буду. Скажите... просто скажите, что я уже в пути.

День первый

– Эй, слушай, не я один убиваю людей.

– Никто и не говорит, что ты один, Хари. Дело вообще не в этом.

– Я скажу тебе, в чем дело. Дело в том, что именно так я стал звездой. Дело в том, что так я плачу за этот дом, за машины, беру нам столик в Пор Л’Оель. Так я плачу вообще за все!

– Это не ты платишь, Хари. Платит Тоа-Фелатон. Его жена. Их дочери. И еще тысячи жен, мужей, родителей и детей. Вот кто за все платит.

1

– Его имя... э-э-э... Ма’элКот. – Администратор Кольберг облизал толстые бесцветные губы и добавил: – Мы... э-э-э... полагаем, что это псевдоним.

Хари, который напряженно стоял перед массивным столом Председателя, внутренне ощерился: «Ясное дело, погоняло, ты, придурок». Вслух он сказал:

– ЭлКот на языке пакули означает «огромный» или «беспредельный», а приставка Ма является начальной формой глагола «быть». Это не имя, а бравада. – «Не будь ты таким идиотом, ты бы это знал».

Скрытые комментарии никак не отражались на лице Хари; годы практики приучили его носить маску внимания при любых обстоятельствах.

Широкий прямоугольный экран «Сони» за спиной Председателя показывал то, что можно было бы назвать видом из окна – позднее осеннее солнце спускалось в бухту, – не будь его кабинет расположен глубоко под комплексом Студии.

Этот кабинет был святая святых, которую мало кто видел. За все одиннадцать лет председательства Кольберга даже Хари был здесь всего раз, а ведь он не кто-нибудь – звезда номер один в Сан-Франциско, бессмертный участник студийного Списка Десяти самых высокооплачиваемых Актеров в мире. Помещение было небольшое, с округлым потолком и стенами – ни одного прямого угла. Система климат-контроля поддерживала в нем сухость воздуха и температуру, почти достаточную для того, чтобы Кольберг не потел, – и все же не вполне.

Председатель Студии Сан-Франциско был неопрятным коротышкой, не столько толстым, сколько мягкотелым и дряблым. Пряди бесцветных седых волос облепили его лысую макушку, исполосованную шрамами неудачных трансплантаций, водянистые глаза терялись между валиками кожи, цветом и текстурой, похожей на прокисшее дрожжевое тесто.

Такую кожу Хари видел лишь однажды, когда Кейн освободил партию рабов из пещер племени огриллоев в Зубах Богов. Огриллой выращивали их в вонючем подземном логове, словно скот на убой. Среди рабов были подростки, никогда не видевшие солнца, мальчишки, которых кастрировали, чтобы сохранить их мясо сочным и нежным. Вот у них была почти такая же кожа, как у Кольберга.

Не надо думать об этом сейчас, а то опять начнет трясти.

Звезда Кольберга взошла одновременно со звездой Кейна. Именно он послал Хари участвовать в Приключении, позже прославленном как «Последняя битва при Церано». Для них обоих это оказался прорыв – Кейн буквально ворвался в Десятку Лучших Актеров, а Кольберг стал тем Председателем, который ввел его туда. Он безошибочно улавливал малейшие колебания настроения публики, и Студия Сан-Франциско преуспевала, как никакая другая в мире. Кольберга уже считали преемником Бизнесмена Уэстфилда Тернера, Президента и Генерального директора Студии. Так что к успеху Кейна Кольберг имел, пожалуй, почти такое же отношение, как и сам Хари.

Хари презирал Кольберга. Вернее, смотрел на него с омерзением, как на таракана, который попал бы в его тарелку утренних хлопьев.

Кольберг продолжал лопотать что-то о Ма'элКоте, самопровозглашенном Императоре Анханана.

– Тебе стоило бы послушать меня внимательно, Майклсон, – вдруг прервал он сам себя. – Ведь это ты посадил его на Престол.

В этом был весь старина Кольберг – липкий мерзавец может часами ходить вокруг да около, нет чтобы сразу сказать, в чем дело. По дороге к нему Хари уже испытал возможности корпоративного сарафанного радио: задавал вопросы привратникам, охранникам, секретарям, даже у скользкого червя Гейла Келлера спрашивал – о Шанне никто ничего не слышал. Все студийные люки были задраены наглухо, и если кто что и знал, то не спешил выкладывать. А Кольберг до сих пор даже имени ее не назвал. У Хари прямо руки чесались треснуть его как следует, чтобы узнать, зачем он здесь, но, зная, что это будет его последний поступок в жизни, он воздерживался.

– Во-первых, – ответил он напряженным голосом, – я не сажал Ма'элКота на трон – он и без меня справился.

– После того, как ты убил его предшественника.

Хари пожал плечами – надо же, всю неделю он только об этом и слышит, надоело уже.

– А во-вторых, я больше не занимаюсь заказными убийствами.

Кольберг моргнул:

– Не понял?

– Я... больше... не... убиваю... на заказ. – Хари отчетливо проговаривал каждое слово, чувствуя, что его наглость граничит с нарушением кастовых законов. – Отныне я буду заниматься только нормальными Приключениями, типа «Отступления из Бодекена».

Толстые губы плотно сжались.

– Но еще одно убийство тебе все же придется совершить.

– Вы игрок, Стратор?

Кольберг хохотнул так, что у него в горле что-то хлопнуло, глаза увлажнились.

– А он... э-э-э... впечатляет, этот Ма'элКот, – военный колдун, отличный полководец. Вот, взгляни.

Экран за его спиной мигнул и показал компьютерно-стабилизированную картинку: вид глазами кого-то из участников Приключения. Хари узнал трехэтажную платформу из травертина, пристроенную к глухой стене храма Проритуна. Густо-желтый свет анхананского солнца придавал картинке шафрановый оттенок. Тот, чьими глазами они смотрели сейчас, стоял, судя по направлению его взгляда, спиной к фонтану, вплотную к конной статуе Тоа-Фелатона.

Прямо перед ним были головы, много голов: люди стояли плечом к плечу, вся площадь была заполнена народом.

На платформе стоял человек, он говорил с толпой. Рыцари дворцовой стражи выглядели рядом с ним карликами – его макушка была на уровне верхушек их алебард. А кулаком, который он выбросил вперед в порыве гнева, вполне можно было прессовать уголь в алмазы.

Черные доспехи, сверкающие, точно обсидиан, на солнце казались полупрозрачными, а чистейшей белизны плащ стлался за ним по воздуху, придавая ему сходство с раскинутым крыльями орлом. Волосы цвета ошкуренного дерева крупными кудрями падали ему на плечи, шевелясь от того же невидимого ветра. Подстриженная, умасленная маслом борода с сильной проседью обрамляла широколобое, большеглазое лицо, буквально лучившееся честностью и благородством.

Даже не слыша его слов, Хари не мог отвести от него глаз. Стоило Ма'элКоту сурово насупиться, и казалось, хмурится само небо; когда же он с любовью взирал на своих Подданных, его лицо было прекраснее утренней зари долгожданной весной.

Хари понял – кто-то там фокусничает со светом. Конечно, хороший маг может внушить подобную иллюзию даже большому числу людей на обширной территории, но чтобы настолько натурально – это надо уметь.

И Хари, сам того не желая, одобрительно хмыкнул:

– Классно он это делает.

– О да, – согласился с ним Кольберг. – Большой мастер иллюзий, вне всякого сомнения. А еще он... э-э-э... дьявольски умен.

– Да ну?

– Похоже, ну... – Кольберг кашлянул в ладонь. – Похоже, он самостоятельно заново открыл и разработал принцип функционирования полицейского государства.

– Молодец какой, – рассеянно похвалил Хари, не отрываясь от экрана.

Он пару раз видел Ма'элКота на военных парадах в честь успешного окончания кампании, которая увенчала собой Войну Долин, но никогда не наблюдал его так близко. И все же в каждом его движении, в выражении лица Хари чудилось что-то знакомое. Черт, откуда? Он знал, что этот вопрос будет свербеть у него в голове до тех пор, пока он не найдет на него ответа.

У кого он видел такие жесты раньше?

– ...Внутренний враг... – продолжал между тем Кольберг. – У нацистов это были евреи, у коммунистов – контрреволюционеры, у нас – вирус HRVP. А вот Ма'элКот придумал... э-э-э... оригинального внутреннего врага. Когда ему нужен предлог для уничтожения очередного политического противника, он... э-э-э... объявляет его Актири.

«Актири» – слово из диалекта Вестерлингов, обладает множеством отрицательных коннотаций, например: безумный, злой, человекоубийца, чужак, пожиратель детей и так далее. Актири – злые духи, которые, принимая человеческий облик, втираются в доверие к людям, а потом насилуют, грабят и убивают в полное свое удовольствие. Актири можно убить, но их тела исчезают без следа, оставив за собой радужную вспышку.

Лингвистически это слово, хотя и диалектное, представляло собой заимствование из английского. Видимо, первые Актеры, которых Студия тридцать лет назад переправляла в Надземный мир несколько более примитивными способами, чем сейчас, произвели неизгладимое впечатление на культуру аборигенов.

– Охота на ведьм.

– Актири-токар, – поправил его Кольберг. – Охота на Актеров.

– Неплохо, – сказал Хари и надавил на точку над левым ухом – лингвистический центр мозга. – Единственный способ доказать свою невиновность – дать им порыться у тебя в голове. Если там нет передатчика, значит все в порядке. И не важно, что ты умрешь в процессе. Зато, если твой труп не исчезнет, перед ним, возможно, извинятся. – Хари пожал плечами. – Старая

новость. Студия уже выпустила пару циркуляров с обновленными протоколами Анханана. Но я все равно не стану убивать его для вас.

– Майклсон... Хари, пожалуйста, пойми. Дело не только в том, что он взял в плен нескольких Актеров – не самых успешных, к счастью. Главное, что он цинично пользуется Актири-токаром как методом уничтожения политических конкурентов и вообще неугодных, прекрасно зная, что эти люди... э-э-э... хм... не виноваты ни в чем.

– Тебе нужен другой Майклсон, – сказал Хари. – Точнее, другая – моя жена.

Кольберг приложил короткий палец к толстым губам:

– Ага, да, жена... мм... ее персонаж Паллас Рил уже проявила определенный интерес к этой проблеме.

Услышав ее имя, так просто соскользнувшее с губ Кольберга, Хари вздрогнул, словно кто-то воткнул иглу в его спинной мозг.

– Да, я слышал, – процедил он сквозь зубы. – Играет в спасительницу народов.

– Видимо, ты не до конца понимаешь суть этого события, Хари. Мы на Студии должны всегда видеть перспективу. Актир-токарь исчерпает себя рано или поздно, и Империя Анханан снова станет безопасной для Актеров. Слишком безопасной, если ты понимаешь, о чем я. Ведь если Империя хочет стать по-настоящему эффективной, она должна первым делом избавиться от огриллов, приструнить бандитов и перебить драконов, троллей, грифонов, а также эльфов и гномов – то есть всех тех, кто делает Приключения там особенно захватывающими. Понимаешь? Как только Ма'элКот добьется своего, Империя потеряет для нас интерес в качестве площадки для Приключений. Сама Анхана уже и сейчас не намного экзотичнее, чем, скажем, Нью-Йорк. Усиление этого... хм... тренда крайне нежелательно. Система студий – и наша Студия в особенности – слишком много вложила в Империю Анханан. К счастью, Ма'элКот держит всю власть в своих руках – классический случай культа личности, можно сказать. Достаточно убить его – и Империя развалится на части.

– Шанна принимает все это близко к сердцу. Почему бы вам не обратиться к ней?

– О чем ты? – буркнул Кольберг. – Ты же сам говоришь, она – прирожденная защитница невиновных. К тому же ты знаешь – Паллас Рил не занимается заказными убийствами, это не ее профиль.

– Кейн тоже сменил профиль.

– Майклсон...

– А если вам это не нравится, – внушительно произнес Хари, – обсудите проблему с Бизнесменом Вайло.

Кольберг даже не моргнул, услышав имя могущественного покровителя Хари. Наоборот, его резиновые губы растянулись в подобии улыбки.

– Вряд ли в этом будет нужда.

– Думайте что хотите, Администратор, – сказал Хари. – Но я не понял, при чем тут моя жена?

– Неужели? – Он всплеснул руками, встал, потирая ладони, и вздохнул – похоже, что с сожалением. – Прощу за мной.

2

Огромный, от пола до потолка, экран с 270-градусным обзором перед просмотрным креслом Председателя был пуст, когда Кольберг привел Хари в свою личную ложу. «Еще один первоочередник», – подумал Хари, шаркая сандалиями по густому винно-красному ворсу кашемирового ковра.

Председательское кресло для просмотров было выполнено из орехового дерева, а лайковые подушки с гелевым наполнителем так и манили прилечь, обещая блаженство, доступное

лишь младенцу на руках матери. Откидные подлокотники были снабжены немислимым набором напитков и закусок – здесь было все, вплоть до тостов с белужьей икрой и крошечных стопок «Родереровской кристальной», на случай, если владелец предпочтет вывести трансляцию на экран, а не смотреть ее в индукционном шлеме, который нависал над креслом сзади, отдаленно напоминая колпак электрического стула.

Жестом дворецкого, показывающего гостю дорогу, Кольберг указал Хари на кресло и добавил:

– Средства комфорта задействовать не обязательно, кубик длится всего двенадцать минут. Снотворного тоже не будет. Полагаю, твой организм... э-э-э... толерантен к прямому вводу, без химической поддержки?

Хари пожал плечами:

– Раньше был.

– Вот и отлично. Прошу садиться.

– Так вы объясните мне, о чем речь?

– Этот кубик... э-э-э... говорит сам за себя. – Губы Кольберга дернулись, как будто он подавлял усмешку. – Прошу, – повторил он, но по тону было ясно – это не просьба.

Хари опустился в кресло, и его охватило глубокое чувство нереальности происходящего. До сегодняшнего дня он никогда даже не заглядывал в личную ложу Председателя и вдруг оказался в его кресле. Хуже было бы только надеть его трусы.

Не глядя он протянул руку за шлемом, но оказалось, что тот уже сам наезжает на него. Скоро его глаза оказались закрыты щитками, а рот и нос – респиратором. Хари поправил его и вдохнул безвкусный нейтральный воздух.

В поисках кнопок управления Хари скользнул ладонями по подлокотникам, но кресло уже само запустило процесс. Под закрытыми веками вспыхнул свет – это индукционный шлем стимулировал зрительный центр мозга. Перед глазами поплыли бесформенные цветные пятна, которые скоро слились в простые геометрические фигуры – линии, квадраты, круги. Они набирали глубину и плотность по мере того, как схема обратной связи шлема отслеживала процессы в голове Актера и настраивала устройство ввода так, чтобы его излучение совпадало с индивидуальными характеристиками Хари.

Тем временем монотонный повторяющийся лязг, похожий на дребезжание коровьего колокольчика, который Хари слышал с самого начала индукции, разделился на отдельные звуки, а те постепенно слились в начальные аккорды баховского мотета «Иисус, моя радость», затем добавились инструменты и голоса – и в ушах Хари зазвучала «Ода к радости» из Девятой симфонии Бетховена, а его взгляд услаждал летний пейзаж Скалистых гор, увиденный с вершины Коппер-Маунтина. Кожа пошла мурашками от бодрящей ласки ветра, плечо ощутило шершавое прикосновение мотка пеньковой веревки, ноги – давление сапог, ноздри защекотал аромат белых и желтых цветов вперемешку с мускусной вонью сурков, чьими норами были изрыты склоны горы.

Вместе с этим тело Хари ощущало прикосновения председательского кресла – кинестезия реальности никуда не делась. Обычное кресло параллельно с индукцией поставляло бы ему в кровь химические подавители, род снотворного, которое притупило бы его восприятие себя, открыв непосредственный доступ к чужому опыту, не пропущенному через фильтр собственного «я». Но это кресло не было даже оборудовано прибором для впрыскивания препарата: должность Председателя не позволяла его владельцу расслабиться настолько, чтобы полностью стать кем-то другим, забыв себя и свои многочисленные обязанности перед Студией.

Скалистые горы еще продолжали таять на экране век, а действие уже шло.

Сначала возникло место – комната, залитая солнечным светом, более густым и желтым, чем на Земле. Грубые шерстяные одеяла брошены на матрасы, щетинистые от торчащей из них

соломы. На матрасах прильнули друг к другу мужчина, женщина и две маленькие девочки. На голове у всех четверых конусы из тускло поблескивающего металла, похожие на накомарники.

Затем подключились запахи и звуки. Потянуло сохнувшим на солнце конским навозом, вонью потных человеческих тел, взмокших под доспехами. Где-то далеко вскрикивали возчики, прокладывая телегам путь в толчее улиц, поблизости журчала вода. Наконец раздался голоса.

– ...За что? Я не понимаю. Я всегда был лоялен к властям, – говорил мужчина на вестерлинге, главном диалекте Империи. – Поймите, нам очень страшно.

Кресло было подключено к главному компьютеру Студии, который поддерживал протокол перевода при помощи искусственного интеллекта, так что каждое сказанное слово звучало в голове Хари дважды – в оригинале и на английском. При этом перевод чуть запаздывал, и Хари, который прекрасно владел вестерлингом, пакули, липканским и сносно объяснялся еще на паре диалектов, раздражало это эхо в мозгу.

Скрипнув зубами, он постарался сосредоточиться на кинестезии Актера, в чьем сознании он оказался.

Тело ощущалось как стройное, не мускулистое, но очень спортивное. Доспехи из легкой, гибкой кожи, плащ, наручи, ботинки. Человек контролировал не только каждое движение тела, но и его положение в пространстве, словно танцор или акробат. Доспехи без гульфика – в нем нет нужды, так как отсутствует постоянное инстинктивное стремление мужчины защищать свои наружные половые органы.

«Женщина», – решил Хари и тут же ощутил, как панцирь туго облегает грудь – точнее, груди.

И тут все сошлось: и знакомая откуда-то линия от груди до бедра, и легкий наклон головы, которым она отбрасывала за спину волосы, и такое характерное пожатие плечами. Она еще молчала, ее голос еще не раздался в его ушах, а он уже все понял.

– Нам всем страшно. Но я клянусь, что спасу вас, если вы мне поможете, – сказала Шанна.

3

– Конечно помогу! – восклицает мужчина. – Думаете, я хочу, чтобы мою жену и дочек отдали Котам на растерзание?

Его жена вздрагивает при этих словах; дочери ведут себя спокойно, – наверное, они еще слишком малы, чтобы понимать смысл сказанного.

– Конечно нет, – говорю я и улыбаюсь своей самой лучезарной улыбкой. Она работает: его взгляд заметно теплеет. – Коннос, ты можешь ничего не объяснять, если не хочешь, но мне интересно: как ты добрался сюда? Донос на тебя был подан четыре дня тому назад; как случилось, что тебя еще не арестовали? Не хочешь – не говори, твое право, но если ты расскажешь – это может спасти жизнь другим, понимаешь?

Я опускаюсь на шершавый дощатый пол, подогнув под себя ноги. Коннос нервно оглядывается на моих спутников – я перехватываю его взгляд:

– Ты ведь доверяешь мне, доверяешь достаточно, раз послал за мной, а я доверяю этим людям. Это близнецы... – (Двое крепких золотоволосых парней с глазами стариков одинаковыми движениями точат одинаковые мечи.) – Они сбежали из школы гладиаторов, особой любовью к Империи не пылают, уж поверь. Это Таланн... – (Женщина сидит на полу в позе лотоса, тренированное тело угадывается под свободной туникой и штанами, маниакально сверкающие фиалковые глаза глядят из-под копны платиновых волос.) – За ее голову назначена награда в сто ройялов. А вон там, у окна, Ламорак, но о нем ты, наверное, уже слышал.

«Ламорак? – неприятно кольнуло Хари. Ламорак был Актером. – Сукин сын! Я знал, что они с Шанной друзья, но... Господи. Интересно, далеко у них зашло?»

Ламорак бормочет короткую фразу себе под нос, и я чувствую притяжение его магии, когда из его ладони вырывается маленькое пламя; он наклоняется, подцепляет огонек кончиком сигареты из листьев рита, затягивается, и струйка пряного травяного дыма уползает в окно.

Это он выпендривается. Шанна включает режим внутреннего монолога. Знает ведь, что здесь нельзя творить магию, даже самую слабую, ощутимую только в пределах комнаты.

Внутренний монолог – беззвучные движения языка и гортани, которые переводной протокол трансформирует в квазимыслительный процесс, – обычно растворяется в потоке снотворного, которое первоочередник получает в кровь на протяжении всего сеанса, и вскоре становится неотличимым от настоящих мыслей; без химической подпитки монолог раздражает почти так же, как осуществленный искусственным интеллектом примитивный перевод с вестерлинга. Голос Паллас – Шанны течет в уши Хари. Он ерзает, скрипит зубами, говоря себе, что кубик длится всего двенадцать минут. Надо выдержать.

Ламорак поворачивается, чтобы посмотреть на улицу, его рука – на обтянутой кожей, широкой, с полторы ладони, рукояти меча Косаля. Солнечный свет золотит его безупречный профиль, и, как обычно, я не нахожу в себе сил разозлиться, с трудом отрываю от него глаза и перевожу взгляд на Конноса.

– Я не политик, – между тем говорит он, откидывает сетку с лица и вытирает ладонью губы. – И никогда им не был. Я только ученый. Всю свою жизнь я посвятил фундаментальным исследованиям магии, то есть природы, поскольку они – одно. Видишь эту сетку? Она серебряная, так? А серебро обладает почти безупречной способностью пропускать магию – лучше его в этом смысле только золото, но я бедный исследователь, и каждая золотая монета из моего кошелька идет на прокорм моего семейства. Так вот, все заряженные амулеты, плавучие иглы, маятниковые индикаторы и прочие поисковые устройства улавливают характерный отпечаток, который искомый объект оставляет везде, как запах. Вы, адепты, обычно зовете его Оболочкой. В общем, мы сами, наши жилища и наши личные вещи резонируют на одной частоте, причем у каждого она своя. А серебряная сетка перехватывает наше излучение, как бы замыкает его на себя, делая нас почти невидимыми. Кроме того, она защищает от принуждения. В общем, если соединить сетку с источником Потока, например с гриффинстоуном...

Он продолжает бормотать, но я почти не слушаю, так восхищает элегантность придуманной им защиты.

Это же вариант клетки Фарадея, значит он ведет исследования по научной методологии. А ведь считается, что местные не могут пойти в своих воззрениях на природу глубже магической поверхности вещей. Наши социологи годами твердят нам, что занятия магией притупляют «научное чутье». По их теории, он должен мыслить исключительно в категориях блокировки одного заклинания другим, а не рассуждать об общих принципах, на которых основывается вся эта ветвь магии в целом. Ха. Впечатляет. Надо мне тоже обзавестись такой сеткой.

– Конечно, без гриффинстоуна против целенаправленных усилий хорошего мага они не выдержат, – продолжал Коннос, – но именно на этот случай у меня имеется маленький дружок, вот здесь. – Он погладил выпуклую крышку полированного футляра из слоновой кости, который торчал из сумки у него на поясе. – Это заклинание, я сам его написал и назвал заклятием Вечного Забвения. Сильнейшее заклятие противослежения из всех, какие я знаю, но прибегать к нему следует только в крайнем случае...

– Будем надеяться, что нам оно не понадобится, – прерываю его я, сейчас не время для долгих объяснений. – Лучше сними пока сетку. Ненадолго, – поспешно добавляю я, видя, что он уже готов протестовать. – Очи Короля время от времени пытаются подослать к нам шпионов...

– Я не шпион! Разве шпион взял бы с собой жену и детей на такое опасное задание?

– Нет-нет, ты меня не понял. Я знаю, что ты добрый и честный человек, – отважно лгу я. – Дело совсем не в этом. Просто есть заклинания, которые можно наложить на человека помимо его воли, так что он сам себя выдаст. А есть другие, которые призывают к тому, кто ищет, и открывают ему убежище жертвы. Мне нужно испытать тебя сейчас, чтобы проверить, нет ли на тебе подобного заклятия. Другие такие же жертвы, как ты, уже ждут нас там, в том месте, куда я тебя поведу и которое я сделала непроницаемым для любой поисковой магии. Чтобы защитить их, а заодно и нас, я должна проверить тебя.

Коннос смотрит на жену, та отвечает ему испуганным взглядом, но не успевает раскрыть рта, как Ламорак у окна говорит:

– Беда.

Я подбегаю к нему; за спиной я слышу шелест – это встают, готовясь к делу, Таланн и братья.

Солнечная улица выглядит совершенно обычной – ветхие многоквартирные дома в два ряда, а между ними месиво из грязи: два дня назад шли дожди, дорога еще не просохла. Народу почти нет: так, редкие работяги, в основном пешие, пробираются по гнилым деревянным мосткам через грязь, направляясь в Промышленный парк за улицей Мошенников, надеясь найти там работу.

И все же что-то не так. Я хмурюсь: что же? Я уже готова спросить Ламорака, что он видит, как вдруг мне становится понятно: все дело в том, чего он не видит. Исчезли наши дозорные.

В переулке на расстоянии половины квартала от нашего дома пусто, хотя там должен спать на земле пьяница; на крыльце, где раньше сушил свои лохмотья прокаженный, блестит свежее красное пятно, подозрительно похожее на кровь.

Мое сердце пропускает удар. Плохо дело.

– Как? – спрашиваю я. – Как это возможно? Как им удалось подобраться так близко?

Нет нужды уточнять, о ком речь, мы оба знаем: они – это Серые Коты.

Ламорак встряхивает головой и бормочет:

– Заклятье какое-нибудь... не знаю. Я ничего не видел.

– Но ведь я должна была почувствовать натяжение Потока...

– Мы же знали, что так случится рано или поздно, – говорит он, нежно берет меня за плечи, поворачивает к себе и смотрит в глаза. От его кривоватой улыбки я схожу с ума. – Мы с самого начала понимали: когда-нибудь что-то пойдет не так. Может, мне удастся увести их за собой, тогда у тебя будет шанс довести Конноса с семьей до места.

– Ламорак...

– Не спорь, – говорит он и поцелует закрывает мне рот.

Хари показалось, что его пырнули ножом в яйца, – не потому, что Шанна позволила Ламораку целовать ее, и не потому, что ей явно понравился этот поцелуй. Просто она не удивилась, не отпрянула, значит это уже не в первый раз. Неожиданно безучастно Хари подумал: «Ламорак трахает мою жену».

И все зрители Шанны – и первоочередники, и те, кому по карману только прокат уже использованного кубика, – все это знают. Все испытали это вместе с ней – и с ним.

Сердце Хари задымилось от злости.

Я легонько отталкиваю Ламорака; от его героизма у меня перехватывает горло, хотя это бесполезно, – не время жертвовать им понапрасну. Прибережем героизм напоследок. Я поворачиваюсь к другим.

– Коты здесь, – коротко и жестко говорю я; Коннос с женой вцепляются друг в друга, одна из их дочек начинает плакать; девочка видит, что родители напуганы, другой причины ей не нужно. – Они сняли наших дозорных. Это значит, что мы окружены и они вот-вот явятся сюда, чтобы убивать. Какие будут предложения?

Близнецы обмениваются одинаково хмурыми взглядами, одинаково пожимают плечами, и один – скорее всего, Дак, обычно он более разговорчив – отвечает:

– Мы можем оборонять эту комнату, пока Подданные Короля Арго не придут и не надают им по шее.

Я мотаю головой:

– Подданные еще не готовы выступать открыто. Тем более теперь, когда у нас нет дозорных, никто даже не узнает, где мы. Таланн?

Она потягивается, как кошка, и стремительно щелкает суставами всех пальцев по очереди. Ее глаза вспыхивают неприятно знакомым огнем.

– А что сделал бы Кейн?

Я морщусь:

– Не стал бы отвечать на глупые вопросы.

Таланн – его ярая поклонница, которая надеется когда-нибудь повстречать его живьем; эта надежда – одна из главных причин, почему она со мной. То есть его тень продолжает омрачать мою жизнь. Я понимаю, почему мне показался знакомым ее взгляд, – так смотрел Кейн, когда мы с ним попадали в окружение и наша жизнь зависела только от силы и проворства наших рук. Вот когда он бывал счастлив.

Но я действительно знаю, что на нашем месте сделал бы Кейн: напал первым, смешал ряды врагов, причем в замкнутом пространстве, чтобы не дать им воспользоваться арбалетами, а потом, прорвавшись к свободе, умчался как ветер. Но с Конносом и его семьей мы не можем позволить себе такое – с ними мы медлительнее, а значит, уязвимее. Я смотрю на Ламорака: на его лице написана благородная решимость. Он ждет моего ответа. Да, Кейн не умеет жертвовать собой с той благородной простотой, которая отличает каждый жест Ламорака, но, надо отдать ему должное, он не ждет моего разрешения.

Все смотрят на меня. Одну мучительную секунду мне хочется, чтобы решение принял за меня кто-то другой.

– Значит, так, – веско говорю я. – Я с близнецами остаюсь оборонять комнату. Ламорак, ты уходишь на восток.

– По крышам?

Я мотаю головой:

– Прямо через квартиры. Косаль прорежет стены. Таланн, отправляйся на юг, к реке. Каждый, кому повезет спастись, пусть идет на Хамский стадион...

– О черт! – выдыхает вдруг Ламорак, снова глядя в окно. – Кажется... да нет, точно: это же Берн.

– Граф Берн? – Глаза Таланн вспыхивают. – Сам?

Я снова подсакиваю к Ламораку и, проследив его взгляд, действительно вижу Берна: вон он, на той стороне улицы, стоит, вальяжно прислонившись к серой, давно не знавшей краски стене, прикрывает ладонью огонек сигареты.

Холодок, пробежавший по спине Паллас при виде Берна, потонул в ощущениях самого Хари – ярость затопила его, обжигая огнем. Берн. Руки непроизвольно сжались в кулаки, и он так надавил запястьями на откидные подлокотники просмотрового кресла, что они затрещали. «Берн, ты, ублюдок, ходячий мешок с дерьмом, если бы я был на ее месте... Господи, о боги, о боги, ну почему, почему я не там?»

Да, это действительно Берн, я узнаю его сразу, хотя на нем уже не разрезная бархатная туника и чулки в обтяжку – придворный костюм, который он снова ввел в моду. Он в костюме из плотной саржи, когда-то, видимо, алой, а теперь бледно-розовой, в бурых пятнах, похожих на капли засохшей крови в клубнике со сливками. Узкий кривой меч висит на кожаной перевязи шириной с руку. Черты лица четкие, будто литые, и я даже удивляюсь, что они не свер-

кают на солнце, как металлические. Широкая зубастая ухмылка пересекает физиономию, как трещина – зеркало.

Сердце уходит в пятки: я слишком хорошо знаю его. Но главное – он знает меня.

Плохо, недостойно так чувствовать, но... в эту секунду мне и вправду жаль, что рядом нет Кейна.

– Перемена планов, – быстро говорю я и поворачиваюсь спиной к друзьям и к людям, за чьи жизни я в ответе. – Ламорак, ты и Таланн ведете Конноса с семьей туда и вниз. – Я показываю на южную стену крохотной квартиры. – Держитесь подальше от лестниц и коридоров. А мы с близнецами прикроем отступление.

Ламорак цепенеет:

– Паллас...

– Выполняй!

Секунду Ламорак смотрит на меня, и его взгляд поет мне песню любви.

Потом он осторожно берет меч двумя руками за гарду, целиком вытягивает клинок из ножен и только тогда активизирует его магию, берясь за рукоять, – зачарованное оружие оживает и заводит свою пронзительную песню, от которой у меня ломит зубы. Воздух вокруг клинка дрожит и плавится, как над прожаренным на солнце тротуаром в жаркий день, и я чувствую, как меч влечет к себе все течения Потока.

Ламорак подходит к южной стене, поднимает оружие на уровень головы и вонзает острием в штукатурку; потом он наваливается на рукоять, и Косаль легко входит в доски, а его песня превращается в визг. Ламорак плавно ведет клинок вниз. Он не пилит стену, а делит ее на части так, будто она из брызги. Этим мечом он проложит себе путь сквозь все жилые дома до самой реки, если придется: Косаль режет и доски, и камень, и даже сталь, хотя на это требуется время.

Время – вот что нужно обеспечить.

Внизу размахивает руками Берн.

Люди в серых кожаных штанах и камзолах – Серые Коты – выскакивают из всех переулков и устремляются к дому, где засели мы.

Я делаю глубокий вдох, потом по капле процеживаю воздух через губы и снова набираю полную грудь. Пока я при помощи дыхательной техники погружаю себя в мыслевзор, руки сами так и летают от кармана к поясной сумке, от ножен к ножнам, проверяя, на месте ли все мои кристаллы с насечками, сложные узлы из крученой золотой и серебряной проволоки, жезлы, кусочки стекла и пакетики с порошками.

Оболочка Берна – сияющая аура его жизненной силы – горит так обжигающе ярко, словно он какой-нибудь архимаг. Паника поднимается во мне, едва не выбрасывая меня из мыслевзора.

Это невозможно! Берн – воин, а не адепт, он мечник, воспитанный в монастыре, у него нет магии. Никогда не было! Но теперь...

Теперь путаницу разноцветных нитей, которой предстает в мыслевзоре Поток, прорезает луч шириной с два моих кулака, прямой, как стрела, и красный, точно раскаленное железо из горна. Омывая Оболочку Берна, он уходит на юго-запад. Там стоит дом, но простые кирпичи и доски никогда не были препятствием для Потока, а мне известно, что еще находится в том направлении. Луч пронзает дома насквозь и уходит в Старый город – на остров посреди Большого Чамбайджена, сердце Анханы.

Этот источник энергии исходит из дворца Колхари. Значит, этот сукин сын черпает... Плевать, что это невозможно, – он берет силу Ма'элКота, черт его дери! Теперь все понятно: и как он снял наших часовых, и почему я не заметила ни малейшего магического напряжения, – сила, которая понадобилась ему для этого, идет издалека, а потому никак не сказывается на

здешнем Потоке. Задумавшись, я не сразу вижу, что Берн протянул руки к моему окну, и едва успеваю отпрянуть, когда передо мной взрывается стена.

От грохота закладывает уши, кирпичная кладка превращается в огонь. Я ползу, прикрывая глаза ладонью, свободной рукой нашаривая в нагрудном кармане крохотный амулет из фасетчатого кварца – он изображает Щит. Амулет заряжен, так что у меня сразу начинает колоть пальцы, а мыслевзор показывает мне переплет из сияющих линий на поверхности кристалла. Я с усилием воскрешаю этот образ в своем сознании, стараюсь увидеть его, и у меня получается: решетка из сияющих линий закрывает дыру там, где еще недавно была стена.

Солнце хлещет в дыру, языки пламени лижут ее края; потолок, утратив опору, угрожающе прогибается и рушится, я вижу, как на крыше дома напротив с десятков Серых Котов вскидывают заряженные арбалеты и целются в меня.

Стрелы гудят, прошивая воздух, и вдруг замирают, дрожа, словно воткнулись в доски. На самом деле они встретились с моим воображаемым Щитом – только он закрывает сейчас дыру. Четверо Котов соскальзывают с крыши по веревкам – изящный маневр, который при обычных условиях привел бы их через дыру прямо в квартиру. Но удар о Щит оказывается таким сильным, что их отбрасывает назад, однако и я при этом едва сдерживаю стон – ощущение такое, как будто мне заехали ногой в живот.

В мыслевзоре мой Щит выглядит как матрица золотистой силы толщиной в дециметр; для нападающих это стена из полупрозрачного стекла с текстурой вулканизированной резины. Через его кварцевую модель течет Поток. Силы здесь много, и я могу держать Щит сколько угодно – точнее, до тех пор, пока буду его видеть. Коты, висающие снаружи на своих веревках, отталкиваются от Щита ногами и опять с размаху бьются в прозрачную стену. Я снова чувствую удар. Больно.

Ничего, пусть покачаются, зато Берн не сможет снова пустить в ход магическую молнию, иначе поджарит и их. Я неспешно встаю, ни на миг не выпуская Щит из виду.

Через плечо, сквозь арку, которую вырезал в стене Ламорак, я вижу Таланн – она опускает в такую же дыру в полу младшую дочь Конноса. Жестом она показывает девочке: «Все хорошо», знаком зовет нас за собой и сама легко прыгает в дыру.

Близнецы взяли доски, которые Ламорак отрезал от стены, и крест-накрест зашили ими входную дверь – снизу прибили к полу кинжалом, а верхние края заклинили под ручку. Это ухищрение, пожалуй, остановит Котов – на секунду.

– Быстрее уходите, уходите! – кричу я парням.

Я брошу эту комнату, уйду через дыру в стене, а Щит перенесу в арку, прорезанную мечом, – нельзя оборонять сразу и дверь, и дыру.

Близнецы уже заканчивают с последней планкой, когда дверь и стена вокруг нее взрываются тучей мелких дымящихся щепок. Братев отбрасывает вглубь комнаты, где они распластываются на полу, помещение наполняется едким сернистым газом и Котами, которые лезут в дыру из коридора.

Они пришли, чтобы драться.

У них армированные проволокой камзолы, но без кольчуг: акробатические прыжки и скорость – вот их главная защита. Наибольшую опасность они представляют, атакуя малыми группами на открытом пространстве. Здесь, в тесных комнатках и узких коридорах, им негде развернуться – я специально выбрала такой район. Но этого, вполне возможно, будет мало.

Из коридора доносится тенор Берна, звучный, как удар гонга:

– Адепта держите! Он нужен мне живым!

Окровавленные близнецы пытаются подняться. Один Кот бросается на них и тут же расстается с жизнью – меч Яка втыкается ему в горло. Но его вес отбрасывает Яка на пол, и Даку приходится прикрывать брата, стоя на колене. Тут я теряю их из виду – у меня возникают проблемы.

На меня прыгает пара Котов. Я бросаю Щит – в этой сумятице их могло быть и четверо, это ничего не изменило бы – и выхватываю из ножен на левом запястье жезл длиной с палец. Мне едва хватает времени зарядить его прикосновением своей Оболочки – те двое буквально насаждают на меня. Жезл в моей руке испускает луч, и он, словно копье, пронзает коленную чашечку одного Кота. Тот падает, зато второй врывается в меня, как атакующий бык, и прижимает к стене.

Плоскостью меча Кот выбивает из моих рук жезл и бьет меня по голове рукояткой. Правда, я успеваю откатиться, так что черепно-мозговой травмы мне удастся избежать, но искры из глаз сыплются. Плечом Кот прижимает меня к стене, приставляет острие меча к моему горлу и рычит:

– Ну, предательница, что ты теперь будешь делать, а?

Его самоуверенность понятна: адепты в большинстве своем беспомощны в схватке, а тут перед ним невысокая женщина хрупкого сложения – неудивительно, что он не чувствует опасности. Но он не знает, что я несколько лет была замужем за человеком, которого не зря считают лучшим из живущих бойцов, – кое-чему я у него научилась.

Я прикусываю язык, и слюна заполняет мне рот. Глубоко вдохнув, я выхаркиваю слюну ему в глаза.

От неожиданности он моргает – всего раз, но мне этого достаточно. Пока его веки скользят сначала вниз, а потом вверх, я успеваю наступить сапогом на его коленную чашечку и сильно надавить. Слышно, как рвутся связки, колено теряет привычную форму. Боль ослепительная, я знаю, и, пока он решает – сначала завизжать, а потом воткнуть мне в горло меч или наоборот, я успеваю вывернуться из его хватки и убежать – он не догонит.

Близнецы уже на ногах, сражаются спина к спине; оба тяжело дышат, оба ранены, но пятеро Котов уже заплатили жизнью за их раны. Дак и Як росли в школе гладиаторов и с шести лет дрались спина к спине; в ближнем бою, да еще в таком тесном пространстве, они непобедимы.

Но вот Коты отступают от дыры в наружной стене, оставляя близнецов неприкрытыми со стороны улицы, откуда в них целятся арбалетчики, и замечают, что их соратник уже не зажимает меня в угол.

Я мгновенно ныряю в мыслевзор. Оболочки противников мерцают, кружево Потока плывет по комнате. В поясной сумке нашариваю колесико размером с медную монетку. Правда, оно не из меди, а из золота и платины. Мои печати горят на нем яркой зеленью молодой листвы. Заклятие прорисовывается у меня в голове сложным орнаментом, когда я подношу колесико ко рту и дую.

Рисунок перед моим внутренним взором ширится, захватывая сначала только мою Оболочку, а потом куски досок и щепки, в которые превратил стену взрыв; их крохотные Оболочки, когда-то яркие, а теперь потухшие, свидетельствуют о том, что когда-то и в них текла жизнь. За секунду я устанавливаю соединение между рисунком силы и поблекшими Оболочками щепок и сливаю их в симпатическое единство со спицами моего колесика. Щепки взлетают с пола, а когда я снова дую в колесо, начинают вертеться вместе с ним.

И вертятся очень быстро.

Они вращаются как пропеллеры, как диски небольших бензопил. Вытянув руку с колесиком вперед, я черчу им знаки в воздухе. Колесо ускоряет ход. Щепки быстрее мчатся по кругу, дублируя каждый оборот колеса. Связь между ними и колесом не даст им остановиться, а я пока использую контроль над Оболочкой, чтобы придать направление их полету.

И я направляю их на Котов. Тонкий вой вертящихся щепок мешается с криками боли и страха: самые крупные осколки древесины обрушиваются на Котов как молоты, и даже те, что помельче, творят немало вреда.

– Назад, идиоты! Назад! – слышу я рев Берна, который зовет Котов из безопасного коридора.

Те кучей бросаются к дыре, где раньше была дверь, а за ними по моему мановению устремляется половина всех древесных осколков в комнате. Вторую половину я, также раскрутив, бросила на соседнюю крышу, чтобы прикрыть близнецов от арбалетчиков и дать им возможность уйти. Все складывается так хорошо, что я на миг даже верю – у нас получится, мы прорвемся.

Вертящаяся древесина воеет оглушительно, и мне почти не слышно, как звенят тетивы арбалетов. Через тучи щепок в комнату прорываются лишь две стрелы, и одна из них поражает Дака в голень. Стрела арбалета – это стальной стержень граммов триста весом; вонзаясь на всей скорости в цель, он бьет, как молот; голень Дака трещит, он падает, с криком цепляясь рукой за брата. Як оборачивается, хочет закинуть Дака себе на плечи, и тут в комнату врывается Берн, красный, как опившаяся кровью молния.

Он идет по комнате колесом: с рук на ноги, снова на руки и так дальше, – и наконец останавливается с мечом в руке. Пока я судорожно изменяю вращение колеса и полет щепок, Берн размахивается и обрушивает меч на открытую шею Дака – раненный, тот даже не успевает понять, что Берн уже в комнате. Голова Дака отскакивает, в лицо Яку ударяет струя крови, он воеет, как проклятая душа в аду, пытаюсь стряхнуть с себя тело и замахнуться мечом. Но Берн уже перехватил меч для обратного удара, и его острие входит Яку в рот и прорубает затылок.

Секунда – и двух лучших мечников Империи как не бывало.

– Щит. Личный, – бросает Берн.

Вихрь ревуших щепок врезается в него, но поздно: он уже окружен сферой из полупрозрачного материала. Деревянный вихрь разбивается об него и осыпается на пол.

– Научись делать что-нибудь похитрее, – говорит он с улыбкой и описывает своим мечом короткую дугу внутри сферы – от лезвия летят брызги.

Я молча отправляю одну часть летающих деревяшек в коридор, за Котами, а вторую – в стену рядом с собой; щепки, вертясь, крушат доски, производя, как я надеюсь, достаточно опилок, чтобы скрыть меня от чужих глаз. Из коридора доносится дружный вой.

Берн смотрит на меня, нахмурившись, и вдруг его лицо проясняется.

– Паллас! – восклицает он и расплывается в широкой ухмылке – он меня узнал. – Да это же ты! Паллас Рил, задери меня коза, если это не ты! Значит, Кейн тоже где-то рядом? Хотя нет, что это я? Будь он сейчас здесь, был бы с тобой, как преданный пес.

Через дыру в стене я выскальзываю в соседнюю комнату, но он идет за мной.

– Значит, ты одна? Погоди... так это ты? Ты – Шут Саймон? Ты? Мерзопакостный Шут Саймон, Неуловимая Заноза в Лапе Анхананского Льва – это всего лишь гребаная Паллас Рил? Ну, задери меня коза! – Он проводит языком по губам. – А я так мечтал, – говорит он вдруг осипшим похотливым голосом, – так мечтал встретить тебя снова. У меня есть свои планы на тебя, Паллас. И кто знает, вдруг они придутся тебе по вкусу? Если да, то ты, скорее всего, останешься в живых.

Я молча пячусь: пусть болтает. Чем дольше будет болтать Берн, тем дальше уйдут Ламорак, Таланн и семья Конноса.

Его ухмылка становится еще шире.

– Знаешь, даже интересно будет сохранить тебе жизнь. Ведь тогда ты сможешь рассказать Кейну, что я с тобой делал.

Я качаю головой:

– Слабый ход, Берн. Мы с Кейном уже расстались. Ему безразлично, что со мной происходит.

Он рассудительно кивает:

– Вот и ладно. Значит, я просто позабавлюсь.

– Сначала поймай.

После этих слов я, контролируя дыхание, возвращаюсь в мыслевзор, одновременно нащаривая тесемки сумки на поясе. Он фыркает:

– Я уже поймал.

Полированный «бычий глаз» ложится мне в руку, источая дым и собирая вокруг большой узел Потока, пока мое фирменное сосредоточение запускает действие Заклинания. Берн видит дым и с жалостью смотрит на меня:

– Можно быть хорошим магом и глупым человеком, но я никогда не поверю, что это про тебя, – ты же знаешь, что не можешь мне навредить. Этому Щиту придает силу Ма'элКот, сука ты глупая. У тебя нет ничего, что могло бы пробиться сквозь него.

Вместо ответа я кидаю «бычий глаз» ему под ноги – так мальчишки подкатывают друг под друга шарики. И не удерживаюсь от смачной реплики в духе Кейна: слишком у меня разыгрался адреналин, к тому же я не верю, что умру здесь и сейчас.

– До встречи в свободном падении, – говорю я и прыгаю в дыру в полу, которая у меня за спиной.

В прыжке я вижу, как «бычий глаз» взрывается, вышвыривая Берна вместе со Щитом и досками пола сквозь дыру на улицу.

Этаж всего-навсего третий, так что падение его не убьет, а вот поломать пару костей и хорошо встряхнуть может. К тому же новая дырка в полу задержит Котов, – по крайней мере, я на это надеюсь.

Я приземляюсь в квартире этажом ниже и замираю, прислушиваясь: кто-то скулит в углу, под кроватью. Видно, какого-то беднягу напугали огонь и взрывы, а потом еще люди посыпались с потолка. Я пожимаю плечами – вряд ли у него больше шансов спастись в других местах, так что пусть сидит под кроватью.

Я пробегаю поочередно через три прорезанные стены и скоро догоняю своих. Ламорак трудится над капитальной кирпичной кладкой, которая отделяет этот дом от следующего. Кирпич подается туго – волосы Ламорака так промокли от пота, что даже кончик хвоста потемнел. Таланн, прикрывая ему спину, кивает мне:

– А где близнецы?

– Погибли. – Я поворачиваюсь к дыре, через которую пришла, и вытаскиваю из кармана второй кварцевый Щит.

– Как – погибли? – ошарашенно переспрашивает Таланн. – Оба?

Я молчу: мне надо заткнуть дыру новым Щитом, а когда он уже становится частью мира вокруг, в провал на потолке в дальней от нас комнате сыплются Коты с мечами наперевес.

– Да, – отвечаю я Таланн. – Они купили нам время. Надо использовать его с толком.

Дочери Конноса жмутся к матери и безутешно всхлипывают. Пораженный моей новостью, Коннос качает головой:

– Надо было мне сдать. Это я во всем виноват. Я довел нас до этого.

– Хватит ныть! – грубо обрываю его я. – Мы еще живы, и мы тебя вытащим. Тебя и твою семью. Ламорак – сколько еще?

Жилы вздуваются на его шее, пока он с силой вдавливая меч в кирпич у основания прорисованной им арки.

– Тридцать секунд, – пыхтит он хриплым от напряжения голосом.

– Пятнадцать. Это последний Щит, и я не знаю, долго ли я смогу держать его против Берна.

Коты пинают Щит сапогами, рубят мечами, так что от шума и вибрации у меня кружится голова. Вдруг из передней доносится грохот: они все же нашли вход.

Таланн выхватывает откуда-то парочку длинных ножей и салютует ими мне, ухмыляясь словно безумная:

– Кажется, это за мной.

– Таланн... – начинаю я, но она уже скрывается в передней.

Не зря она поклонница Кейна: в бою Таланн становится сумасшедшей мельницей: руки, ноги, ножи – все так и мелькает в воздухе, разя направо и налево. Вот и теперь из прихожей несутся вопли испуга и боли – Коты явно оказались не готовы к встрече с ней. Я молюсь – хоть бы она успела вывести из строя как можно больше врагов, прежде чем погибнет.

Ламорак выдергивает Косаль из кирпичной кладки и пинает ее ногой. Кирпичи рушатся, и он, не дожидаясь, пока уляжется пыль, помогает Конносу с семьей перебраться на ту сторону. Потом берет меня за руку и притягивает к себе:

– Хватит – этот коридор выведет вас в переулок, по которому вы доберетесь до реки. Иди.

– Ламорак, тебя же убьют...

Он пожимает плечами:

– Либо меня, либо тебя. Но ты сможешь увести семью Конноса в укрытие, а я нет. – Он обводит Косалем вырезанную в кирпиче арку. – Зато я могу долго, бесконечно долго защищать этот проход. А ты, если доберешься до Подданных, пришлешь мне подмогу.

Я хочу возразить, но тут ослепительное пламя вгрызается в мой Щит, и боль рисует узор из черных клякс внутри моего мыслевзора.

Берн идет.

У меня подгибаются колени, Ламорак толкает меня в дыру в стене и говорит:

– Пожалуйста, поверь – я не хотел, чтобы так случилось. Прости меня, Паллас. И вот чем приходится платить.

– Платить? Ламорак...

Но он уже стоит ко мне спиной, перекрыв узкий проход плечами, а Косаль в его руках поет свою песню, кромсая кости и сталь.

– Беги!

Коннос и его жена – меня вдруг охватывает неуместное ощущение неловкости из-за того, что я не знаю ее имени, – уже ждут моей команды.

– Девочек на руки, – говорю я. – Сейчас побежим.

Они хватают каждый по дочке и пускаются за мной, а я уже выбегаю в коридор – слава богу, он пуст. Коридор узкий, длинный, по боковым стенам – двери. Окно в дальнем конце обещает спасение. Мы бежим туда во всю прыть.

У окна я останавливаюсь и выглядываю на улицу.

Серые Коты.

Две группы по пять человек, каждая в своем конце переулка. Их десять, а у меня ни одного бойца.

Коннос видит выражение моего лица.

– Что? Что такое? Они там, да? О боги, это они!

– Мы еще живы.

Я сую руку во внутренний карман тунки и вынимаю серебряный ключ. Секунда – и я перехожу в мыслевзор, настраивая его на сияющие печати. Потом сую ключ в замок ближайшей двери, поворачиваю и слышу мягкий щелчок. Я вталкиваю всех внутрь.

Мы оказываемся в двухкомнатной квартире, к счастью совершенно пустой.

– Так, – говорю я, – у нас есть пара секунд, чтобы принять решение. Пока я не творю магию, никто нас здесь не найдет, если только не начнет открывать все двери подряд.

– А ты... разве ты не... – начинает жена Конноса; в впервые слышу ее голос. – Разве ты не можешь сделать нас всех невидимыми или что-то в этом роде?

– Держи себя в руках, – жестко говорит ей муж. – Плащ не работает без магии, а магию засекают все устройства, есть даже люди, чувствительные к ней.

– Но, может быть... – говорю я. – Плащ в сочетании с сильным противоотслеживающим средством...

Он смотрит на меня, вытаращив глаза.

– Дай мне твой свиток.

– Но... но...

За дверью топочут сапоги. Значит, Ламорак погиб. У меня перехватывает дыхание, слезы переполняют глаза, в грудь словно втыкаются раскаленные ножи, от боли я не могу думать.

Я трясую головой так, что слезы брызжут в разные стороны. Плакать буду потом, если выживу.

Вцепившись в тунику на груди Конноса, я рывком поворачиваю его к себе:

– Свиток!

Не дожидаясь ответа, я срываю с его пояса футляр с пергаментом, толкаю Конноса так, что он падает, и, пока он неуклюже поднимается на ноги, открываю круглую крышку и вытряхиваю свиток.

– Но я не уверен, что это то, что нужно...

– Есть идея получше?

Я разматываю маслянистый пергамент из кожи ягненка: надписи на нем нанесены золотой краской и мгновенно отпечатываются у меня в мозгу. Я только успеваю погрузиться в мыслевзор и раскрыть Оболочку, а странный колдовской напев уже льется из моих уст. Слова звенят, превращая свет в тьму, звук в безмолвие, а Паллас – в кого-то другого. Остается лишь Хари Майклсон, он сидит в просмотрном кресле Артуро Кольберга, и пот струится по его лбу. Экран, затеняющий глаза, пуст, он слышит лишь свое хриплое дыхание да громкий загнанный стук сердца.

4

Прошло несколько минут, а он все сидел в кресле Председателя, мертвой хваткой вцепившись в подлокотники и обливаясь холодным потом. Он не мог думать, не мог заставить себя пошевелиться, чтобы сдвинуть глазной щиток, не мог вздохнуть – точно огромная рука сжала ему горло и выдавила из него весь воздух.

– Это... мм... все. – Голос Кольберга донесся до него с другого конца вселенной.

«Наверное, вот это и есть паника, – подумал Хари без всякой связи с тем, что услышал. – Точно: у меня паника».

Индукционный шлем поднялся сам, и ничто уже не спасало Хари от созерцания круглой как луна физиономии с толстыми, будто резиновыми, губами.

– Ролик довольно... гм... напряженный, не так ли?

Хари закрыл глаза. Чем дальше он смотрит на этого самодовольного ублюдка, тем тоньше грань, отделяющая его от насильственных действий уголовного характера. Кольберг – Администратор, и хотя насильственные действия по отношению к представителю высшей касты больше не караются смертью, однако перевод в касту Труженников с последующим пятилетним сроком в общественном лагере никто еще не отменял. Убедившись, что голос слушается его, Хари спросил:

– Она жива?

– Неизвестно. После этого кубика никаких контактов с ней больше не было. Мы не получаем ее телеметрию, не видим подписи ее транспондера. Мы... гм... полагаем, что тот пергамент, вернее, Заклинание с него каким-то образом нарушило связь с ее мыслепередатчиком.

Хари прижал пальцы к векам и смотрел, как взрываются цветочные пятна на черном фоне.

– Сколько у нее времени?

– При условии, что она еще жива...

– Сколько?

Голос Кольберга стал ледяным:

– Не перебивай меня, Майклсон. Помни свое место.

Хари открыл глаза и подался вперед. Кольберг стоял перед ним и ждал. Невидимая рука, которая уже давно держала Актера за горло, вдруг сжалась так, что он с трудом просипел:

– Прошу прощения, Администратор.

Кольберг шмыгнул носом:

– Ладно, проехали. Итак, данные события, вторым зрителем которых ты стал только что, произошли сегодня около десяти утра по анхананскому времени. Запаса энергии в ее мыслепередатчике хватит на сто семьдесят часов: приблизительно столько он будет надежно подавлять разницу в колебаниях между Землей и Анхананом. Это значит, что ее запас времени составляет гарантированные сто пятьдесят семь часов. Если она достигнет условленной точки перехода раньше, хорошо. Если нет... – Он умолк.

Хари сидел неподвижно. Видения, одно страшнее другого, переполняли мозг. Амплитудный распад – кошмар каждого Актера. Во время учебы в студийной Консерватории им показывали голографические изображения останков Актеров, которые выпали из фазы Надземного мира. На Землю возвращалась либо кипящая субстанция, вроде протоплазмы, либо, наоборот, застывшие полукристаллические осколки, а иногда и вовсе что-то неопишное – но это в лучшем случае. А есть картинки, которые даже вспоминать больно.

Потому что на них можно распознать человеческие останки, хотя и сильно деформированные.

Хари тихо спросил:

– Она хотя бы знает, что ушла в офлайн?

Сутулые плечи Кольберга приподнялись в выразительном пожатии.

– Скорее всего, ее уже нет в живых, Майклсон.

– Отправьте меня туда. Я знаю город. Я найду ее. – «Или ее тело».

Хари отогнал последнюю мысль, дав себе обещание, что если такое случится, то он не остановится ни перед чем и найдет Берна. «Вот тогда мы и посмотрим, как ты черпаешь чужую энергию. Поглядим, чем это тебе поможет, когда я воткну пальцы тебе в глаза».

– Что-что? – Брови Кольберга полезли вверх, а менторский тон занудного учителя вернул Хари с небес его кровавой фантазии на грешную землю. – Кажется, я... э-э-э... ослышался. Кстати, по-моему, тебе пора освободить мое кресло.

Опустив голову, Хари напомнил себе, что жизнь Шанны – в этих бледных, как у лежало покойника, руках. С усилием он поднялся с кресла и теперь стоял перед Председателем, расправив плечи, но опустив голову и потупив глаза. Когда он заговорил, то старался, чтобы его слова звучали искренне, насколько это позволял пожар в груди.

– Прошу вас, Администратор. Давайте заключим сделку. Прошу, отправьте меня в Анхану.

– Так-то лучше. На это я... гм... надеялся. Пойдем к юристам, подпишем контракт сейчас.

5

В Контрактном центре Хари и Кольберг вошли в звуконепроницаемый бокс из плексигласа, где места хватало лишь двоим. Юристы Студии, официальные свидетели процедуры, сидели на высоких табуретах снаружи. Кольберг ерзал на стуле и беспокойно вертел в руках планшет, пока Хари страницу за страницей прокручивал контракт. В просторном зале были и другие боксы, в которых Актеры помельче подписывали стандартные документы под присмотром других юристов.

тайком вывозит беженцев из Империи, и все. Тогда мы попытались добавить в них напряженности и интриги, и случилось это. Кошмар.

– Шут Саймон, – прошептал Хари.

Пульсирующая боль нарастала у него в голове, между висками. Шутлом Саймоном звали придуманного революционера из одного романа двадцатого века, теперь запрещенного. Хари хранил у себя дома немало запрещенных книг, и, пока они с Шанной были женаты, он пристрастил ее к тайному чтению романов бывших, людей вроде Хайнлайна. И не зря, видать, их книги запретили, – черт, а вдруг именно Хайнлайн с его пропагандой свободы толкнул Шанну на ее противовластную эскападу? Может, если бы он, Хари, не подсунул в свое время жене «Луну – требовательную любовницу», ей бы и в голову не пришло выступать против Имперского правительства?

«Брось, – мысленно приказал он себе. – Все и так плохо, незачем взваливать на себя еще и эту вину».

Хари прижал костяшки пальцев к пульсирующим болью вискам и сказал:

– Итак, мы ничего не знаем. И вы ничего не можете мне сказать.

– Отчего же, могу, – сказал Кольберг, останавливаясь над ним. – Если хочешь что-то узнать, если хочешь помочь жене и вообще, если ты хочешь попасть в Анхану, подпиши контракт на устранение Ма'элКота.

– С чего вы взяли, что у меня получится, Администратор? Команда спецназа с автоматами не справилась, а что я-то могу? – отчаянно взмолился Хари.

– Я полностью полагаюсь на твою... гм... изобретательность.

– Но это совсем не то, что отрезать голову Тоа-Фелатону. Вы хотя бы видели этот кубик? Могущество, которым обладает Ма'элКот... а я только и умею, что драться. Что я противопоставлю такой мощной магии?

– Но у тебя тоже есть магия, – вкрадчиво ответил Кольберг. – Ты же звезда.

Послушать его, так он и впрямь верит, что принадлежность к Списку Десяти дает Кейну беспредельную власть.

– Администратор... – Хари помешкал, подыскивая слова, которые не покажутся слишком дерзкими этому поборнику кастовых законов, и тон, который его не оскорбит. – Почему? Почему я не могу подписать контракт на спасение Паллас Рил и Ламорака? Почему я не могу вернуться за Ма'элКотом потом, когда они уже будут на Земле?

Хари едва не стошнило от жалобных умоляющих интонаций собственного голоса, но выбора у него не было.

– Прежде всего потому, – ответил Кольберг спокойно, – что ты вряд ли согласишься вернуться туда, когда твоя жена окажется в безопасности. Но дело не только в этом. Ты что, правда не понимаешь, от какой истории отказываешься? Ты не представляешь, сколько людей будут на тебя смотреть, если ты отправишься в Анхану ради спасения любимой, не зная, жива она или умерла, но поклявшись или жестоко отомстить за нее убийцам, или сложить голову? Тебе, видимо, не хватает романтичности, чтобы увидеть, как это будет продаваться?

– Любимой, говорите? – Хари покачал головой. – Администратор, вы не следите в Сети за подробностями моей личной жизни.

– Да какое это имеет значение?

Пузырьки пены надувались и опадали в уголках губ Председателя, толстые пальцы царапали воздух, точно вырывая из него слова, его голос вибрировал, чего Хари никогда раньше не слышал.

– Ты, видимо, не знаешь, как видят тебя люди. Для них ты – пацан из семьи Тружеников, который вырос на улице, в трущобах Фриско, и сделал головокружительную карьеру на Студии... Закоренелый убийца, злодей, чье безжалостное сердце смягчилось под влиянием дебютантки из семьи Торговцев – девушки утонченной, но несгибаемой. Это же идеальная

любовная история, я сам не мог бы выдумать лучше. Для зрителей любые ваши проблемы – это лишь препятствия на пути к хеппи-энду, которые вам надо преодолеть, и совместное «долго и счастливо» вам гарантировано.

– Если она еще жива, – буркнул Хари и сам удивился той легкости, с которой он повернул словесный кинжал в своей душевной ране.

– А если нет, то ваш сюжет станет... – Кольберг поджал губы, подбирая точное слово, – трагедией. Но и это его не испортит. Господи, Хари, да это будет история посильнее «Отступления из Бодекена» – любовь, убийство, политика... и Берн. – Администратор склонился к Хари и почти благоговейно прошептал: – Хари, это Приключение имеет все шансы переплюнуть даже «Битву при Церано»...

Актер заглянул в выпученные, увлажненные глаза Администратора и понял, что ему остается лишь одно – воззвать к его чувству приличия.

– Хорошо, – медленно заговорил он, – я соглашусь выступить против Ма'элКота, но лишь при одном условии: Студия, точнее, вы лично обязуетесь наводнить Анхану Актерами. Вы задействуете все доступные вам ресурсы, чтобы найти и вытащить оттуда Шанну. Я прошу вас, Администратор, дайте такое обещание.

Кольберг, казалось, задумался. Оттянув уголки рта вниз, он двумя пальцами смахнул пот с верхней губы и покачал головой:

– Нет. Мне это не нравится. История только выиграет, если ее исход будет зависеть от тебя одного.

– Администратор...

– Нет. Это мое последнее слово. Подписывай или отправляйся домой. Выбор за тобой.

Кровь прилила к вискам Хари, в глазах помутилось. Дрожащей рукой он поднес перо к экрану. «Какой же это выбор?» Отказаться он не мог при всем желании: голос Паллас по-прежнему звенел у него в ушах: «Ему безразлично, что со мной происходит».

Неужели она правда так думает? Неужели? Он вспомнил, как Ламорак поклялся железом и кровью защищать тот проход в стене, – и понадеялся, что, случись ему оказаться на его месте, он справился бы не хуже, а то и лучше – спас бы Паллас, не пожертвовав при этом своей жизнью. Правда, маловероятно, что он бы вообще оказался в такой ситуации: подвергать риску свою жизнь и жизнь Шанны ради какого-то малозначительного местного семейства, о котором он знать ничего не знал? Нет уж, увольте.

Кейн не моргнув глазом швырнул бы Конноса Котам на растерзание.

«А ведь если я подпишу сейчас этот контракт, то окажусь именно в положении Ламорака».

Убить Ма'элКота или погибнуть – третьего не дано. Никакого тебе проиграть, но выжить или не лезть вон из кожи – все это будет сочтено нарушением условий контракта и приведет к таким последствиям, о которых Хари не хотелось и думать.

«Ладно. Любишь яблочки – полезай на яблоньку, – подумал он, и еще: – Интересно, будет ли она горевать обо мне так же сильно, как о нем?»

И он написал свое имя в мигающей строке и приложил палец к ДНК-сканеру.

– Вот и хорошо, – произнес Кольберг с глубоким удовлетворением. – Сетевые релизы уже подготовлены, в вечернем «Обновленном приключении» ты пойдешь главной новостью. Будешь выходить отсюда, зайди в медийный отдел и возьми у них подборку вопросов для интервью; мы ставим тебя в «Драконьи вести» с ЛеШаун Киннисон, так что подготовься. Трансфер состоится утром, в восемь ноль-ноль.

– Завтра? Но ведь...

«Это же через восемнадцать часов, – подумал он. – Целых восемнадцать часов из драгоценного резерва времени Шанны. Почти сутки псу под хвост».

– Разумеется, завтра, – отрезал Кольберг. – Студия запланировала настоящий медийный блиц, а для этого нужны ресурсы. Времени едва хватит, чтобы привлечь достаточно зрителей для покрытия расходов. Да, и еще ты должен появиться на балу для подписчиков. Приходить к началу не обязательно: пусть подождут, потомятся в предвкушении. Скажем, в двадцать один тридцать, ясно? Жду тебя в Бриллиантовом зале.

Хари с трудом сдерживал клокочущую ярость.

«Если я потеряю ее... если я потеряю ее из-за этого, из-за тебя, ты попадешь в мой короткий список.

Очень короткий. Сразу за Берном».

Вслух он спокойно сказал:

– Да, Администратор. Я приду.

6

Стоны и всхлипы, которые неслись из-за двустворчатых дверей, с неумолимой регулярностью приливов и отливов сменялись воплями непереносимой боли.

Его высочество Досточтимый Тоа-Ситель, имперский Герцог Общественного порядка, примостился на краешке мягкого кресла в передней, откуда, уткнув локти в колени и сплетя пальцы, с нескрываемым презрением наблюдал за новоиспеченным Графом Берном. Герцог старался не обращать внимания на крики в соседнем помещении; не найди он вовремя козла отпущения, мог бы и сам сейчас там орать.

Тоа-Ситель внимательно оглядел Берна с головы до ног, точнее, от копны платиново-белых волос до заляпанных кровью кожаных сапог, голенища которых наполовину прикрывали графские икры, и попытался представить, о чем тот думает, пока они оба ждут решения Ма'элКота перед закрытой дверью Железной комнаты. Граф Берн, стоя у красивого окна, целиком занимавшего одну стену передней, грыз ноготь большого пальца и глядел сквозь огромное стекло на простертую перед ним Анхану.

Герцог обладал чрезвычайно живым, склонным к детализации воображением, но только особого сорта – оно показывало ему лишь то, что существует на самом деле; фантазировать о том, чего нет, он отучил себя давным-давно. Вот почему теперь он без труда представил себе картину, которую Берн созерцал в окно.

Отсюда, с высоты Сумеречной башни дворца Колхари, финансовый район западной оконечности острова, известной как Старый город, выглядит крохотным, но удивительно подробным, словно одна из тех моделей, которые так любит Ма'элКот, – причудливо изукрашенная, тревожно подсвеченная багряным пламенем заходящего солнца. Перед наступлением сумерек светило превращает неспешное течение Большого Чамбайджена в огненный поток, в котором словно сгорают сор и нечистоты Анханы, золотит противокорабельные сети из массивных цепей, натянутые над двумя рукавами реки между крепостями на северо-западе и юго-западе и одной башней на западной оконечности острова. После заката, если ночь выдастся ясной, на берегу Простолюдинов южнее города Чужих будут гореть костры, подмигивая в темноте, словно звезды, притягивая к себе толпы Рабочих – недолюдей и полулюдей, нищих и уличных торговцев. Вечерний звон изгоняет их на тот берег, где они толпятся у костров, чтобы на рассвете вернуться в город по мосту Рыцарей. После захода солнца вход в город разрешен лишь Чистокровным.

Тоа-Ситель подозревал, что мысли Графа Берна устремлены на восток, туда, где такая же толпа течет через мост Дураков на улицу Мошенников, зажатую между Крольчатниками и Промышленным парком. Там толпа разделится на два русла: те, у кого есть деньги, повернут налево, к своим обиталищам – мрачным строениям, примостившимся в тени мануфактур; безденежные повернут направо, искать временное пристанище в Крольчатниках.

Именно там Шут Саймон снова утек у них меж пальцев, и они до сих пор не поймут как. Уголки губ Берна напряглись, и он так вцепился в ножны, что казалось, кожа на костяшках пальцев вот-вот лопнет. Тоа-Ситель заметил новый меч Берна. Он был шире и длиннее тех, которые Граф предпочитал обычно, так что носить его приходилось за спиной, с торчащей из-за левого плеча рукоятью. Герцог также заметил, что Берна оставила его обычная плавность движений: он был напряжен, а значит, напуган. Впрочем, это как раз не удивляло Тоа-Сителя, как не внушало ему и чувства превосходства над Графом. Сейчас им обоим было чего бояться.

Берн даже не переоделся, идя к Императору: на нем был все тот же пропыленный костюм в пятнах крови, который он не снимал весь длинный день, наполненный изнурительными поисками и погонями, которые не принесли результата. Свежая кровь, засохшая на передней части костюма, принадлежала в основном ублюдку-гладиатору, чью шею Берн перерубил в той квартире, хотя к ней примешивались и капли, пролитые его людьми, Серыми Котами.

Но ни капли его собственной, вот жалость.

– Терпеть не могу, когда на меня пялятся.

Берн все еще стоял лицом к окну, а в его по-обычному раздражительном и нетерпеливом голосе звучали угрожающие нотки.

Тоа-Ситель пожал плечами.

– Извини, – сказал он без всякого выражения.

– Отверни буркалы, а то недосчитаешься обоих.

Тоа-Ситель язвительно улыбнулся:

– Я ведь уже извинился.

Берн отошел от окна; его светлые глаза пылали.

– Как я погляжу, ты слишком легко извиняешься, пидор бесхребетный.

– Ты забываешься, – буркнул Тоа-Ситель. Не сводя глаз с Берна, он незаметно коснулся рукоятки отравленного стилета в ножнах, который носил на запястье под длинным рукавом. – Не исключаю, что решение Ма’элКота будет не в мою пользу и он отдаст меня в твои руки. Но до тех пор думай, что говоришь, катамит.

Его бесцветный тон, как и слова, заставил Берна побагроветь. Тоа-Ситель нисколько не сомневался, что прямая атака Графа отправит его к праотцам в считанные секунды; он знал, что до своего возвышения несколько месяцев назад Берн был всего лишь разбойником, но таким, чье искусство обращения с мечом вошло в легенду. И все же Герцог считал, что успеет нанести Берну смертельный укол своим стилетом.

Вероятно, эта уверенность отразилась на его лице, потому что Берн вдруг прервал перепалку, сплюнул на пол из бледного местного песчаника прямо под ноги Герцогу и решительно вернулся к окну.

Тоа-Ситель пожал плечами и продолжал смотреть.

Вопли становились громче.

Тоа-Ситель был человеком обычного роста, обычного телосложения, с правильными, но заурядными чертами лица, которое люди забывали, едва взглянув на него; однако за его непримечательной внешностью скрывался острый, пронизательный ум. Двадцать три года он служил в Очах Короля, пройдя путь от помощника тайного агента до главы организации. Он был Простолудином, при рождении получил имя Ситель; приставку Тоа пожаловал ему принц-регент Тоа-Фелатон, вместе с титулом Герцога. В хаосе гражданской войны, целый год бушевавшей в Империи после убийства принца-регента и королевы-дитя, Тоа-Ситель выжил, сумев стать равно незаменимым для всех враждующих сторон. Он не искал личной власти, но неуклонно собирал ресурсы и людей под эгидой той организации, которой служил.

Тоа-Ситель, единственный из Герцогов Кабинета, не только пережил приход Ма’элКота к власти, но и сохранил влияние; новый Император был наслышан о полезности этого человека. Кстати, именно по совету Герцога Ма’элКот выбрал себе этот титул: беспокойная и кичливая

родовая знать ни за что не потерпит на троне короля, в котором нет и капли королевской крови, а вот Император – совсем другое дело. Кто знает, может, Императоры все такие: выскочки, которые сначала захватывают власть, а потом правят, опираясь на преданных им военных? В Анхане не было имперских традиций, да и Империей страна стала совсем недавно, причем благодаря все тому же Ма'элКоту и его полководческому дару, который он проявил, служа Тоа-Фелатону.

Именно такую логику следовало внушить представителям наиболее знатных семейств, чтобы те передали ее дальше, своим вассалам. И не важно, поверят они этому сами или нет; их преданность новому монарху обеспечат неусыпные Очи.

Вот так и получилось, что под началом Тоа-Сителя Очи Короля из сборища шпионов и доносчиков превратились в настоящую тайную полицию с почти неограниченной властью и правом самостоятельного принятия решений. Во всей Империи ни Герцог, ни Граф, ни провинциальный Барон не осмеливался шепнуть и слова измены никому, даже своей жене, даже в уединении спальни; люди не зря говорили, что Очи Короля видят сквозь каменные стены.

Но чтобы подавить измену в зародыше, мало знать, что она существует. Знатные роды не зря веками заключали военные союзы, скрепляя их узами крови, – это помогало им защитить себя от произвола властителя Дубового трона; затронуть интересы одного из них значило развязать полномасштабную гражданскую войну. И союзы исправно выполняли свое предназначение, пока Ма'элКот не придумал блистательную военную хитрость: Актир-токар.

Теперь, стоило какому-нибудь Барону хотя бы намекнуть на свое недовольство действиями верховной власти, он вдруг оказывался в числе подозреваемых Актири. Конечно, все до единого союзники несчастного знали, что все обвинения против него – чистая выдумка, но поделать ничего не могли. Охота на Актири скоро затопила всю Империю и подняла такую волну подозрений и страхов, что любой аристократ, осмелившийся поддержать обвиняемого союзника, немедленно сталкивался с горячим возмущением собственных крестьян, вплоть до бунтов, а иногда и с открытым неодобрением родичей и вассалов. Так, один за другим, в тщательно просчитанной последовательности, старые роды рушились, сдавая свои позиции новой знати, и вскоре в окружении Ма'элКота остались лишь те, кто поддерживал каждый его шаг. Напуганные судьбой, постигшей их предшественников, они боялись даже косо взглянуть на Императора.

Но Тоа-Ситель следил не только за настроениями высших слоев анхананского общества; ему подчинялась и Уголовная полиция Империи, он давно и терпеливо прибирал к рукам контроль над преступным миром. Вожаки самых крупных банд Крольчатников уже находились под его влиянием, его люди потихоньку внедрялись в одну шайку за другой. Очи Короля были повсюду, они отчитывались только перед Тоа-Сителем, подчинялись только его приказам. Обладая такой обширной властью, Герцог давно мог стать тайным правителем Империи, но он этого не сделал. Его амбиции не стремились в этом направлении.

Кровавое солнце опустилось за горизонт, напоследок окрасив багрянцем неправдоподобно красивое лицо Берна. Вопли в Железной комнате угасли вместе с солнцем; когда в храме Проритуна ударил большой бронзовый колокол, из-за двери понеслись не стоны, а мрачный, вибрирующий ненасытным желанием нечеловеческий голос, от которого у Тоа-Сителя задрожали поджилки; слова, которые он произносил, ничего не значили для Герцога, его тревожил сам звук, низкий, болезненный, как тычок твердым пальцем в ключицу. Тоа-Ситель вздрогнул и перестал слушать.

Герцог боялся лишь одного живого человека на свете; те сущности, с которыми Ма'элКот вел дела за закрытой дверью, не были людьми. Да и живыми они, строго говоря, тоже не были.

Но голос было трудно игнорировать молча. Тоа-Ситель провел одной рукой по другой, приглаживая вставшие дыбом волосы, и заговорил – главным образом для того, чтобы нарушить тишину передней.

– Один из пленников, Ламорак, все время спрашивает о тебе, – сказал он.

Берн фыркнул:

– Еще бы!

– Вот как? – негромко удивился Тоа-Ситель. – Почему же?

Берн смущенно кашлянул в ладонь и отвернулся. Тоа-Ситель ждал продолжения, глядя на Графа с бесконечным терпением змеи, подстерегающей кролика у выхода из норки. Молчание, подавляемое голосом из-за двери, длилось недолго. Берн фыркнул опять:

– Ну, я забрал его меч, ясно?

– Вот как?

Берн плавным движением вытянул из-за плеча меч. Режущие кромки клинка светились в малиновых сумерках, и Тоа-Ситель слышал исходящее от него гнусавое гудение.

– Зачарованный меч Косаль – слышал о таком?

– Нет.

– А это он. Зачарованный. Накачан магией по самое дальше некуда. – И Берн наклонил клинок, любясь им в свете заката. – Режет что угодно. А ведь он чуть не убил меня им. Сначала завалил двух моих парней, а когда перед ним встал я, он рассек мой меч надвое, на ладонь выше гарды.

– Как же ты его взял?

– Схватился за плоскости клинка ладонями, а ему врезал ногой по яйцам. – Берн улыбнулся самодовольно, как подросток, и, вытянув руки, несколько раз сжал и разжал кулаки – так кот, залежавшись, разминает лапы. Потом он показал Тоа-Сителю чистые ладони, точно говоря: «Видишь? Меч режет все, кроме меня», а вслух добавил: – Неплохо ходить у Ма'элКота в любимцах.

– Но это не ответ, – заметил Герцог. – Я часами допрашивал его и другую пленницу. Почему он твердит, чтобы мы поговорили с тобой?

– Может, потому, что я его побил, – дернул плечом Берн. – Момент чести между мужчинами. Тебе не понять.

– Ясно, – просто сказал Тоа-Ситель. – То есть мне ясно, что в этом деле есть какой-то момент, который ускользает от моего понимания. Пока ускользает.

Берн фыркнул, описал мечом сложную траекторию, которая завершилась тем, что клинок снова оказался в ножнах за его спиной, и вернулся к окну.

Немного погодя нечеловеческий голос, похожий на раскаты дальней грозы, стих, и раздался громкий хлопок, как будто великан ударил в ладоши. Ма'элКот закончил переговоры.

Берн нерешительно приблизился к двери комнаты – черной глыбе кованого железа с массивным кольцом в виде древнего символа: змеи, пожирающей свой хвост. Кольцо казалось тяжелым, но на самом деле легко ходило вверх и вниз, ударяя в дверь, на что та отвечала низким гулом. Берн замешкался, протянув к кольцу руку, которая вдруг задрожала, как у ветхого старика. Граф бросил через плечо быстрый взгляд: видел ли Тоа-Ситель его слабость.

Тоа-Ситель позволил себе еще одну улыбку.

Вихрь ворвался в закрытую прихожую с такой силой, точно кто-то вдруг распахнул окно, а тихая ночь за ним сменилась ураганом. Ветер толкнул могучие створки двери, и они легко скользнули в стороны со звуком, похожим на отдаленный гул водопада.

– Берн. Тоа-Ситель.

Богатый обертонами голос Императора прозвучал громче храмового колокола, недавно объявившего наступление темноты. Тоа-Ситель не удивился, когда Ма'элКот безошибочно назвал их имена. Он уже привык: Ма'элКот знает все.

– Войдите, мои преданные слуги.

Тоа-Ситель посмотрел на Графа, которого обычно презирал, тот ответил ему неожиданно сочувственным взглядом, и оба переступили порог.

Железная комната была оборудована более ста лет тому назад, в правление Тиль-Менелетиса Позлащенного, последнего анхананского Короля, который баловался чародейством. Стены в комнате были внахлест обшиты листами кованого железа, закрывавшими окна, а швы между ними скрепляли серебряные руны. Железо окружало дверь и еще два места, где была видна оригинальная каменная кладка: магические круги – один на полу, ровно в центре комнаты, другой на потолке над ним.

После смерти Тиль-Менелетиса зал был опечатан: решение принял Совет Герцогов, когда несчастный наследник покойного Короля спятил после ряда неудачных экспериментов. Печати, наложенные самим Манавитаном Серооким, стояли вплоть до того дня, когда их собственноручно снял Ма'элКот.

В северной четверти мистического круга, на алтаре из песчаника, из-за копоти факелов и запекшейся крови давно изменившего свой природный цвет на серый, лежало нагое человеческое тело. Тоа-Ситель знал, кто это: с этим человеком он ел за одним столом, говорил с его женой, гладил по голове его детей; но теперь он запретил себе даже в мыслях произносить его имя.

Над торсом мужчины висела паутина из мокрых подрагивающих веревок. Каждую веревку пронзал серебряный крюк, служивший навершием одной из ветвей орудия, похожего на железное дерево... Но, приглядевшись, Герцог понял: никакие это не веревки, веревки не истекают кровью и не пульсируют в такт биению сердца.

В следующую секунду Тоа-Ситель точно прозрел, и от этого прозрения у него закружилась голова: веревки были живыми внутренностями распятого на алтаре человека. Кишки, вытянутые из его живота сквозь разрез ниже пупка, болтались на крюках, как трубка в копильне. Желудок Тоа-Сителя подкатил к горлу, и Герцог исподтишка взглянул на Берна: хотел узнать, как реагирует тот.

Граф, подавшись вперед и немного в сторону, вытянул шею, чтобы лучше разглядеть открывшуюся картину.

Император стоял в магическом круге, голый по пояс, словно борец, руки по локоть в крови. Его глаза, черные, как пасмурное небо в полночь, сверкали безупречным блеском, в котором не было ни тепла, ни холода. Кивком он указал на низкий диван у стены и пророкотал: – Садитесь, а я пока вымою руки.

Графу и Герцогу показалось, будто с ними заговорила гора.

Оба сели, неотрывно наблюдая за Императором, а тот подошел к жаровне: из ее багрового нутра поднимался дым, пропитанный ароматом можжевельного масла, который почти перебивал застарелую вонь, – слишком много крови было пролито в этой комнате когда-то. Ма'элКот только взглянул на жаровню, и пламя, повинувшись невидимому приказу, взметнулось вверх и стало столбом вровень с его макушкой. Он сунул обе руки в огонь, и тот позеленел, как трава; кровь на коже Императора схватилась коркой, потрескалась и стала осыпаться.

Император Ма'элКот, Щит Проритуна, Повелитель Анханы, Протектор Кириш-Нара, Лев Белой пустыни и так далее и так далее, был самым большим человеком, которого Тоа-Ситель видел в жизни. Даже Берн, высокий по обычным человеческим меркам, едва доставал макушкой до кончика умощенной воском бороды Императора. Его каштановые кудри, медно-красные в свете яркого пламени, спадали ему на плечи крупными волнами, тяжелыми, как камнепад в долине Потрясенных Утесов.

Не вынимая из пламени рук, Император тщательно тер ими друг о друга, точно мыл. Его бицепсы перекачивались, словно бочонки, а массивные мускулы грудины, казалось, были изваяны из камня каждый в отдельности и уже потом подогнаны друг к другу, как фрагменты мозаики. Кровь, потрескивая, отскакивала от пальцев Императора, улыбка становилась все шире, обнажая безупречные зубы. Языки огня как будто отклонялись от его пальцев, а он энергично

тер их, отскребая последние остатки кровавой корки. Когда он снова обратил взгляд на своих Подданных, его глаза были ярко-синими, как небо на исходе лета.

Император был тем единственным человеком, кого боялся Тоа-Ситель.

– Не трудитесь докладывать, – начал Ма’элКот. – У меня есть новые задания для вас обоих.

– Ты... э-э-э... – Берн выпрямился и отрывисто кашлянул, прочищая горло. – Ты нас не накажешь?

Брови Императора сошлись к переносице.

– А следует? За что же? Как вы успели предать Меня?

– Я... я не... – Берн кашлянул снова. – Я не предавал, но...

– Но Шут Саймон снова улизнул, – ровным голосом закончил за него Ма’элКот, переступил границу магического круга, подошел к дивану и, склонившись над Берном, положил обе руки ему на плечи – так отец готовится наставлять своего малолетнего сына. – Берн, неужели ты так плохо знаешь Меня? Разве Я похож на безумца, который наказывает других за собственные ошибки? Разве Я не был с тобой каждую минуту? Я пока не знаю, что именно сделал Шут Саймон, как он сотворил ту магию, которая все еще плещется внутри каждого из нас. И если Я Сам не могу побороть ее силу, то разве могу Я наказывать тебя за это?

Берн смотрел на Императора снизу вверх, и Тоа-Ситель, к своему изумлению, прочел в его лице желание угождать своему владыке во всем – неожиданное для кровожадного Графа.

– Я только... я не хотел тебя разочаровывать.

– Вот поэтому ты и есть Мое любимое дитя. – Голос Ма’элКота стал почти ласковым. – А ну-ка, детки, подвиньтесь. Дайте-ка Я сяду между вами.

Тоа-Ситель поспешно отодвинулся в угол дивана. Вот что особенно пугало его в Ма’элКоте: он был переменчив, как погода летом. То так глянет с высот своего императорского величия, что поджилки затрясутся, а то вдруг присядет с тобой рядом и заговорит доверительно, как с другом детства на крыльце деревенского дома.

– Меня подвела Моя собственная жадность, – заговорил Ма’элКот, упирая локти в колени. – Я сделал этот дворец непроницаемым для любой магии, кроме Моей Собственной. В горниле Моего желания схватить Шута Саймона закалился тот нож, что теперь трепещет в Моих внутренностях. Луч, соединивший тебя, Берн, со Мной, и стал той фатальной щелкой в Моей броне, через которую Меня ужалила стрела Шута Саймона. Сила, которую Я призвал сюда сегодня, чтобы спросить, как переломить эту магию, смеялась надо Мной. Надо Мной! Она сказала, что магию победить легко, надо только поймать того, кто ее создал. – Ма’элКот медленно покачал головой. Его взгляд был обращен внутрь, словно он наслаждался иронией положения. – А вы это чувствуете? Берн, вот ты видел Шута лицом к лицу – ты помнишь, какой он?

Берн с несчастным видом помотал головой:

– Нет, не помню. Я пытался... Мне кажется, я его даже узнал.

– Конечно узнал, – рокотнул Ма’элКот. – Сегодня Я с самой зари вычислял, кто такой Шут Саймон, исходя из того, что Я знаю всех, кого знаешь ты. Тщетно: догадка едва забрезжит, как тут же вмешается проклятая магия и все испортит. Я пытался прогнать ее заклятием, направленным против нее самой; подбирал инициалы сначала по алфавиту, потом вразброс, и каждый раз Я ждал, что снова почувствую шевеление догадки, но дело всегда кончалось одним и тем же: Я, передо Мной лист с буквами, и ни малейшего намека на то, какая из них вызывала ощущение близкой разгадки, а какая нет. Будь Я человеком, склонным к несдержанности, Я был бы взбешен.

– Однако сейчас ваше императорское величество скорее довольны, – осмелился вставить Тоа-Ситель.

Улыбка, которую обратил на него Ма'элКот, согревала, как солнце, и Герцог, вопреки опасениям, всем нутром откликнулся на ее благодатное тепло.

– Конечно доволен! Наконец-то Я столкнулся с чем-то новым и даже загадочным. Ты хотя бы представляешь, Тоа-Ситель, как редко Мне случается удивляться? Или терпеть неудачу? А уж такого интересного противника, как этот Шут Саймон, у Меня не было со времен Войны Долин. Он как лис, который перехитрил всех Моих гончих. Но у этой проблемы есть простое решение – найти другую гончую, получше.

– Получше? – повторил за ним Берн и нахмурился.

Ма'элКот улыбнулся и титанической дланью обхватил своего любимца за плечи:

– Не принимай метафору близко к сердцу, Мой мальчик. И прошу, не суди Меня строго за оговорку. Мне следовало сказать: гончую, приспособленную к решению именно этой задачи.

– И кто же это? – насупленно спросил Берн.

– Идемте. Сейчас увидите.

Ма'элКот встал и снова вступил в магический круг. Тоа-Ситель последовал за ним сразу, но Берн мешкал, заглядевшись на алтарь с телом.

– Он... э-э-э... кажется, я его знаю.

Ма'элКот ответил:

– Конечно. Герцог Тоа-Ситель, объясни.

Тоа-Ситель сделал глубокий вдох и потупился:

– Его имя Джейби. Думаю, ты его видел раз-другой. Он служил капитаном в Очах Короля. – Тоа-Ситель старался не смотреть на медленно опускающуюся и поднимающуюся грудь Джейби, на пульс, все еще бьющийся в кишках, развешенных на крючьях. – Это он намекнул изобретателю Конносу, что на того готовится донос.

– Вот именно, – одобрительно подытожил Ма'элКот. – И тогда Я решил извлечь из его предательства пользу: Внешние Силы, к которым Я обращаюсь за помощью, обычно приходят на Мой зов голодными. Я был бы плохим хозяином, не предложи Я им... легкую закуску, верно?

Берн с пониманием кивнул.

– Он еще жив?

– Живо только тело, – пророкотал Ма'элКот. – А теперь идем.

Едва Берн встал в магический круг, Ма'элКот положил руки на плечи своих спутников и поднял взгляд к каменному потолку. В считанные секунды, за которые можно лишь успеть перевести дух, песчаник над ними стал прозрачным, превращаясь в призрачное подобие самого себя. Вскоре Тоа-Ситель уже видел над собой гряды облаков и первые ночные звезды в разрывах между ними.

Еще мгновение – и пол ушел у Герцога из-под ног: без малейшего усилия все трое плавно воспарили к потолку и прошли сквозь него. Камень под их ногами тут же затвердел, и Тоа-Ситель обнаружил, что они стоят на парапете Сумеречной башни.

И это была третья причина, по которой Тоа-Ситель боялся Ма'элКота; многоопытного придворного приводило в трепет не столько поразительное могущество властелина, сколько то, что тот умел приводить его в действие без слов и жестов, просто силой мысли. Герцог знал о магии достаточно, чтобы понимать, как нужно сосредоточиться, чтобы выполнить даже простейшую операцию; самые подкованные адепты могли совершать лишь одно действие зараз. Причем для поддержания своих сил почти все они использовали специальные приспособления. Но только не Ма'элКот, – казалось, его сила не знает предела.

Так что Тоа-Ситель дрожал теперь отнюдь не от свежего вечернего бриза.

Внизу ковром из драгоценных камней лежала Анхана: бриллиантовые точки ламп в окнах на переднем плане сменялись крупными рубинами костров на периферии. Ветер доносил обрывки пьяных песен из пивных и звонкие голоса разносчиков новостей – те как раз возвра-

щались в свои конторы за свежей порцией вечерних известий, – а еще ароматы мяса, тушеного с чесноком и луком, и чистый, дикий запах степи, раскинувшейся между столицей и морем.

В западной части небосклона собрались облака и торжественно двинулись на город, в то время как на востоке из-за Зубов Богов едва показалась восходящая луна.

Широко раскинув руки, Ма'элКот запрокинул голову и возвысил голос, заглушая крепнущий ветер:

– Я просил Силу указать Мне того, кто сможет вынуть этот шип из Моей плоти, на того, кто избавит Империю от бунтаря Саймона. Сила нашла ответ в глубинах Моей памяти. Я знал его, хотя и не подозревал об этом. А теперь мы спросим о том же у ветра и увидим ответ, начертанный в облаках! – И он указал на близящийся грозовой фронт. – Смотрите, и да явится вам лик Моей новой гончей!

Тоа-Ситель проследил направление, которое указывал палец Императора. Он ожидал увидеть лицо, нарисованное на туче, как на пергаменте. Грозовой фронт кипел и набухал все новыми облаками, которые расширились, пульсируя, словно живые, и корчились, как Рабы под ударами кнута, и Тоа-Ситель вновь, как недавно в Железной комнате, испытал внезапное прозрение, от которого у него закружилась голова, – он понял, что никакого лица на облаке не будет.

Лицом оказалось само облако.

Беспощадный клинок императорской воли кромсал сердцевину грозового фронта, высекая из тучи лицо человека – огромное, величиной с гору, окаймленное бородкой и коротко стриженными волосами. Рот человека скалился от ярости, молнии полыхали в глазах.

– Забодай меня коза! – Первым не выдержал Берн.

Тоа-Ситель кашлянул и тихо добавил:

– Разве нельзя было просто нарисовать?

Ма'элКот разразился неудержимым смехом, точно подгулявший бог:

– Сила, если ею не пользоваться, выдыхается, Тоа-Ситель. Красиво, правда?

– Э-э-э... а... да, – не сразу нашелся с ответом Герцог. – Красиво. – И продолжал смотреть, трепеща от страха.

Берн хрипло вымолвил:

– Это же Кейн.

– О да, – довольно рокотнул Ма'элКот. – Конечно, это он. Будет в Анхане завтра утром.

– Кейн-убийца? – уточнил Тоа-Ситель, чей почтительный трепет и страх сразу сменились интересом. – Тот Кейн, который убил Тоа-Фелатона?

И он еще внимательнее взгляделся в облачное лицо: ему доводилось видеть рисованные портреты Кейна, довольно грубые и приблизительные, но этот, изваянный из тучи, был настолько точен, что Герцог понял – теперь он узнает этого человека где угодно, причем с первого взгляда. Но туча вскоре поменяла очертания и прямо у него на глазах превратилась в обычный грозовой фронт.

– Мм... да, – вздохнул Ма'элКот. – Тогда он сослужил Мне хорошую службу, сам того не ведая. Твоя задача, Тоа-Ситель, найти его и привести ко Мне во дворец. Брось на ее выполнение все силы Очей Короля, но знай – Кейн может не захотеть, чтобы его нашли. В городе у него есть связи и друзья. Не исключено, что кто-нибудь из них сам придет к тебе, если услышит... Какую сумму люди сочтут привлекательной, но не подозрительно крупной? Предположим, двести золотых ройялов. Так вот, если кто-то услышит, что за информацию о Кейне дают двести золотых ройялов, он может сам рассказать тебе все, что знает. Также отдай распоряжение констеблям, пусть ловят по улицам людей для ритуала Перерождения: там, где терпит провал умысел, порой преуспевает удача. Может, Кейн случайно попадетсся нам вместе с друзьями. К закату завтрашнего дня он должен быть во дворце.

– Вознаграждение в двести золотых ройялов, – повторил Тоа-Ситель и кивнул. – Он уже в городе?

– Нет. Где он, я не знаю. Но завтра, через два часа после восхода солнца, он будет здесь.

– Это пророчество?

Ма'элКот улыбнулся:

– Магия. Я для него сейчас как привязанный под деревом козленок для тигра. Он придет.

– Но... – нахмурился Тоа-Ситель, – если он в тысячах лиг отсюда, то...

– Хотя бы и в миллионах, – ответил Ма'элКот. – Даже за стеной Смерти ему не скрыться от Моего притяжения. Ты, Тоа-Ситель, просто человек, с завязанными глазами ковыляющий по узкому коридору Времени; Я – бог, и Время лежит в Моей ладони, точно тряпичный мяч в ладошке ребенка. Реальность подчиняется Моему удобству. Будь Кейн даже в тысяче лиг отсюда, месяцы назад он уже ступил на тот путь, который приведет его ко Мне. И если бы сегодня Я выбрал не приводить его сюда, то месяцы назад он принял бы решение остаться. Понимаешь?

– Вообще-то, нет, – признался Тоа-Ситель. – Если ты... гм... влечешь его с такой силой, то почему мы должны искать его, словно вора? Разве он не придет к тебе по своей воле?

Улыбка Ма'элКота сделалась снисходительной.

– Он может прийти ко Мне по своей воле. А может быть, его придется тащить сюда силком. Вот почему Я дал тебе такую задачу. Так или иначе, но он придет; зов не останется без ответа. А каким путем – не важно.

Тоа-Ситель нахмурился:

– Если твоя магия так сильна, то почему ты не можешь просто притянуть к себе Шута Саймона?

– Именно это Я и делаю, – сказал Ма'элКот. – Но чем меньше Я знаю о нужном Мне человеке, чем хуже Я представляю Себе его облик, тем дольше приходится звать. Кейн – всего лишь необходимый компонент, он как кристалл или пригоршня серы, без которой не работает заклятие. Стоит Мне получить его, и Шут Саймон сам явится ко Мне, притянутый Кейном, как железо – магнитом.

Пока шел этот разговор, Берн стоял, сложив на груди руки, и смотрел на город, надув губы, как обиженный ребенок. Вдруг он выпалил:

– А мне что прикажешь делать?

Ма'элКот повернулся к Графу, и его улыбка померкла.

– А ты возьмешь выходной.

– Что?

Вены на лбу Берна вздулись, он хватал ртом воздух, словно не мог решить, заплакать ему или вцепиться Императору в горло.

– Берн, сделай, как Я тебе велю, – продолжал Ма'элКот ласково, но твердо. – Я прекрасно знаю о вашей с Кейном вражде; отчасти Я Сам был ее причиной. А еще Я знаю, что первая встреча может оказаться последней для одного из вас. Поэтому возьми выходной, расслабься, порадуйся жизни. Иди в город Чужих; пей, играй, распутничай. Только в Крольчатники не ходи – там у Кейна друзья среди Подданных Короля Арго, и он, скорее всего, там появится. Забудь Шута Саймона, Серых Котов, забудь государственные заботы. И Кейна забудь. Если ты встретишь его, пока он будет на Моей службе, то будешь обходиться с ним так, как одно возлюбленное Дитя Императора обходится с другим, – с почтением и вежливостью.

– А потом?

– Когда Я получу Шута Саймона в свои руки, судьба Кейна перестанет Меня интересовать.

– Ладно, – сказал Берн и поспешно перевел дух. – Ладно. Прости меня, Ма'элКот, но ты знаешь... ты знаешь, что он сделал со мной.

– Я знаю, что вы сделали друг с другом.

– Но почему Кейн? В смысле, он что, особенный?

Тоа-Ситель насторожился – в голосе Берна он услышал кое-что сверх обычной раздражительности и удивленно подумал: «Ба, да он ревнует!» Старательно сохраняя нейтральное выражение лица, Герцог сделал себе ментальную зарубку: проверить, нет ли между Императором и его фаворитом иных отношений, кроме чисто политических.

– Пока не знаю, – отвечал между тем Император. – Однако карьеру он сделал впечатляющую. – И, пожав плечами, он опустил свою тяжелую длань на плечо Берна. – Не исключено, что его главное достоинство вот в чем: он единственный на свете человек, который сошелся с тобой в поединке и выжил.

Призрачная улыбка согрела тонкие губы Графа.

– Только потому, что бегаешь, как чертов кролик.

Ма'элКот обнял Берна за плечи и испытующе заглянул ему в глаза:

– Но ты стал другим теперь. Мои дары тебя изменили. И он больше не убежит от тебя.

Берн протянул руку и погладил эфес Косаля; меч отозвался грозным звоном, слегка приглушенным ножами.

– Ага. Теперь-то конечно.

Ма'элКот скосил на Тоа-Сителя серый, будто стальной, глаз:

– У тебя сегодня много работы, Герцог. Я отпускаю тебя.

Тоа-Ситель не успел рта раскрыть, как его ноги провалились в камень. Ма'элКот и Берн, стоя на твердом полу, без всякого выражения наблюдали за его спуском. Герцог слегка вскрикнул, проваливаясь вниз целиком, и последнее, что он увидел, прежде чем его глаза ушли в камень, был жест, которым Ма'элКот привлек голову Берна к своей обнаженной груди.

Таинственная Сила бережно опустила Тоа-Сителя на пол в центре магического круга. Герцог провел ладонями по рукам, стряхивая с них воображаемую каменную крошку, и посмотрел в потолок. Все тот же гладкий камень.

Герцог негромко хмыкнул и потряс головой. Потом, неслышно ступая, подошел к алтарю и поглядел на Джейби – человека, которого он, можно сказать, положил туда своими руками. Тот еще дышал; Герцог долго глядел на него, наблюдая, как кровь пульсирует у него в кишках в такт ударам сердца; вдруг сердце несчастного забилося сильнее, пульс участился, потом сбился и замедлился почти до полной остановки.

Джейби был другом Герцога – старым, преданным другом. Преданность друзьям и стала его главной ошибкой: кроме Тоа-Сителя, он дружил с Конносом. И поставил дружбу выше долга. Сделал выбор хорошего человека.

Выбор мертвеца.

Преданность друзьям стоила ему не только жизни. В ушах Тоа-Сителя все еще звенел его крик, полный боли и ужаса, – этот крик послужил наживкой, на которую должна была клюнуть Внешняя Сила, чтобы Ма'элКот смог повязать ее своим заклятием. Герцог не был уверен в том, что его умирающий друг целиком здесь, – кто знает, быть может, какая-то его часть, воя от нестерпимой боли, скитается сейчас в невообразимом аду, обители Внешней Силы.

Но правды уже не узнать, а этот дышащий труп отслужил свое и больше не нужен Ма'элКоту. Тоа-Ситель, возможно, был не таким хорошим человеком, как тот, кто лежал сейчас перед ним, но все же он был человеком и не мог отказать другу в последней милости. Конец все равно близок, значит не грех подтолкнуть его чуть-чуть.

Ласково, но твердо Тоа-Ситель зажал нос Джейби пальцами одной руки, а вторую положил ему на рот.

Джейби не противился. Его грудь поднялась, снова опустилась, и он умер, не издав больше ни звука.

Тоа-Ситель вытер руки о штаны и вздохнул. Да, его ждет работа.

На пороге он оглянулся, взглянул на каменный магический круг сначала на полу, потом на потолке и снова хмыкнул.

Прошлого Повелителя Анханы он пережил. Удастся ли пережить нынешнего, вот загадка.

7

Простые жители великого города Анхана, столицы Империи, редко глядят в небо, особенно ночью. На Северном берегу Большого Чамбайджена, в Крольчатниках, люди больше озабочены тем, кто скрывается в ближайшей темной подворотне и что поджидает их в следующем темном переулке. В городе Чужих несчастные недочеловеки слишком пьяны, одурманены наркотиками или заняты обслуживанием Чистокровок, которые являются к ним поразвлекаться ночью. В Промышленном парке, который разделяет их, трубы мануфактур изрыгают дым, а зарево печей румянит темное небо.

В Старом городе одни честные люди после заката ложатся спать, а другие охраняют их покой. Констебли ходят по улицам с фонарями, нужными больше для того, чтобы не наступить ненароком на кучу лошадиного навоза, которую пропустила команда ленивых сборщиков.

На Южном берегу, где дома богачей и знати примыкают к владениям Герцогов, слуги трудятся, готовясь к следующему дню, а их хозяева спят сном праведников.

И все же кое-кто иногда поднимает глаза к небу. На барже, стоящей у причала сталелитейного завода, матрос задирает голову, почуяв приближение дождя. Эльфийская шляха в городе Чужих плотнее запахивает грубую шаль на бледных, полупрозрачных плечах и, ощерившись, бросает надвигающейся туче грубое человеческое ругательство. Двое подростков, сыновья Барона Тиннара, изнасиловав кухонную девчонку, которую они только что поймали на огороде за городским домом своего отца, натягивают штаны, удовлетворенно потягиваясь над окровавленным ребенком. Вдруг один из них видит облако и толкает другого кулаком в бок.

Как и все, кто в ту ночь видел в небе грозовую тучу в форме человеческого лица, которое скалилось с небес на землю, братья вздрогнули, угадав в этом дурное предзнаменование. Но миг спустя туча опять стала просто тучей, и они, тряхнув головой, подивились своему шальному воображению.

8

Такси сверкнуло в лучах заходящего солнца и тут же погасло в тени, опускаясь на край посадочной площадки Эбби. Хари уже был там, ждал.

Дверь бесшумно скользнула в сторону, Хари шагнул в салон и опустился на сиденье у мини-бара, тщетно пытаясь игнорировать выпученные глаза и отвисшую челюсть водилы за бронированным стеклом переднего отсека.

Его голос по внутренней связи звучал слегка металлически:

– Срань господня, это же ты! В смысле, ты же Кейн!

Хари кивнул:

– Да. Знаешь, где находится лагерь Бьюкенен?

– Тюряга? Конечно, Кейн. Господи Иисусе, а я еще получил заказ, смотрю – Эбби, но без имени, ну, думаю, мало ли кто. Может, одна из твоих телок, или подружка, или мало ли кто, а тут, святые потроха, смотрю – да это же Кейн! Будет теперь что ребятишкам рассказать!

– Сделаешь мне одолжение?

– Конечно, Кейн. Все, что хочешь.

– Заткнись.

– Я... э-э-э... конечно, Кейн, как скажешь, ты устал, я понимаю. Нет проблем. Только знаешь что? Подпиши мне книжку, ладно?

Хари крепко зажмурился:

– Ты что, меня не слышал?

– Да ладно тебе, книжку-то подписать, подумаешь, делов-то! А моим пацанам знаешь какая радость? Они ведь ни за что не поверят, что я тебя вез, если ты не подпишешь.

– А если подпишу, то ты оставишь меня в покое?

– Конечно, Кейн, конечно. Она там, под крышкой бара, а он открывается, как ноутбук.

Такси плавно взмыло в воздух, а Хари открыл бар, нашел под крышкой книжицу для автографов и оставил в ней свой. Ухмыльнулся – надо же, настоящая бумага. Дорогое удовольствие.

– А, это, тебе зачем в Бьюк?

Хари тяжело сглотнул; выйти из себя здесь было бы унижительно.

– Послушай... Я просто не хочу с тобой разговаривать. Книжку я тебе подписал, так что давай помолчим.

– Ну, как скажешь. – Водила отвернулся, но Хари даже через стекло слышал его недовольное бормотание: – Вот ведь срань, выбился в Профессионалы, сразу свои корни забыл. Все они такие...

Хари смотрел в окно на солнце, опускающееся в Тихий океан, и думал: «Ага, забыл, как же. И рад бы, да кто же мне даст».

На юго-западе собирались грозовые тучи. Такси слегка тряхнуло на развилке, водитель откинулся на спинку кресла, потянулся и спросил:

– Не возражаешь, если я экранчик включу, а?

Хари не ответил. Водитель слегка коснулся сенсорной панели, и в ветровом стекле возникла острая мордочка ЛеШаун Киннисон, отраженная от экранов на потолочных панелях. Хари моргнул: никак «Драконьи вести». Водитель перевел спинку кресла в наклонное положение и заложил руки за голову.

Киннисон кивала так, словно билась в припадке, всем своим существом выражая наигранную симпатию. Она говорила:

– ...Объяснить моим зрителям, что такое аммод и почему Паллас Рил оказалась в такой большой опасности?

Хари закрыл глаза в тот самый момент, когда на экране всплыла его собственная физиономия. Мало того что пришлось произносить вслух всю эту чушь, которую навязала ему Студия, так изволь еще теперь смотреть на себя за этим занятием – вот где мучение-то!

– Вау, Кейн! Это же ты там! Гляди, гляди, прям рядом с ЛеШаун. А она классная телка, да? Классная телочка!

– Не телка, а крокодилица ненасытная. После шоу я еле оторвал ее пальцы от своей ширинки.

– Да ты чё? Шутишь? Чё, прямо там, на шоу? ЛеШаун Киннисон хватала тебя за член?

– Заткнись.

– ...Людей, которые на самом деле понимают физику, стоящую за этим процессом, и я, как ты понимаешь, уж точно не один из них.

(Смех в аудитории.)

– Но я все же попытаюсь объяснить это тебе – и твоим зрителям – так, как это объясняли мне самому. Понимаешь, наша Земля и Надземный мир – это одна и та же планета, только в разных вселенных. Каждая вселенная вибрирует, вся, целиком, и каждая по-своему – на научном языке это называется универсальной константой резонанса. Вообще-то, «вибрирует» – неправильное слово, просто нам проще так думать и говорить. Мы переходим из одной все-

ленной в другую, меняя свою константу резонанса так, чтобы она совпала с резонансом другой вселенной. Ну как, все уже запутались?

(Смех в аудитории.)

Сейчас камера покажет крупным планом, как он вынимает из жилетного кармана антикварные часы; тошнотворное зрелище. Хари вспыхнул от унижения и скрипнул зубами.

Но память услужливо показала картинку: он держит часы за конец цепочки, а они висят, нижней частью корпуса слегка касаясь его ладони.

– Представьте, что Паллас Рил – вот эти часы. Ладонь под ними – Земля. Часы стоят на ней, значит они стабилизированы. Теперь представим, что Надземный мир находится выше, на ином уровне реальности – скажем, где-то посередине между моими ладонями. Значит, если я захочу передвинуть между ними часы, не изменяя при этом положения рук, то у меня есть два варианта. Первый – укоротить цепочку, вот так. Просто, правда? Этот режим называется чамод, сокращение от «частотная модификация» – термин не совсем правильный, но все же... Так поступают с практикантами, отправляя их в Надземный мир надолго, иногда на несколько лет, чтобы они закончили свое обучение там и создали себе персонаж, который, как все надеются, когда-нибудь сделает их популярными. Когда они решают, что пора домой, то просто приходят на один из наших пунктов Трансфера в Надземном мире, и установленное там специальное оборудование снова удлиняет цепочку, возвращая их на Землю. Вот так, видите? И они снова здесь. Но тут есть одна проблема: Актер в чамоде все равно что абориген. То есть он полностью сливается с Надземным миром и теряет связь со Студией. Никаких тебе первоочередников, ни даже вторичного проката. И кому это, спрашивается, интересно? Мы там развлекаемся, а вы тут ничего не видите.

(Аудитория реагирует дружным «бу-у».)

– Так вот, аммод – амплитудные модификации, термин тоже неверный, но уж какой есть, – штука посложнее. Это режим, в котором сейчас находится Паллас, в который вводят меня и всех Актеров, чтобы вы могли наслаждаться нашими Приключениями.

Его запястье описывает небольшую дугу, и часы начинают вращаться вокруг своей оси, причем центробежная сила приподнимает их почти до горизонтали.

– И это уже совсем другой путь в Надземный мир. Чтобы удерживать часы в таком положении, я должен все время их вращать. То есть, иными словами, постоянно добавлять им энергии, понимаете? Именно это с нами делают через мыслепередающую сеть. Одна и та же сеть передает на Землю то, что происходит с нами там, чтобы вы смотрели и радовались, а с Земли транслирует нам энергию, которую вырабатывает для нашей подпитки студийный реактор.

Хари с закрытыми глазами вспоминает фальшивую тревогу, которую изобразила Киннисон, подаваясь к нему, и, как тогда, ему снова захотелось вклеить ей пощечину.

– Значит, – спрашивает она, – что-то происходит, когда эта связь обрывается? Что же?

Хари остановил руку, и Киннисон, а с ней и все, кто был в студии, уставились на часы, которые по инерции еще описали в воздухе несколько кругов и легли в его подставленную ладонь.

– Актер соскальзывает на Землю.

Хари на зубок знал сценарий: здесь ему полагалось стать серьезным.

– На самом деле все гораздо сложнее. Надземный мир – это не соседняя с нами вселенная, скорее даже наоборот. Надземный мир так похож на Землю потому, что он, если так можно выразиться, гармонизирован с нашей планетой, как один и тот же звук в двух разных октавах. Но между ним и нами находится черт знает сколько других вселенных, и все они так не похожи на нашу, что я даже не знаю таких слов, чтобы описать их хотя бы приблизительно. Между ними есть кое-что общее: все они враждебны жизни в тех формах, в каких мы ее знаем. Так, в некоторых мирах химический элемент углерод, из которого по большей части состоят наши тела, не может существовать, настолько там иные законы. Вот почему, когда Актер рассинхро-

низируется с Надземным миром, для него это означает провал в какую-то другую вселенную и смерть. Причем смерть мучительную, страшную. Почти все исчезают без следа. Некоторые, правда, возвращаются на Землю, но в таком виде... лучше не думать. Не хочу даже говорить.

– И это случится с Паллас Рил, если ты не найдешь ее?

Хари прикидывается крутым парнем:

– Если уже не случилось.

В груди у него точно проворачивают кинжал, он открывает глаза и видит свое лицо, которое таращится на него с экрана над лобовым стеклом.

Такси слегка потряхивает, когда оно сворачивает с одного пути на другой, так что на миг его лицо накладывается на грозовую тучу над Тихим океаном.

– Я знаю, что когда вы надеваете индукционные шлемы, то становитесь мной. Чувствуете то же, что и я. А это значит, что вы любите Паллас так же, как люблю ее я. И я клянусь: если с ней что-то произошло, то ни одна сила в мире не спасет от моей мести тех, кто в этом виновен. Берн будет умолять меня о смерти. Ма'элКот проклянет тот день, когда повстречались его родители. Никто из тех, кто приложил к этому руку, не избежит моего суда. Клянусь.

Это были слова сценария, вышедшие из-под пера студийных писак, но лишь они одни во всем шоу оказались правдой. Он произнес их так же искренне, как делал в жизни все.

– Ой, мамочки, страшно, – усмехнулся водила. – Не хотел бы я, чтобы ты сердился на меня.

9

Служитель почтительно придержал дверь, давая Хари пройти. Переступив порог маленькой комнаты, Хари пожал ему руку – физический контакт представителей двух каст, высокой и низкой, не совсем обычный, но и не то чтобы неслыханный, маскировал передачу пакетика кокаина. Все выплаты осуществлялись безналичным путем, денежные потоки находились под строгим и неусыпным контролем; зато любой представитель высших каст, начиная с Професионалов и далее, мог совершенно легально приобрести кокаин или иные возбуждающие средства; наркотики давно уже ходили на черном рынке как универсальный обменный эквивалент, а просить представителей нижних каст об одолжении, не подкрепляя просьбу дозой кокаина, считалось чуть ли не дурным тоном. Вот почему, отправляясь в социальный лагерь Бьюкенен, Хари всегда привозил с собой порядочный запас наркотика – каждое его посещение отмечалось массовой раздачей взяток, причем очередь желающих получить белый порошок неизменно увеличивалась. Если сначала Хари подмазывал только начальника лагеря, то теперь приходилось давать на лапу уже и Трудящимся, которые надзирали за хирургически оглушенными Рабочими, обслуживавшими заключенных, – так он покупал возможность поговорить с отцом.

Служитель без слов ткнул пальцем в тачпад на стене – показал Хари, куда ему жать, когда он решит выйти, – и поднял перед собой растопыренные ладони.

Десять минут.

Хари кивнул, и санитар закрыл за собой дверь; она захлопнулась, лязгнув замком.

– Папа? – заговорил он, подходя к кровати. – Пап, как ты себя чувствуешь?

Дункан Майклсон скорчился между двумя мокрыми от пота синтетическими простынями, глаза под закрытыми веками перекатывались, как два неровных мраморных шарика. На безволосом черепе выступили вены; тощие руки судорожно натягивали ремни со смягчающими прокладками на изнанке, стон вперемешку с неразборчивым бормотанием срывался с губ – ему снился бесконечный кошмарный сон.

«Черт, мне же обещали, что отец будет бодрствовать».

Тряхнув головой, Хари уже хотел шагнуть к тачпаду и вызвать санитаря, но передумал, пожал плечами и отошел к маленькому окошку в дальней стене. За это окошко он добавлял по

двадцать процентов к каждому ежемесячному платежу. Не грех и воспользоваться им когда-нибудь.

Ежемесячный взнос Хари покрывал все расходы на содержание отца в лагере и был единственным, что отделяло Дункана от ярма киборга; оно и труд Рабочего в считанные месяцы отправили бы его на тот свет даже в те времена, когда его болезнь только начиналась, а сам он был намного сильнее, чем сейчас.

Хари оплачивал особые условия содержания отца в тюрьме уже десять лет.

За окном шел дождь, вода струйками бежала по стеклу, делая весь мир расплывчатым и серым. Вдруг всего в паре метров от окна молния ударила в молоденькое деревце, расщепив его ствол; треск электрического разряда и оглушительный грохот мгновенно пробудили рефлекс Хари, и он, коротко вскрикнув, упал на пол, перекатился на бок и встал на четвереньки у крошечного столика, где с омерзением тряхнул головой, ожидая, когда успокоится пульс.

На кровати открыл глаза отец.

– Хари? – Голос был злой и тихий, почти шепот. – Это ты, Убийца?

Хари оперся рукой о край кровати и встал:

– Да, папа.

– Господи, какой ты стал большой. Как дела в школе?

– Пап, я... – Он прижал руку ко лбу. – Хорошо, пап. Отлично.

– Тебе голову разбили? Я же говорил тебе: держись от Ремесленников подальше. Быдло они, и всё. А я как-никак Профессионал. Иди к маме, пусть зашьет.

Хари поднял руку и ощупал старый рваный шрам чуть выше линии роста волос. В десять лет он подрался с целой бандой пацанов из семей Ремесленников; те напали на него вшестером, пихали и выкрикивали дразнилку из тех, которые мальчишки часто сочиняют экспромтом. Она называлась «Отродье придурка».

По лицу Хари на мгновение скользнула улыбка: приятно было вспомнить, как один из обидчиков тут же покотился на землю, зажав руками яйца, по которым он саданул ботинком, а второй с воем прижал ладонь к прокушенному носу, пытаясь унять кровь. Эх, жалко, что ему уже не десять; вернуться бы сейчас в то время, так он бы еще двоих уложил, прежде чем их вожак – Нильсен, кажется, его звали, как-то там Нильсен – поставил в потасовке финальную точку кирпичом.

Но Хари не привык долго предаваться ностальгическим раздумьям, и сожаление о несбыточном быстро прошло. Мать не зашила ему рану, оставленную кирпичом Нильсена, – к тому времени ее уже три года не было в живых.

А Дункан гонял гусей с такой силой, что вполне хватило бы на двоих.

– Хорошо, папа.

– Вот и ладно... – Дункан снова бессильно потянул за ремень. – Ты можешь развязать веревки? Чешется, сил нет.

Хари развязал ремни, и Дункан с удовольствием принялся скрестить себя вокруг пластин питания, прижатых к груди.

– Ох, благодать какая. Хороший ты парень, Хари... и хороший сын. Мне жаль, что я... ну, ты же знаешь, я мог бы... я... – Дункан закатил глаза, задергал веками и забормотал что-то гортанное, неразборчивое.

– Папа?

Хари потянулся к отцу, слегка его встряхнул. Его пальцы легли на плечо Дункана, и он ощутил каждое его сухожилие, каждую косточку, сустав. Беспощадная выучка Кейна подсказала ему, как одним движением вывихнуть это плечо, разделив кость и соединительную ткань.

Хари отдернул руку так, словно коснулся раскаленного железа, и даже посмотрел на свою ладонь, как будто ожидал увидеть ожог.

Он снова отошел от кровати, вернулся к окну и встал, прижавшись лбом к прохладному стеклу.

Наверное, на всей Земле не было человека, незнакомого с историей жизни Хари по версии Студии – с классической историей успеха крутого парня из гетто Трудящихся Сан-Франциско. И лишь немногие знали, что Хари не родился Трудящимся. Его отец, Дункан Майклсон, преподавал социоантропологию в Беркли и был, по сути, основным автором всех учебников вестерлинга, а заодно целого ряда работ по культуре и традициям Надземного мира. Мать Хари, Давия Хапур, познакомилась с Дунканом, когда молоденькой магистранткой пришла к нему в семинар по основам языкового дрейфа. Союз двух наследственных Профессионалов поначалу был почти идеальным, и ранние воспоминания Хари были счастливыми.

Теперь Хари знал, что стало причиной отцовского падения. Прорвавшись к славе и статусу звезды, он сумел организовать платную медицинскую диагностику, которая установила, что Дункан стал жертвой прогрессирующей нейродегенерации. Дункан Майклсон страдал от аутоиммунного расстройства, которое разъедало химические синапсы в его мозге, периодически вызывая беспорядочные «короткие замыкания» в работе центральной нервной системы. Как бестактно выразился один представитель среднего медицинского персонала, «мозг твоего папаши последние двадцать лет занят тем, что медленно превращается в пудинг».

Но это теперь, а тогда, в детстве, Хари даже не замечал, что происходит. В шесть лет он стоял на пороге яркого и блистательного мира Знаний, который распахнули перед ним родители-Профессионалы, и был так увлечен его новизной, что не видел внезапно нахлынувшей угрюмости и резких перепадов настроения отца. Но первое избиение помнил прекрасно – дело было в отцовском кабинете, отец вдруг закатил Хари здоровую оплеуху, от которой он кубарем покатился по ковру, а потом схватил его руками за плечи и стал трясти, да так, что у мальчика искры посыпались из глаз.

А еще он помнил, как кричали друг на друга родители, обмениваясь репликами, в которых мелькали фамилии – те самые, которыми Дункан бравировал перед студентами на семинарах и лекциях и которые так пугали его мать, что у нее зубы начинали стучать от страха. Много лет спустя Хари достал на черном рынке книги запрещенных авторов и только из них узнал, что это были за фамилии и кому они принадлежали: Джефферсон и Линкольн, Вольтер и Джон Локк. Но в детстве он понимал лишь одно: отец слишком часто говорит об этих людях и они непременно доведут его до беды.

Так и случилось: ему запомнились быстрые, деловитые движения социальных полицейских в серебряных масках, которые пришли арестовать Дункана. Шестилетний Хари уже давно спал, когда его разбудил рык отца; мальчик все видел, подглядывая в крошечную щелку у двери детской.

Дункан был не то слишком горд, не то чересчур болен, чтобы лгать; после его исчезновения прошла всего неделя, когда полицейские вернулись и перевезли Хари и его мать в двухкомнатную квартирку в районе Миссия, в гетто для Трудящихся.

Годами Хари упрямо верил, что его мать не развелась с отцом только из-за любви к нему и не могла покинуть мужа, даже когда его безумие проявилось так явно, что его перевели в низшую касту и со всей семьей переселили в трущобы Темпа. В других семьях ни в чем не повинного супруга спасал от декастации развод. Только подростком Хари понял, что развод не защитил бы статус его матери, ведь она не донесла на Дункана за подстрекательство к мятежу, а это в глазах Социальной полиции делало ее соучастницей.

Просто ей больше некуда было идти.

Отца отпустили к ним через месяц. Их имущество конфисковали, ведь Труженики не имеют права получать доходы с работы Профессионалов. Ни Дункан, ни Давия не обладали никакими навыками Трудящихся; ни на что, кроме черной работы, они не годились. А Дункану

становилось все хуже: он все чаще срывался, распускал руки, выкрикивал какие-то лозунги о «правах человека».

Хари так никогда и не узнал, от чего именно умерла его мать. Он привык считать, что в один прекрасный день отец слишком сильно избил ее, а потом в клинике для Тружеников обдолбанный демеролом медик прописал ей неправильное лечение. Самым ярким воспоминанием Хари о матери было то, как она лежит в постели в их крохотной квартирке, обливаясь потом, и дрожащей рукой бессильно стискивает его пальцы. «Береги отца, – твердила она ему, – ведь другого у тебя не будет. Он очень болен, Хари. Он это не нарочно».

Несколько дней спустя она умерла в той же постели, пока Хари играл в стикбол в паре кварталов от дома. Ему было семь лет.

Отношения Дункана с реальностью складывались негладко. В дни просветлений он бывал так добр с сыном, что едва ли не трепетал перед ним, – он старался побыть хорошим отцом, зная, что это ненадолго. Он делал все, чтобы дать Хари хоть какое-то образование: учил его чтению, письму, арифметике. Он наскреб достаточно кокаина, чтобы не только купить скринер, но и подкупить техника, который нелегально подключил их к местной библиотечной сети: Дункан и Хари вместе проводили перед экраном целые часы, читали. Но так бывало, когда у отца прояснялось в голове.

В другие дни от него лучше было держаться подальше, и Хари быстро усвоил: среди отбросов района Миссия он будет целее, чем рядом с Дунканом. У него развилось феноменальное чутье и такая же способность к адаптации; любую перемену в настроении отца он чувствовал издали, как собака – дичь, и тут же начинал подыгрывать той иллюзии, которая завладевала стариком на этот раз. И каждый раз ему удавалось увидеть мир глазами Дункана.

А еще он научился драться. Годом к десяти он понял, что отцовские побои не становятся легче, если терпеть их молча, а значит, можно и сдачи дать. Поэтому он отбивался от отца и убегал.

И куда было податься сбежавшему из дома ребенку в квартале Трудящихся, если не на улицу? Природный ум и изворотливость помогли ему выжить среди воров, проституток, наркоманов, извращенцев из высших каст и разного рода маньяков. К тому же он был готов драться с кем угодно и когда угодно, даже если противник превосходил его и числом, и умением, и за это его стали считать чокнутым сыном чокнутого папаши – репутация, которая не раз спасала ему жизнь.

К пятнадцати Хари все понял про мир, в котором живет. И решил, что его отец спятил потому, что обманывал себя. Начитался книжек тех типов, которыми все бредил, и они убедили его, что мир – такой. Он поверил им, а когда мир показал ему, что он совсем другой, отец не выдержал. Какое-то время он еще притворялся, а потом сломался и перестал отличать притворство от реальности.

И Хари поклялся, что с ним такого не случится. Он сохранит здравый ум: всегда будет смотреть миру прямо в глаза и видеть его таким, какой он есть, и никогда не станет притворяться.

Детство, проведенное на улицах района Миссия, убило в Хари любые иллюзии насчет неприкосновенности человеческой жизни, если они у него когда-нибудь были, а также веру в добрую природу человека. К пятнадцати годам на его счету было уже два убийства, а на жизнь себе и отцу он зарабатывал сначала мелким карманным воровством, а потом тем, что бегал на посылках у местных дельцов черного рынка.

Через месяц после своего шестнадцатого дня рождения Хари попался на глаза Марку Вайло, а еще через две недели парень собрал свои нехитрые пожитки и съехал от отца. Напоследок тот попытался размозжить ему голову гаечным ключом.

Вайло гордился тем, что всегда заботится о своих низших. Девять лет, пока Хари рос, мужал, учился в Консерватории, а потом жил в режиме чамода в Надземном мире, Вайло обес-

печивал его отца. Когда Хари вернулся и начал карьеру Актера, Дункан уже несколько лет находился под особым присмотром. Непрерывная лекарственная терапия поддерживала в нем ясность сознания.

Однако его старая проблема никуда не делась: держать язык за зубами он так и не научился.

Лишенный всех привилегий Профессионала, он больше не имел права преподавать. Но он не опустил рук: собрал группу последователей – молодых мужчин и женщин из касты Трудящихся – и у себя на квартире просвещал их рассказами о запрещенных философах и их учениях, которые с легкостью извлекал из глубин своей выдающейся памяти. Молодежь бодро распространяла еретические взгляды среди своих знакомых. Соцполы, конечно, были в курсе, но в те времена на такие вещи еще смотрели сквозь пальцы. Только после жестокого подавления Кастовых бунтов Дункана судили за пропаганду, но предоставили выбор: либо строгий режим в немом бараке в исправительном учреждении типа Бьюкенена, либо ярмо киборга и разжалование в Рабочие.

В Бьюке Дункан мог говорить и даже писать, все равно ничего из написанного им не выходило за пределы лагеря. Изо дня в день осужденный видел лишь одного человека – хирургически лишённого слуха Рабочего, который следил за его личными нуждами. Заключенный мог пользоваться Сетью, но лишь в режиме входящей информации. С любыми просьбами необходимо было обращаться к начальнику лагеря по специальной закрытой почтовой системе, которая существовала именно для таких целей. Дункан был лишен любых контактов не только с миром за пределами лагеря, но и с другими заключенными.

Итак, закон, применявшийся к Дункану, был суров, но его, как и любой закон, можно было обойти или прогнуть под себя за сходную цену.

А еще именно благодаря этим правилам Дункан стал для Хари самым желанным и безопасным собеседником на свете. Он приходил к отцу в поисках тишины и покоя, когда от ветров, задувавших во все щели его разваливающейся семейной жизни, уже некуда было деться.

Холодное оконное стекло нагрелось от соприкосновения с его лбом.

– На этот раз они победят, па, – прошептал он. – Они ухватили меня за яйца.

Бормотание Дункана стихло; единственное, что Хари слышал помимо собственного голоса, был стук дождевых капель по стеклу снаружи.

– Они хотят, чтобы я убил еще одного анхананского Императора. Я и первого-то еле пережил – Тоа-Фелатона, в смысле. Чудом уцелел, а должен был сдохнуть в том закоулке позади дворца. Если бы Кольберг не нажал тогда кнопку срочного извлечения... А этот парень, Ма'эл-Кот... он такой... такой... не знаю даже, как сказать. Короче, у меня плохое предчувствие. По моему, на этот раз я не справлюсь. – Говорить, когда никто не слышит, было легче. – Так что теперь они меня достанут.

Хари приложил ладони к стеклу и стал разглядывать дымящийся ствол.

– Нельзя, конечно, сказать, будто я не знал, во что ввязываюсь. Нам еще в Консерватории твердили: «Ваша роль в обществе – рисковать жизнью всякими интересными способами». Но эти Приключения, они все хуже и хуже с каждым разом; они действительно хотят убить меня, пап, – каждый следующий сюжет все круче, ставки выше, риск больше. С их точки зрения... в общем, не знаю, наверное, им приходится так поступать; в смысле, кто станет тратиться на первый просмотр Приключения, о котором заранее известно, что с его героем не случится ничего плохого?

– Ну так уйди. Уволься. – Голос был тихий и хриплый, но, несомненно, разумный. Дункан пришел в себя.

Хари повернулся к окну спиной и встретил мутный взгляд отца.

Кашлянул, прикрыв ладонью рот, и смущенно пробормотал:

– Я... э-э-э... не знал, что ты проснулся.

– Зато ты будешь жить, Хари. – Дункан почти шептал. – Жить – это уже много.
– Я... э-э-э... я не могу, папа. Я подписал контракт.
– Откажись.

Хари покачал головой:

– Не могу. Из-за Шанны, пап. Это моя жена.
– Я помню... Иногда я вижу ее в Сети, с тобой. Вы женаты... сколько, год?
– Три.
– Дети?

Хари молча покачал головой и взглянул на свои мозолистые пальцы. Потом сказал:

– Она там, в Анхане. – Дыхание перехватило – ну почему ему так трудно говорить об этом? – Она... э-э-э... – Он хрипло кашлянул, повернувшись лицом к окну. – Она заблудилась в Надземном мире, и ей дадут умереть, если я не прикончу Ма'элКота.

Мгновение в комнате было слышно лишь свистящее дыхание Дункана.

– Я знаю. Я видел кое-что... из «Драконьих вестей»... – Казалось, старик специально старается набрать побольше воздуха в грудь, словно надеясь вдохнуть в свой голос уверенности. – Хлеба и зрелищ, Хари. Хлеба и зрелищ.

Это было любимое присловье Дункана, которое Хари понимал лишь отчасти.

– Твоя проблема... – продолжал Дункан с усилием, – не в Надземном мире и даже не в этом Императоре. Твоя проблема в том... что ты Раб.

Хари раздраженно дернул плечом – это он уже слышал, и не раз. Полуслепому Дункану все казались Рабами.

– Свободы у меня столько, что хоть ложкой ешь.

– Ха! У тебя есть... больше, чем ты думаешь. Ты победишь. —

И Дункан измученно откинулся на подушки.

– Конечно, па.

– Не смей мне... поддакивать, Хари, черт... – Несколько секунд он просто дышал. – Слушай... Я расскажу тебе, как их побить. Рассказать?

– Конечно, па. – Хари подошел к кровати и наклонился над отцом. – Видишь, я слушаю. Расскажи мне, как их победить.

– Забудь... забудь правила...

Усилием воли Хари сдержал рвущееся наружу раздражение.

– В каком смысле?

– Слушай... они думают, что ты их собственность. Они думают, что ты – их и будешь делать все, что они скажут.

– Что ж, они близки к истине.

– Нет... нет, слушай... твоя жена, ты любишь ее. Ты ее любишь. – (Хари молчал – горло свело, слова не шли наружу.) – Этим они тебя и держат... и распоряжаются тобой. Но больше у них ничего против тебя нет... а они этого не знают... и думают, что все у них в порядке...

Хари напрягся, наморщил лоб, но промолчал.

– Хари, послушай меня... – в который уже раз прошептал Дункан, и его веки задрожали. – Умнейший... умнейший человек в мире однажды сказал: «Все, что совершается во имя любви, выходит за рамки добра и зла». Смекаешь? Понимаешь, в чем суть? За рамки.

Хари вздохнул. Господи, о чем он только думал? Почему решил, что чокнутый отец даст ему дельный совет? Он с отвращением покачал головой и повторил:

– Конечно, пап. За рамки. Я все понял.

– Устал. Хрр, засыпаю. Мм... Хари?

– Что?

– Ты хоть раз... говорил ей... обо мне?

«Правда есть правда, – подумал Хари. – Надо смотреть ей в глаза». Он сказал:

– Нет. Я ни разу не говорил ей о тебе.

Дункан кивнул, закрыл глаза. Его руки привычно легли так, словно были привязаны к кровати.

– Мне хочется... когда ты спасешь ее, я хочу ее увидеть. Один раз. В Сети она всегда кажется такой хорошей.

– Да, – сказал Хари, вдруг охрипнув. – Она и в жизни такая.

10

Бриллиантовый бальный зал на двадцатом этаже Студии сверкал и переливался радужными огнями, острые блики дрожали на лицах подписчиков Кейна. В основном это были Свободные, многие из них пришли сюда со своими надежными Инвесторами; из Бизнесменов мало кто мог похвастаться таким количеством денег или таким влиянием, чтобы разгуливать среди избранных. В Северной Америке не было Актера с более высоким индексом подписчиков, чем у Кейна: тысяча представителей высших каст вносила кругленькую сумму в сто тысяч марок за годичную ренту роскошной ложи с гарантированным просмотром семи Приключений – если, конечно, звезда не погибнет в процессе или не сломает, к примеру, ногу.

Это был клуб для избранных; десять тысяч надеющихся войти в него когда-нибудь платили Студии по тысяче марок ежегодно только за право оставаться в листе ожидания. Подписчикам давались привилегии, в том числе возможность встречи со звездой на приемах, которые устраивали перед началом каждого Приключения.

Нынешний прием, как множество других до него, проводился в стиле тематического костюмированного бала «Враги Кейна».

Хари кружил в толпе в черном кожаном костюме а-ля Кейн, он играл Кейна, цедил сквозь зубы жесткие ответы сентиментальным подписчикам, которые с мокрыми глазами подходили пожелать ему удачи, дружески хлопал по плечу тех, кто пытался давать советы.

Изображая Кейна, он чувствовал себя почти нормально, – по крайней мере, не надо было улыбаться.

Вдруг из толпы вылез Кольберг и схватил его за руку. На Администраторе была каштановая с золотом ливрея – такие в Анхане носит дворцовая обслуга. Хари не сразу сообразил, что Кольберг изображает Джемсона Таля, дворецкого Тоа-Фелатона, а сообразив, с трудом подавил импульсивное желание ударить его ногой в горло.

– Речь с тобой? – спросил Кольберг.

– Да.

– Ты ее просматривал? Она не вполне... гм... обычная.

Как всегда перед началом нового Приключения, Кольберг обливался потом – нервничал. Хотя дело было не в самом Приключении, а в том, что здесь, в этой толпе высших, он был единственным Администратором. Надо сказать, что никакому другому Администратору не позволили бы арендовать ложу для первоочередного просмотра Приключений Кейна. Все, кто собрался в Бриллиантовом зале в тот вечер, были выше его рангом, причем намного.

Все, кроме Хари.

Хари опустил взгляд на пальцы Администратора, которые все еще сжимали его локоть. Кейн на его месте просто сломал бы этому жирдяю руку. Но Хари только сказал:

– Да, Администратор. Речь у меня с собой. – И он еще раз подчеркнуто поглядел на потную лапу Кольберга. – Без обид, Администратор, но люди смотрят.

Кольберг выпустил руку Хари так резко, точно его ужалили. Облизнулся, поправил мундир.

– Ужин начнется через пятнадцать минут, а ты еще на северной стороне зала почти не был.

Хари пожал плечами:

– Уже иду.

Он пробрался через толпу Инвесторов, наряженных в костюмы Медвежьей гвардии Орды Кхуланов; двое Свободных, которые привели их с собой, вырядились в меха и крылатые шлемы, как сам Кхулан Г'тар. Потом он стерпел рукопожатие другого Свободного, который наложил на себя килограммов пять грима, не меньше; идиот потратил около шестидесяти марок, чтобы придать себе сходство с вождем огриллов, убитого Кейном в Приключении под названием «Отступление из Бодекена», – деньги, которых обычная семья Тружеников не зарабатывает и за неделю. Хари повидал множество расхлябанных коротышек Бернов, отдал дань уважения одному изобретательному типу, который нарядился похожим на богомола воином Кррка из «Погони за Венцом Дал'каннита», и вдруг столкнулся нос к носу с Марком Вайло.

Коротышка-Бизнесмен управился лучше многих: на нем были сверкающие нагрудные доспехи из легкого пластика, не хватало только шлема. С помощью спрея он превратил себя в платинового блондина. А главное, с помощью хитроумного приспособления ему сделали разбитую скулу и глаз, который выпал из глазницы и болтался на нитке нерва. Сквозь порванную кожу скулы даже торчали обломки кости и вполне натуралистично капала кровь.

Хари протяжно свистнул, выражая свой восторг.

– Марк, вот это красота. Пуртин Хлэйлок, я угадал?

– В яблочко, сынок, – сказал Вайло и широко усмехнулся. – Я специально выбрал того, кто еще жив. Берн тоже жив, но мы с ним в разных весовых категориях. Хотя других это не остановило. – И он коротко фыркнул, кивком показывая на публику вокруг. – Что случилось, малыш? Ты, похоже, не веселишься?

– Я... э-э-э... я что-то перенапрягся, Марк.

Тот рассеянно кивнул, точно понял.

– Послушай, у меня тут гостья, особая гостья, с которой я хочу тебя познакомить. Так что соберись и... погоди, послушай, сначала скажи – помнишь наш разговор на прошлой неделе про Шанну и все такое?

– Да?.. – осторожно ответил Хари.

– Так вот, я хотел сказать тебе, что все отлично. Идея просто замечательная, я сам лучше не придумал бы.

В животе Хари как будто завязался узел.

– Я и сам ничего такого не планировал.

– Черт, ну да, конечно, я знаю. Но все получилось так остофигительно прекрасно – я просто не могу проиграть, ты понял?

Хари понял: он пойдет и героически спасет Шанну, героически отомстит за ее гибель или героически погибнет, стремясь к тому или другому. Каков бы ни был исход лично для него, его Патрон ничего не потеряет, и даже наоборот.

– Да, – ответил он моментально севшим голосом, – у тебя отличные перспективы.

– Зуб даю. Ну пошли.

Вайло подвел его к мясистой Свободной мадам лет пятидесяти, которая стояла в окружении кучки поклонников. На женщине был нагрудник из коричневой замши, туника и бриджи стального цвета и развевающаяся синяя накидка с капюшоном: она была одета, как Паллас Рил.

Вайло кашлянул со значением.

– Кейн, позволь представить тебя Шермае Доул. Досточтимая Свободная мадам Доул, это Кейн.

Женщина обернулась, ее глаза вспыхнули удовольствием, но руки она, естественно, не подала.

– О да, Марк. Мы же встречались.

– Досточтимая Свободная, – ответил ей Хари с легким поклоном, – почтила своим присутствием наше бракосочетание с Шанной.

– Вот именно, – сказала она. – Если бы вы были там, Марк, вы бы помнили. – У Вайло вспыхнули уши, а Доул продолжала: – Артист Майклсон, как поживаете?

– Хорошо, насколько позволяют обстоятельства. А вы, мадам?

– О, а я, знаете ли, страшно расстроена из-за Шанны, – ответила та, приложив руку к обширной груди. – Я так признательна Марку за то, что он пригласил меня в свою ложу. И очень надеюсь, что вы найдете Шанну.

– Приложу все усилия, мадам.

– И еще, Артист Майклсон, прошу вас извинить мой выбор костюма. Марк назвал мне тему сегодняшнего вечера, и я, конечно, знаю... – тут она придвинулась к нему и застенчиво хихикнула, – что Паллас Рил не враг Кейну; о, еще бы мне этого не знать! Просто мне хочется еще раз напомнить всем присутствующим, ради чего мы здесь собрались и что поставлено на карту. Вы не огорчены?

Хари был поражен тем, какое теплое чувство к этой женщине вдруг затопило его.

– Досточтимая Свободная мадам Доул, – сказал он серьезно, – вы, возможно, самый лучший человек, которого я когда-либо встречал; ваша доброта и забота никак не могут причинить мне огорчения. Я совершенно согласен с вашим выбором.

– Жаль только, что я ничем не могу вам помочь, – вздохнула она. – Пожалуйста, знайте, я все время буду с вами: буду следить за вами из ложи Марка в числе первоочередников, и все мои молитвы будут о вас с Шанной. Да пребудет с вами Господь, Артист Майклсон.

Она повернулась к нему спиной в знак того, что разговор окончен, и тут же через плечо заговорила с Вайло:

– До чего он воспитанный, Марк. Я так вам признательна. Нет, правда, он вежлив до чрезвычайности.

Вайло позволил ей завладеть его рукой и послушно пошел за ней. Проходя мимо Хари, он оглянулся и одними губами прошептал:

– В десятку.

Хари натужно улыбнулся Патрону, кивнул, и толпа окружила его снова.

Через пару минут настало время говорить речь – короткое предобеденное обращение к публике. Когда все наедятся, выступят Марк Вайло – его официальный Патрон, Артуро Кольберг – Председатель Студии, и парочка престарелых Актеров, которых пристегнули к этому мероприятию. Хари вынул из нагрудного кармана блокнот и щелчком открыл крышку. На экране вспыхнул текст его речи. Он направился в западную часть зала, где плавный изгиб огромной спиральной лестницы мог послужить ему трибуной.

Поднявшись на несколько ступеней, он повернулся лицом к залу. Свет над столами слегка притушили, зато на Хари направили золотистые лучи, привлекая к нему внимание публики. С дальнего конца зала на него, как дула пулеметов, нацелились микрофоны. Он кашлянул, и многократно усиленный звук прокатился по залу далекой канонадой.

Тысяча лиц – а то и больше – в нетерпеливом ожидании повернулись к нему. Хари неторопливо оглядел их, и ему стало дурно: перед ним сидели все его враги. Не хватало лишь одного: никто не оделся в костюм Ма'элКота. Хари слегка тряхнул головой. Император Анханана – слишком свежая фигура, его еще не привыкли рассматривать как врага Кейна.

Он снова прокашлялся и начал:

– Мне сказали, что тема сегодняшнего вечера «Враги Кейна». А я гляжу на вас и думаю: точнее было бы назвать его «Жертвы Кейна». По-моему, ни один морг не сравнится сейчас с этим залом по числу покойников на квадратный метр.

Как того требовал сценарий, он замер, пережидая смех и редкие аплодисменты слушателей.

«Они считают, что ты – их собственность».

Струйка пота скользнула по шее Хари.

– Я знаю, что среди вас есть первоочередники Паллас Рил. Значит, вы были с ней там, в Анхане, бродили по улицам столицы, вместе с ней переживали страх и ужас потерянности...

«Черт, какой еще страх и ужас? Они что, не знают, о ком пишут? Что за придурки кропают это дерьмо?» Его сердце закипело в грудной клетке.

– ...но я клянусь вам, что найду ее. А вместе с ней и вас. Я верну вас, целыми и невредимыми, назад, на Землю.

«Они думают, что все у них в порядке».

Слова на светящемся экране утратили четкость. Хари притворился, что откашливается, и украдкой протер глаза, щурясь в экран.

– Понимаете, эти парни там, в Анхане, не знают, с кем связались. Они еще не поняли, какую беду на себя навлекли...

Мышцы его шеи напряглись до звона в ушах.

«Свободы у меня – хоть ложкой ешь».

Руки Хари вдруг зажили отдельной жизнью: порвав пополам блокнот, они швырнули его на ступеньки. Бунт тут же поддержала нога: Хари еще понять не успел, как это случилось, а его каблук уже опустился на крышку блокнота и раздробил ее на куски.

– Да пошло оно все, – сказал он хрипло.

Волна шепота пробежала по толпе.

Хари продолжал:

– Весь вечер я притворяюсь Кейном. Хожу тут между вами, кого-то хлопну по плечу, кому-то пожму руку, с кем-то перемигнусь или перекинусь парой слов. Но все это игра, притворство.

И он усмехнулся фирменной Кейновой усмешкой: его губы раздвинулись, обнажив зубы, и на фоне абсолютно неподвижных глаз оскал производил впечатление кровожадного.

– А хотите узнать, что сказал бы вам Кейн, будь он сегодня здесь на самом деле? Хотите или нет?

Хари нашел в толпе лицо Кольберга: бледный, как кусок сырого теста, глаза выпучились от ужаса, головой трясет так, что она того гляди отвалится. Неподалеку сидел Вайло, глядя на него так, словно впервые его увидел, и Доул, которая щурилась, будто близорукая. Лица остальных не выражали ничего, кроме нетерпеливого ожидания, граничащего с похотью.

– Он сказал бы: это моя женщина и моя драка. И добавил бы: а вам, гребаные пожиратели падали, давно пора обзавестись собственной жизнью.

Он спустился с лестницы и оказался лицом к лицу с толпой могущественнейших людей в мире.

– А ну, прочь с дороги!

Толпа медленно расступилась, давая ему пройти.

Он спокойно прошел сквозь толпу и вышел.

Каблуки его сапог уже стучали по мраморному полу передней, когда из Бриллиантового зала вырвался шквал аплодисментов. Он настиг Хари, точно могучая приливная волна.

Но Хари не остановился.

Кольберг выскочил в фойе, громыхнув дверью, когда Хари уже стоял у лифта.

– Майклсон! – рявкнул он. Вернее, хотел рявкнуть, потому что выкрик получился слегка пискливым – толстый Администратор задыхался от бега. – А ну, вернись!

Но Хари не обернулся. Он не отрывал глаз от филигранной бронзовой стрелки, которая медленно подползала к цифре нужного этажа.

– Это неприемлемо! – вопил, выпучив глаза, Кольберг. По его лицу, рябому от пигментных пятен, катились крупные капли пота. – Я прикрыл твою задницу с большим трудом, так

что они сейчас думают, что это такая задумка. Но ты немедленно вернешься в зал и убедишь всех, что это была шутка, понял?

– Знаешь что, Арти? – тихо сказал Хари, по-прежнему глядя на стрелку. – Мы здесь с тобой совсем одни. Ни тебе охраны, ни даже камер наблюдения. Свидетелей нет.

– Что? Как ты меня назвал?

Хари повернулся к Кольбергу, и тот напоролся на взгляд Кейна.

– Я говорю, что мы здесь одни, ты, жирный мешок дерьма, а я знаю три способа убивать так, чтобы на теле не оставалось отметин.

У Кольберга отвисла челюсть, из раскрытого рта донеслось такое шипение, будто кто-то выпускал воздух из надутого шара. Администратор сделал шаг назад, еще один:

– Нельзя со мной так разговаривать!

Дверцы лифта бесшумно раскрылись, и Хари ступил внутрь.

– Знаешь что, – добавил он безмятежно, – если я доживу до конца этой истории, то извинюсь.

Кольберг продолжал глазеть на него, его руки тряслись от избытка адреналина, который так роднит ярость и страх. Тем временем дверцы между ними закрылись, и лифт понес Хари вниз, на первый этаж.

«Завтра он со мной поквитается», – подумал Хари, идя через холл к выходу. Приложив ладонь к пластине армированного стекла, он поднял голову и взглянул на грозовые облака, тошнотворно-оранжевые снизу.

«Ну и черт с ним, завтра у меня день оплаты по всем счетам».

День второй

- *Что с тобой не так? Ты даже не злишься никогда! Если бы ты орал, и то было бы лучше, чем это... это спокойствие... отчужденность.*
- *Господи, Шанна! О чем ты? Что можно доказать криком – у кого голос громче?*
- *Может, тогда бы я поверила, что ты любишь что-то, кроме насилия. Убийства для тебя важнее, чем я, а мне иногда хочется, чтобы было иначе...*
- *Черт, ты несправедлива...*
- *Несправедлива? Ты хочешь справедливости? Пожалуйста! Цитирую тебя: «Я верю в справедливость, только когда держу нож у горла судьбы».*
- *Да при чем тут...*
- *При том. Все это части одного целого. Зря я надеялась, что ты поймешь.*

1

Нестерпимо юный и столь же нестерпимо красивый мужчина с искусно завитыми волосами смотрит с домашних экранов всего мира.

– Для тех, кто с нами недавно: вы смотрите «Обновленное приключение», единственный всемирный круглосуточный канал Студии новостей. С вами Бронсон Андервуд.

Наша главная новость дня: менее чем через час легендарный Кейн совершит переход в город Жизни, столицу Империи Анханан на северо-западном континенте Надземного мира. В городе держат в плену его настоящую жену, хорошо известную зрителям как Паллас Рил. Графические часы в левом нижнем углу экрана показывают время, в течение которого амплитуда тела Паллас будет совпадать с амплитудой Надземного мира. Если Кейн не найдет и не спасет ее до истечения этого срока, Паллас погибнет. Итак, часы показывают, что до рассинхронизации, а значит, до полного уничтожения Паллас Рил остается всего – о ужас! – сто тридцать один час, то есть приблизительно пять с половиной суток.

Наш канал «Обновленное приключение» будет показывать отсчет времени двадцать четыре часа в сутки, пока сохраняется хоть малейшая надежда. Также мы каждый час будем освещать шаги, которые Кейн предпримет в своих отчаянных поисках.

В следующем часе вас ждет интервью ЛеШаун Киннисон с самим Кейном – не пропустите, это будет нечто особенное! А сейчас слово нашему главному аналитику по Анханану Джеду Клирлейку.

– Доброе утро, Бронсон.

– Джек, что вы можете рассказать нашим зрителям о текущей ситуации в Анхане? Многое ли из происходящего там остается для нас за кадром?

– Конечно, Бронсон, и гораздо больше, чем мы можем представить. Прежде всего сама цифра в сто тридцать один час – это лишь предположение. Есть множество факторов, способных привести к сокращению фазы...

Так все началось.

2

Гора из стекла и стали, известная как Студия Сан-Франциско, высилась над равниной посадочных площадок и автопортов. Над ней кружили не орлы, а лимузины и купе Свободных и Инвесторов, плавно парящие между опорами и поддерживающими конструкциями.

Ночью погода переменилась. Утреннее солнце румянило стрельчатые окна, сверкало в глазах горгулий, затаившихся среди массивных контрфорсов. Защищали территорию Студии неприступные стены из гранита – первая линия обороны от низших каст.

Мимо огромных ворот, похожих на пасть с клыками железных пик, текли орды низших, в основном Рабочих и Трудящихся, хотя попадались и Профессионалы – видимо, не из самых гордых. Шаркая подошвами, цокая каблуками, они шли и шли по живому коридору – студийные охранники в красных костюмах стояли вдоль стен специально, чтобы оттеснять поток на обочину.

Через час в эти ворота войдет Кейн.

В Кавее, громадном зрительном зале на пять тысяч коек первоочередного просмотра, батальоны швейцаров помогли богатым клиентам пройти на свои места, устроиться и подготовиться к сеансу.

В абонементных ложах Свободные и их гости, наслаждаясь экзотическими винами и деликатесами, которые подносили им официанты, оживленно обсуждали необыкновенное выступление Кейна на благотворительном бале. Мнения разделились: большинство считало, что это была хитрая выдумка студийных постановщиков, однако упрямое меньшинство настаивало на том, что случившегося не ждали и сами устроители, а значит, они все стали свидетелями чего-то настоящего.

Но и те и другие были чрезвычайно заинтригованы увиденным. Многие даже лишились сна, ломая голову над тем, что из этого выйдет. Ну а те, кто все-таки спал в ту ночь, видели себя во сне на месте Кейна.

Тем временем в комнате техподдержки, окна которой смотрели на черный зиккурат платформы переноса Кавее, Артуро Кольберг сыпал бессмысленными приказами, а сам пыхтел и дулся, вспоминая унижение, которое ему пришлось пережить накануне, причем именно в тот миг, когда он готовился праздновать величайшую победу. Думать об этом было нестерпимо, надо было искать выход.

И он найдет этот выход и обязательно им воспользуется.

Это не месть, уверял он себя. Ведь им руководит не уязвленная гордость, не стремление залечить рану, нанесенную его самолюбию. Нет, Кольберг считал себя выше подобных мотивов. Он всегда знал, что личное следует подчинять диктату общественного, и никогда не нарушал этого правила. Унижение, которое он перенес, оскорбление, брошенное ему в лицо, даже угроза, скрытая в нем, – все это можно пережить, на все при желании можно закрыть глаза. Будь это все личными отношениями Майклсона-человека и Кольберга-человека, он бы и глазом не моргнул, ведь он не привык обращать внимание на личное.

Но оскорбление затронуло его общественный статус, а это уже совсем другое дело.

Столкнулись интересы Профессионала Майклсона и Администратора Кольберга, и не замечать этого значило бы подвергать угрозе сами устои цивилизации.

Администраторы всего мира жили и работали, руководствуясь девизами: почтение к высшим, уважение к низшим и служба превыше всего.

Дети Администраторов с молоком матери впитывали мысль о том, что их задача – защищать общество, что они – ось, на которой держится и вокруг которой вращается мир. Ниже их стоят Профессионалы, Труженики и Рабочие, выше – Бизнесмены, Инвесторы и Свободные. Администраторы не зря помещены в самом сердце системы, именно они – точка опоры, центр равновесия, и роль их велика, от них зависит сохранение цивилизации, не больше и не меньше. Администраторы воспринимают идеи высших каст и воплощают их в реальность, транслируя низшим. Администраторы распределяют мелеющий поток ресурсов Земли. Администраторы руководят предприятиями, доводят до сведения народа правила и законы, создают богатство – двигатель жизни на Земле.

Одним словом, Администраторы держат на своих плечах всю тяжесть мира, ничего не требуя взамен.

Блюсти честь и достоинство своего положения – одно из первейших правил любого Администратора, выполнять которое Кольберг научился едва ли не в детстве. Когда авторитет эффективного Администратора силен, низшие, в том числе Администраторы рангом помельче, исполняют приказы, не задавая вопросов. А истинно великие Администраторы умеют повернуть все так, что низшие еще и конкурируют за право исполнить их волю, не ожидая взамен ничего, кроме «спасибо».

Но если ошибки и слабости начинают подрывать авторитет Администратора, низшие тоже забывают свой долг, становятся беспокойными и злыми – и тогда производительность труда падает, работа откровенно саботируется, причем до такой степени, что это начинает вредить компании. И это не миф, не сказка, которой Администраторы пугают своих детей, – нет, это реальность, и Кольберг своими глазами видел, как это происходит.

Он родился от смешанного брака. Его отец, компетентный руководитель среднего звена, управлял больницей на Среднем Западе, где взял в жены женщину из касты Профессионалов: она работала хирургом-пульмонологом в той же больнице. И об этом сверстники Артуро, дети Администраторов, жестокие, как все дети на свете, никогда не давали ему забыть.

Все детство Кольберг с горечью наблюдал за тем, как родители его одноклассников и приятелей поднимались в обществе на много ступеней вверх, получая новые ответственные посты в разных интересных местах, в то время как его отец, человек, в общем-то, неглупый, но слабовольный, прозябал в заштатной провинциальной больнице. А все потому, что он не понимал главного: низших надо держать в повиновении. Он даже позволял матери Кольберга работать, что лишало ее права подать прошение о переводе в касту мужа: запрещено совмещать статус Администратора и обязанности Профессионала. Родиться среди низших – не порок, но пренебречь возможностью повысить свой кастовый уровень – настоящее преступление. И мать совершила его, продолжая самозабвенно ковыряться в грудных клетках пациентов и не думая о том, какой вред она наносит карьере мужа и жизни единственного сына.

Но возлагать всю вину только на нее тоже не совсем справедливо. Отец никогда не осознавал, как важно руководителю выглядеть достойно в глазах окружающих, и никогда не думал о том, какое впечатление он на них производит. Человек легкомысленный, он часто давал слабину в общении с низшими и предпочитал нравиться, а не вызывать уважение. Он никогда не настаивал на том, чтобы низшие вели себя при нем так, как им положено. Кольберг до сих пор заливался краской стыда, вспоминая, как отец прилюдно позволял матери обращаться к нему по имени и даже не возражал против ее прикосновений, и все это в присутствии низших.

Унижения детства и юности не прошли для Кольберга даром – свою жизнь он посвятил тому, чтобы ни в чем не походить на отца и даже стать его полной противоположностью. Он был холост и не помышлял о женитьбе – зачем? Жена будет требовать внимания, отнимать время и силы, которые он привык тратить на административную аскезу. От низших он требовал –

и регулярно получал – соблюдения всех знаков внимания, которые полагались ему по рангу, и сам неукоснительно выполнял то же самое по отношению к высшим. Он точно знал, какое место он занимает в иерархии общества и куда направлен вектор его карьеры.

Вверх. Медленно, но неуклонно – вверх.

Преданность делу и служебные навыки помогли ему подняться с должности помощника управляющего отделением больницы – той самой, где служил его отец, – до кресла главного управляющего, то есть самого отца. Артуро Кольберг до сих пор с гордостью вспоминал тот день, когда он вошел в кабинет отца и собственноручно положил перед ним бумагу – уведомление о выходе Кольберга-старшего на пенсию. Это было одним из лучших и самых дорогих воспоминаний его жизни. Он доказал себе и другим, что искусный управляющий может все и, главное, что он, Артуро Кольберг, в полной мере владеет этим искусством, несмотря на свое небезупречное происхождение.

Но просто одержать победу над отцом было недостаточно. Здравоохранение – не та сфера, где можно сделать настоящую карьеру. За двадцать лет, прошедших с тех пор, он совершил головокружительный взлет, поднялся на такую высоту, какая и не снилась рядовому управляющему. Никто из его однокашников, их родителей и других знакомых Администраторов не годился теперь ему в подметки – он обогнал всех. Он не просто стал председателем студии – нет, он был Председателем легендарной Студии Сан-Франциско, где был изобретен первый в истории транспортатор Уинстона, который Иона Уинстон собрал своими руками. С этого все и началось: Студия Сан-Франциско изменила не только природу развлечений, но и саму структуру общества.

А ведь когда он только взял руководство Студией в свои руки, все было совсем не так: предприятие давно дышало на ладан, от прежней предприимчивости и хватки не осталось и следа, все уровни студийной иерархии заполнили бездарные руководители и некомпетентные подчиненные – не компания, а прямая иллюстрация принципа Питера. Коллеги-Администраторы только головой качали, узнав о его переводе в эту тихую заводь, да ахали над его безвременно загубленной карьерой.

Но он всем им заткнул рот.

Под его руководством Студия Сан-Франциско превратилась в ярчайший бриллиант в короне мировых студий, флагманский корабль их эскадры, мерило престижа и успеха индустрии развлечений. На одних подписчиках, лелеющих надежду приобщиться к Списку Десяти, Студия зарабатывает до пятидесяти миллионов марок в год.

А когда люди говорят о звездах Сан-Франциско, Десяти Бессмертных, то первый, кого они вспоминают, – это Кейн.

Конечно, Буркхардт и Стори, Чжен и Мкембе тоже хороши, но Кейн – единственный в своем роде. Такого, как он, никогда не было и, возможно, не будет. Многие подражают ему, но повторить его успех не смог еще никто. Многие пытаются докопаться до причин его неувядющей популярности, объясняя ее то присущим ему красноречием, то непривычным сочетанием безжалостности и страсти, озаренным редкими вспышками благородства. И только Кольберг знал, что все это пустые измышления.

То есть чушь.

Есть только две причины, почему Кейн, подмяв под себя рынки первичного и вторичного просмотров, продолжает доминировать на обоих. Причина номер один – это его откровенная любовь к драке, к банальному мордобою.

Ворожить и чувствовать, как магия входит в твое тело и растекается по жилам, наполняя их могуществом, – это одно. Совсем другое – рубить врага клинком: в этом есть какая-то жестокая интимность. Но даже она не сравнится с почти эротическим наслаждением, которое испытываешь, когда под ударом твоего голого кулака с хрустом ломается чья-то кость, когда рука – или нога – со вкусом врезается в чужую плоть, а уж когда противник издает тихий

шелестящий вздох, предвестник скорого поражения, когда его лицо застывает и он видит в твоих глазах свою смерть – вот когда адреналин выплескивается в кровь, вызывая чувство неистового восторга. Драка – вот чего ждут, ради чего живут все фанаты Кейна, и он бросается в каждую потасовку самозабвенно, как прыгун в воду, – только что был здесь и вот уже весь там, дерется не на жизнь, а на смерть, и все исключительно ради острых ощущений.

Ну и причина номер два – сам Кольберг.

Это он сотворил Кейна, кирпичик за кирпичиком возвел здание его карьеры с такой заботой, какую иные мужчины дарят лишь сыновьям. Едва проходил слух, что где-то в Надземном мире назревает ситуация, способная выгодно оттенить Кейна, стать удачным фоном для его истории, как Кольберг тут же отправлял своего протеже туда. Его не смущало ни то, что там уже действовали другие Актеры, ни то, что Кейн, вломившись в чужую историю на середине, порой вытеснял из нее героя и сам занимал его место. Кольберга не раз критиковали за фаворитизм, за потакание низменным вкусам публики, за то, что он портит истории других Актеров и сводит на нет их ценность.

На все это у него был один ответ: пухлым указательным пальцем он тыкал в нижнюю строку финансовых отчетов Студии. И вскоре даже Актеры перестали ворчать. Они поняли: если на середине истории вдруг объявляется Кейн, то число подписчиков на Приключение даже самой незначительной лошадки из конюшен Студии Сан-Франциско тут же взлетает до небес.

И вдруг Кейн выступил против Кольберга, бросил ему вызов, даже угрожал – на глазах у всех. Нет, стерпеть такое нельзя. Ведь такого, как Майклсон, даже Профессионалом не назовешь. Новая мода во всем потакать этим Актерам зашла слишком далеко. Профессионал, тоже мне. В лучшем случае Трудящийся. Актеры ведь тоже меняют плоды своего физического труда на деньги, только и всего, в то время как истинный Профессионал – это член сообщества избранных, каждое действие которого подчинено строгому нравственному коду. Потому что истинный Профессионал всегда отвечает за результаты своей работы.

Кольберг мрачно улыбнулся. А вот это было бы забавно – привлечь однажды Кейна к ответу за все, что он натворил. Пусть бы он тоже столкнулся с последствиями своих деяний. Н-да, сладкие, но пустые мечты. Кейн слишком ценен.

К тому же, напомнил себе Кольберг, угрожал-то ему не Кейн, а Майклсон. Кейн – курица, которая несет для Студии золотые яйца, и он же – самый успешный проект Кольберга.

Значит, надо найти способ наказать не Кейна, а Майклсона.

3

Хари закончил тренировку серией ударов с разворота, направленных в голографическую модель размером с человеческую голову, которая скакала в электростатическом тумане на краю спортивного зала в Эбби. Вращения на спине в обе стороны, удары с подсечкой, боковые удары, полумесяцы: Хари вертелся так, что пот летел с его волос параллельно полу.

Он встряхнул головой и принял решение впредь быть осторожнее с левой ногой: старая рана на бедре ныла от перемены погоды, и лишь три удара по подвижной мишени из пяти достигли цели. Плохо: значит, он уже не мальчик, а опыт не всегда хорошая замена скорости.

Минуя душ, Хари подошел к экрану. Пот он стер полотенцем, пока говорил с адвокатом: убеждался, что все его дела, денежные и иные, в полном порядке. Особенно его волновали ежегодные отчисления на содержание отца – надежное ли это вложение и будут ли выплаты продолжаться до самой смерти клиента. Покончив с этим, он отключил экран. Звонить было больше некому.

Набросив на плечи полотенце, он сошел в подвал. Через пятнадцать минут за ним придет студийный лимузин.

Значит, пора становиться Кейном.

Подвальное помещение освещалось так ярко, что электричества хватило бы на целый небольшой город. Это было связано с необходимостью поддерживать энергетическое поле «Надземный мир – Норма», чтобы Хари мог хранить здесь вещи Кейна и не переодеваться в Студии, где ему пришлось бы делить гримерку с Актерами более низкого ранга.

Сам по себе подвал был невелик: размером с небольшую кладовку и ровно в два раза шире, чем было нужно Хари.

Он распахнул дверь, и пустая левая сторона подвала уставилась на него, точно закрытый бельмом глаз. Время от времени ему приходила в голову мазохистская фантазия купить дубликаты костюмов Паллас и развесить их здесь, чтобы подвал наконец перестал дразнить его своей наготой. Печальные мечты отчаявшегося человека – он точно так же не смог бы повесить здесь ни одной тряпки, которая не касалась ее тела, как до сих пор не научился спать посередине их двуспальной кровати – так и спал на своей стороне.

Он потянул на себя костюм.

Черная кожаная туника выцвела и потрескалась по швам – в подмышках белые круги от застарелого пота, шнуровка из сыромятной кожи растянулась и задубела. Он бросил тунику на диван, где на безупречной обивке уже лежали штаны из мягкой черной кожи, зашитые и заштопанные в местах многочисленных порезов и разрывов. Толстые коричневые нитки полиняли и выглядели дорожками засохшей крови. На полу возле дивана стояли башмаки – вернее, сапоги с обрезанными голенищами, похожие на теннисные туфли давно минувшей эры.

Голый Хари встал перед зеркалом, закрепленным на внешней стороне подвальной двери. Распластанные мускулы грудины, кубики на животе, рельефные мышцы бедер и плеч – все точно изваяно из камня. Слегка повернувшись, он прищурился и окинул неодобрительным взглядом еле заметную округлость пониже талии. Может, после сорока лет у всех так, а может, он расслабился. В его самокритике не было ни капли тщеславия: просто он знал, что четыреста пять фунтов лишнего веса могут стать решающим фактором в борьбе за жизнь, но не в его пользу.

Он был сложен как боксер среднего веса, правда немного высоковатый. Шрамы на смуглой коже могли служить картой карьерных успехов Кейна. Вот круглый шрам, шероховатый, точно присобранный, – след арбалетной стрелы, ранившей его в Церано; вот ромбовидный шрам от удара мечом в печень – напоминание о схватке у спальни Тоа-Фелатона. Рваная отметина от топора пересекает ключицу – это его едва не обезглавил Гулар Молотобоец. На спине параллельные рубцы от когтей пумы – украшение, которое он вынес из зверинца Кириш-Нара. Каждый крупный шрам на его теле имел свою историю, да и каждый мелкий тоже; глядя на себя в зеркало, он поочередно ощупывал их, вспоминал и постепенно становился Кейном.

«Я – Кейн».

Длинный шрам на правом бедре, от пояса до колена, тот самый, который замедляет его движения, – подарок Берна.

Стряхнув неприятное воспоминание, он надел бандаж со стальной раковиной для мошонки. Натянул кожаные штаны, попутно проверив, все ли метательные ножи в своих ножнах, вскользь испробовал на руке остроту лезвий. Шагнул в сапоги и нагнулся, убеждаясь, что ножички листовидной формы на месте. В тунике были припрятаны еще три ножа: два длинных боевых в подмышках и один метательный на спине, между лопатками. Зашнуровав тунику, он перетянул ее в поясе веревкой типа гарроты, армированной стальной нитью.

Покончив со сборами, он снова посмотрел в зеркало – оттуда на него глядел Кейн.

«Я силен. Я беспощаден. От меня нет спасения».

Тревога, от которой сводило живот, постепенно отступила; плечи расправились, боль и обида камнем скатились со спины. Он угрюмо ухмыльнулся леденящему ощущению свободы,

которое охватило его сейчас. Хари Майклсон со своими проблемами, слабостями и недостатками, со всей его мелкой, узкой жизнью остается здесь, на Земле.

Вот теперь он позволил себе думать о Шанне. Если она жива, он ее спасет. Если погибла – отомстит за нее. В жизни все просто. И жить хорошо.

«Я непобедим. Я – Клинок Тишалла.

Я – Кейн».

4

В комнате техподдержки Артуро Кольберг облизнул губы и потер ладони. Заполнены все койки первоочередников и не только: заказы на спутниковый симуляционный показ уже сыплются из студий Нью-Йорка, Лондона, Сеула и Нью-Дели.

Кейн еще не успел добраться до Студии, а Приключение уже обрело свою независимую жизнь, оказавшись даже значительнее, чем Кольберг надеялся. Пока студийные техники перекликались приглушенными голосами, перечисляя пункты проверки, он мурлыкал себе под нос. Как же он назовет это Приключение? «Один против Империи»? Нет, слишком банально. «Семь дней в Анхане» – неплохо, но слишком неопределенно, ведь неизвестно, протянет ли столько Паллас Рил. «Из любви к Паллас Рил» – вот то, что надо: пусть старомодно, даже слегка слащаво, зато со вкусом.

Улыбка еще блуждала по его губам, когда бесцветный голос техника монотонно сообщил ему через микрофон, что спутниковая связь установлена. Кольберг рывком поднял себя на ноги и пошел в артистическую.

5

Тем временем в частной ложе для просмотров Бизнесмен Марк Вайло искоса поглядывал на Шермайю Доул – да-да, из тех самых Свободных Доулов с Кауаи, подумалось ему, и от этой мысли на душе сразу потеплело. Правда, разглядеть пока удавалось только торс: голову женщины уже скрыл индукционный шлем, а бедра – индивидуальный щит, одно из тех мелких удобств, которыми он снабдил свое личное просмотровое кресло. Бизнесмен находил соседку весьма привлекательной, хотя и полноватой, и был настроен во что бы то ни стало отведать ее после просмотра. Скольких бабенок он переимел здесь, в своей ложе, и не сосчитать, а всё Кейн – просмотр его Приключений всегда срабатывал безотказно, разжигал желание дай бог как. Так что пара-тройка кстати произнесенных ласковых слов, пара умелых касаний, и, глядишь, она еще станет его мостиком в высшую касту. Вайло улыбнулся, натягивая шлем.

6

Снаружи к ропоту толпы низкорожденных прибавилось басовитое гудение мотора, и в конце подъездной аллеи показался длинный черный лимузин. Ропот перешел в крик, обещающий вскоре достичь апогея, охранники отжимали людей от ворот, расчищая проезд. Наконец лимузин остановился, и по толпе прокатился вздох. Обычно авто с Актерами влетали сразу на посадочную площадку Студии, а сами Актеры избегали толпы и, выскользнув из машины, спешили укрыться в артистической.

Так поступали все, но не Кейн.

В толпе перед Студией не было человека, который не знал бы его историю – историю пацана из Миссионерского округа. Он был одним из них – то есть они так думали – и никогда не забывал, откуда он вышел, где его корни: об этом ему неустанно напоминали пресс-агенты Студии. Шофер черного лимузина торопливо выскочил наружу, но все равно опоздал, пасса-

жирская дверца распахнулась раньше, чем он успел подойти к ней: Трудящиеся сами открывали себе двери. Кейн вышел, и толпа затаила дыхание.

Стоя у лимузина, спиной к воротам, он разглядывал своих притихших поклонников. Те, кому удалось пробиться ближе, обратили внимание, что лицо Актера угрюмо, – видно, его что-то тревожит, решили они. Некоторые подталкивали друг друга локтями, показывая на серебристые волоски в его бороде и волосах – вроде их стало больше.

Но его неподвижность скоро зачаровала и ближних, и дальних, так что даже Свободные, опаздывая на сеанс, казалось, притормаживали свои авто над толпой, прежде чем зайти на посадку. Кейн расправил плечи, сверкнул глазами и обнажил зубы в безрадостной улыбке.

Медленно он поднял сжатый кулак и приветствовал толпу жестом более древним, чем Колизей.

Толпа взревела.

7

Кейн шагнул в разъявленную пасть ворот, и они захлопнулись за ним, лязгнув железными челюстями.

«Чертов бал, – думал он, направляясь к главному входу. – Как же я ненавижу это дерьмо».

В подвале «Надземный мир – Норма», таком же, как у него дома, только намного больше, Кейну выдали шесть серебряных монет – его запас наличности в Надземном мире.

В артистической его уже ждал Кольберг. У дверей вытянулись по стойке смирно двое охранников в красном.

– Отлично... э-э-э... ты показался толпе там, у ворот.

– Спасибо.

– По поводу небольшого недоразумения между нами вчера вечером – я понимаю, у тебя стресс. Как отреагируют подписчики... э-э-э... поживем – увидим. Если ничего особенного не произойдет, будем считать, что все забыто.

Кейн взглянул на охранников – их лица скрывали опущенные тонированные забрала шлемов.

– То-то я гляжу, вы уже все забыли.

Кольберг нервно хмыкнул.

– Пара указаний напоследок. Сразу к Ма'элКоту не ходи, поищи сначала Паллас Рил – пусть все выглядит естественно. Никто не должен знать, какова твоя истинная цель. И... э-э-э... – Он кашлянул в ладонь. – О Ламораке. Если он еще жив... но его, к примеру, схватили... ни при каких обстоятельствах не пытайся его спасти.

– Уверен, Карл оценит вашу заботу.

– Постарайся взглянуть на дело с нашей точки зрения. Твое участие обеспечивает успех любого проекта вернее, чем участие любого другого Актера; откровенно говоря, было бы просто глупо рисковать тобой ради того, чья аудитория, изначально более чем скромная, неуклонно сокращается уже три года подряд. Но если ты все же засечешь его мыслепередатчик поблизости, то выручи его, только без риска для себя. Мы заинтересованы в том, чтобы «Полная форма» сработала, а ты получишь процент с проката каждого его кубика.

– Учту. – Кейн показал на часы. – Пять минут.

– Ах да. Ни пуха тебе... гм... ни пера.

– К черту.

8

Огни Кавей потускнели и погасли, на экранах в комнате технической поддержки отыг-
рали и пропали кадры с горой – стандартная проверка индукционных шлемов. В проходе
между рядами коек, на которых лежали первоочередники, чьи лица скрывали керамические
щитки индукционных шлемов, показалась тень. Вот она скользнула снизу вверх по ступенча-
тому боку пирамиды – платформы Трансфера – и остановилась точно в геометрически расчис-
ленном центре верхней площадки. Над площадкой, повторяя ее периметр, вспыхнули софиты:
их было так много, что их свет соперничал с солнечным.

В беспощадном белом сиянии неподвижно стоял Кейн.

9

В комнате техподдержки Артуро Кольберг снова облизал и без того мокрые губы. «Мой
шедевр», – мысленно сказал он себе.

– Включить мыслепередатчик.

Техник коснулся рукой сенсора, и на широком выпуклом экране в дальнем конце ком-
наты мелькание сменилось рядами коек, увиденных глазами Кейна.

– Включен.

Другой техник нахмурился, глядя в свой монитор, и сообщил, что реакция адреналина на
сенсорную депривацию превышает норму. Кольберг лично отрегулировал нейрохимический
ввод и только потом коснулся микрофона большим пальцем.

– Свободные и Инвесторы, – заговорил он с выражением. Эхо его слов прокатилось по
Кавее и растеклось по аудиосенсорным устройствам индукционных шлемов всего мира. – Биз-
несмены, дамы и господа. Я, Администратор Артуро Кольберг, Председатель Студии Сан-
Франциско, от лица всей Системы студий приветствую вас при рождении нашего нового небы-
валого Приключения. При любезном содействии компании «Вайло интерконтинентал. Мы
несем вам мир» позвольте представить – клинок Тишалла, Правая Рука Смерти, сам...

Долгая вибрирующая пауза.

– Кейн!

Свободной рукой Кольберг повернул рычажок, и голографическая картинка из Кавей
вспыхнула на экранах тысяч индукционных шлемов. Вздых, вырвавшийся из множества гру-
дей, был похож на первый порыв шторма. Кольберг отключил свой микрофон.

– Установить трансферную связь.

Под зданием Студии загудел генератор. Техники углубились в считывание показаний дат-
чиков.

– Установлена. Видим переулочек в Крольчатниках. Там пусто.

– Хорошо. Начнете, когда он будет готов.

И Кольберг, потрепав по плечу ближайшего к нему сотрудника, покинул комнату тех-
поддержки и пошел к себе.

10

Кейн стоял на Трансферной платформе, погружившись в сосредоточенное молчание, глу-
бина которого многое говорила о его способности к внезапному действию. Набрав полную
грудь воздуха, он заговорил.

– Я не приготовил для вас высоких слов, – медленно произнес он. – Она – моя жена, и
этим все сказано. Я порву любого ублюдка, в чью тупую башку придет мысль причинить ей

боль, я найду его и буду мучить до тех пор, пока он не сдохнет в канаве, как пес. Надеюсь, вам понравится.

Его руки сжались в каменные кулаки.

– Я знаю, что у меня получится.

Он поднял голову и посмотрел на стеклянную панель высоко над собой – это была стена комнаты техподдержки.

– Начинайте.

11

Артуро Кольберг опустил голову на гелевую подушку своего просмотрного кресла. Шлем покрыл его голову автоматически, выставленные заранее настройки мгновенно совпали с особенностями его поля. Администратор издал долгий умиротворенный вздох.

Он был уверен, что получит удовольствие.

12

Вокруг меня формируется переулок. Светит солнце. Накатывает волна запахов – пахнет пряностями, карри и зеленым острым перцем, сырым древесным углем, навозом, тухлым мясом... Слева от меня, у стены, обнаруживается большой деревянный ящик, белесый от солнца и дождей, из него торчат части тел – преимущественно человеческие, хотя попадаются и куски огров и троллей: обгрызенные крысами ноги, руки без пальцев, части грудных клеток, обломки тазовых костей. Все это отходы местного производства «Зомби напрокат и во владение», оно здесь неподалеку. Теперь понятно, где я: это переулок в Крольчатниках, на границе территорий Арго и Лиц. Точнее, граница проходила здесь два года назад, когда я в последний раз был в городе. Где она теперь, мне еще предстоит выяснить. Территориальная политика Крольчатников изменчива, и это еще мягко сказано; даже в отсутствие откровенных конфликтов между здешними хозяевами-бандитами границы здесь так же иллюзорны, как в большом мире, и даже более. В Крольчатниках границей считается улица или даже дом, где члены одной банды могут делать бизнес без риска пострадать от рук членов другой банды.

Никакой, в общем-то, разницы с большим миром, где есть государства большие и малые, есть договоры и те, кто следит за их исполнением. Только у нас все честнее.

Огромная коричневая псина, чесоточная, грязная, разинув слюнявую пасть, крадется вдоль забора ко мне, инстинктивно стараясь держаться в тени. Я вежливо уступаю ей путь: чертовы шавки здесь, в Крольчатниках, разносят такие болезни, о которых я даже не слышал. Псина останавливается, смотрит на меня одним глазом – второй затянут мутной пленкой катакты – и явно просчитывает варианты.

Мои пальцы покалывает от адреналина, когда я поднимаю кулак.

Вот что лучше всего в том, чтобы быть Кейном: когда я – это он, я испытываю приливы энергии, очень похожей на сексуальное возбуждение, и она дает мне уверенность в том, что круче меня нет никого в квартале. В любом квартале.

– Хочешь отведать, псина? – спрашиваю я и скалю зубы. – Ну так подойди и возьми.

На вестерлинге я говорю без запинки; специальные заглушки, согласно контракту со Студией вживленные в мой мозг, не позволяют мне переходить на английский даже наедине с собой.

Решив, что овчинка выделки не стоит, псина обходит меня стороной и направляется к контейнеру с использованными частями. Здоровенная псина, в холке мне выше пояса. Отрубленные руки и ноги дергаются в слепой имитации жизни, когда собака роется среди них в поисках еды. Из глубины ящика доносится тихий стон, – наверное, какая-то ленивая скотина заки-

нула туда голову вместе с торсом. А может, бродяга залез погреться среди гниющих останков или бандиты закинули туда жертву грабежа, не позаботившись добить. Я усмехаюсь и пожимаю плечами.

Пора браться за дело.

Я выхожу из переулка и направляюсь к сердцу Королевства Арго – на базар вокруг древнего, обветшавшего Хамского стадиона. Свет в Анхане ярче, солнце – желтее, чем на Земле, а небо кажется почти синим; облака белее и пушистее, ветер, который гонит их по небу, пахнет травой. День стоит чудесный, я почти не чую запаха дерьма, перемешанного с грязью в колдобинах, которые здесь зовутся дорогой; над горами отбросов выются тучи зеленых мух, которые сверкают, как изумруды.

Петляя между тележками и крытыми прилавками, я с улыбкой отказываюсь от горячих кусков жареной речной форели и сеток с фруктами, уложенными так, чтобы скрыть червоточины и пятна гнили, игнорирую продавцов амулетов и заклинаний, обхожу стороной торговцев коврами и керамикой. Я хорошо знаю эти места: в этом городе и окружающих его провинциях я провел начальные десять лет моей карьеры.

Здесь я дома.

Со стен на меня тут и там глядят граффити Шута Саймона, почти как в книге, из которой его позаимствовала Шанна: голова-овал, стилизованные рожки и простая закорючка кривой ухмылки.

Зато среди попрошаек совсем не осталось знакомых, да и Рыцарей что-то не видно – куда они, на хрен, подевались? Я останавливаюсь у прилавка в тени высоченной стены стадиона – сложенная из местного песчаника, она здорово потемнела от времени.

Хозяин прилавка, обливаясь потом, склоняется над ручкой вертела с надетой на него бараньей ногой. Под вертелом дышат жаром красные угли.

– Баранья нога, горячая баранина, – уныло бормочет он. – Все свежее, утреннее, не червивое. Баранья нога...

– Эй, Лум, – говорю ему я. – Чего такой кислый с утра? Стряслось чего?

Он поднимает голову, смотрит на меня и бледнеет, несмотря на жар от углей. Через пару секунд он вспоминает, что надо бы улыбнуться, но улыбка почти сразу соскальзывает с его лица.

– Кейн? – Его голос срывается на писк. – Я ничего не знаю, Кейн. Клянусь моими яйцами! Я тянусь через прилавок к веревке над ним и беру с нее готовую баранью ногу.

– Чего ты не знаешь?

Он наклоняется ко мне и понижает голос:

– Не шути со мной, слышь, Кейн... У моей женщины лихорадка, а мой парнишка – Терл, помнишь? – ушел к Дунгарам, и я не знаю, жив он еще или нет. – Его бьет дрожь, и он украдкой заглядывает мне в глаза, которые, как обычно, ничего не выражают. – Больше мне неприятностей не надо, ясно? Я тебя не знаю и здесь не видел, лады? Проходи, и все.

– Ну-ну, – отвечаю я равнодушно. – Какой ты сегодня гостеприимный.

– Прошу тебя, Кейн, клянусь... – Обливаясь потом, он бросает тревожные взгляды на толпу, но та не обращает на нас никакого внимания. – Если тебя схватят, я не хочу, чтобы ты думал, будто это я тебя сдал.

– Сдал, – повторяю за ним я.

Так-так. Я отгрызаю кусок баранины. Мясо жесткое как подошва, но я жую, чтобы дать себе время подумать, как вдруг кто-то подходит ко мне сзади и останавливается слишком близко к моему левому плечу.

– Проблемы, Лум? – спрашивает он. – Этот тип тебе мешает?

Лум, выпучив глаза, отрицательно мотает головой. Я искоса разглядываю подошедшего: черные поношенные сапоги, красные бриджи, кольчуга до колен, черная полоса по нижнему

краю, рука молодая, но вся в шрамах, лежит на рукояти меча, готовая потянуть его из ножен. Кто-то из Рыцарей Арго. Ну наконец-то. Где-то поблизости должен быть его напарник – эти парни не ходят поодиночке.

Языком я запикиваю непрожеванную баранину за щеку и говорю:

– Так, время остановился провести. Не ссы.

Рыцарь фыркает от смеха:

– Надо же, а я-то думал! Ты, красавчик, с тебя штраф за нахальство. Пять ноблей. Гони монету.

Подмигнув Луму, я резко разворачиваюсь, как будто хочу дать подошедшему в ухо, и действительно попадаю ему бараньей ногой в голову. От неожиданности Рыцарь перегибается пополам, а я тычу ему бараньей костью в нос; брызжет кровь, Рыцарь выпрямляется и тут же во весь рост вытягивается в грязи. Лум, охнув, прячется за гриль, прохожие, которые шли мимо по своим делам, тут же окружают нас толпой любопытных зевак.

Пока Рыцарь прочухивается и делает попытку встать, я откусываю еще кусок мяса. Надо же, а с кровью, оказывается, вкуснее.

– Это тебе намек, парень, – дружески говорю ему я. – Никогда не назначай штрафов, которые не сможешь собрать. Такие вещи плохо сказываются на репутации. Ты теряешь уважение толпы.

К нам, раздвигая возбужденных зрителей, уже идет его напарник. Я улыбаюсь, машу ему рукой, и он прячет меч в ножны.

– Извини, Кейн. Парень новичок. Ну, ты понимаешь.

– Нет проблем. Ты ведь Томми, да? Точно, из Подземного источника. Ну что, как бизнес?

Он ухмыляется, довольный тем, что я его вспомнил.

– Да, блин, нормально. А ты знаешь, что за тебя объявлена награда?

– Догадываюсь. И сколько?

– Две сотни. Золотом.

Кусок баранины едва не застревает у меня в горле.

– Большие деньги.

Парень тем временем поднимается с земли и уже тянет из ножен меч, когда Томми дает ему второго тумака в то же ухо.

– Брось, дурак. Это Кейн, понял? Почетный Барон Арго. Будешь на него залупаться, он тебя убьет, а если он пожалеет, так величество сам потом оторвет тебе яйца и съест на завтрак.

Парень решает, что яйца ему еще пригодятся, и оставляет в покое меч.

– Кстати, – встречаю я, – мне бы потолковать с Королем.

Томми поворачивается и смотрит на меня так, будто впервые видит:

– Он занят.

– Позарез надо, Томми.

Томми смотрит вдаль – видно, примеривает, что перевесит: гнев Короля, когда его отвлекут от дела, или благодарность, которую величество еще, возможно, испытывает ко мне. Решение он принимает внезапно:

– Ладно. Пошли.

– Эй, Лум? Вылезай, все кончилось, – говорю я. Он высовывается из-за гриля, и я кидаю ему серебряный нобль из тех, которыми снабдила меня Студия. Я же не вор. – Баранина у тебя, кстати, дерьмовая. Сдачи не надо.

Он часто моргает:

– Э-э-э... спасибо... наверное.

Томми ведет меня вокруг стадиона. Его напарник идет за нами, прижимая к кровоточащему носу заскорузлый платок. Миновав базар, мы ныряем в узкий петляющий проулок – один из тех, благодаря которым Крольчатники получили свое имя. Высокие дома стоят здесь так

близко друг к другу, что солнца почти не видно, но я и без него знаю, куда мы направляемся: к стыку трех территорий – Королевства, Лица и Крысиной норы.

В Крольчатниках настоящие дела делаются в самом сердце территории каждой банды; границы слишком ненадежны, там всегда что-нибудь случается – то умрет кто-нибудь скоропостижно, то дом сгорит, то еще какая-нибудь пакость приключится. На каждой границе есть дома, иногда штук пять-шесть, которые толком не принадлежат ни одной ни другой банде, зато их несчастные обитатели обычно платят дань всем, кто потребует. Место, где граничат территории трех банд – а их всего четыре, причем Королевство Арго держит центр, участок вокруг стадиона, – это беднейшая часть беднейшего района Анханы, и обитают там одни подонки, настоящие отбросы общества. Для них и скорлупка выгоревшего дома – жилье. Многие спят прямо на улице.

Короче, нормальное место. Похожее на то, где я рос.

Не дойдя четырех шагов до конца проулка, откуда нам в лицо бьет яркий солнечный свет, Томми останавливается:

– Все, дальше не могу. – Он кивком показывает сначала на границу, потом на свою черную кольчугу с серебряными полосами – знаками отличия Рыцарей Арго. – Мы с парнем при цветах. Его величество хочет повернуть сегодня одно дельце, и если мы там нарисуемся, то все ему испортим.

Я киваю – понял, мол.

– Где он?

– Отсюда не видно. Знаешь переулок между «Работящим мертвецом» и домом, где был бордель Фадеры?

– Был? – Слово неприятно режет слух – в свое время я провел там немало приятных часов. – А что с ней стряслось?

– Слишком много Крыс привечала. – Томми пожимает плечами. – Вот и сгорела. Жизнь в большом городе.

– Ладно, – говорю я. – Передам его величеству, что ты хорошо обо мне заботился.

– Четкий ты парень, Барон. Спасибо.

Острым локтем Томми чувствительно тычет в ребра своего молодого напарника и награждает его взглядом, в котором явно читается: «Проси прощения, дурак».

Тот фыркает и бормочет:

– Спасибо, что не убил меня... мм... Ке... э-э-э... Барон.

– На здоровье.

Я поворачиваюсь к ним спиной и выхожу на солнце.

От зданий, которые когда-то стояли тут, на самой границе, остались только обугленные фундаменты, так что по залитому солнцем пустырю свободно гуляет ветер. На краю недавно возникшей площади я вижу Крыс: те тоже при цветах, коричневом и желтом, в тон дерьма. Конечно, нет ничего необычного в том, что они здесь, – в конце концов, это же их граница. Кстати, бездомные, которые слоняются вокруг, тоже могут оказаться переодетыми Крысами.

На площади оживленно: несколько человек заостренными палками гонят отряд скованных цепью зомби из «Работящего мертвеца» – единственного процветающего заведения в округе. Надо полагать, владельцы потому и не переносят свое предприятие в местечко поприятнее, что хотят быть поближе к источнику рабочей силы. Зомби ничуть меня не пугают, несмотря на их серую кожу и затянутые пленкой глаза. Наши Рабочие куда хуже: у зомби, по крайней мере, не видно искр глубоко погребенной жизни – ни интеллекта, ни воли, ничего такого. У Рабочих они есть, и это делает их до того трагичными, что жуть берет.

А вот кого я на этой площади не вижу, так это Подданных Арго. Хотя с ними никогда не знаешь заранее. Вон те бродяги, которые греются на солнышке, или те забулдыги в переулке, или даже вон тот любитель рита, который с сонным лицом курит свою травку на крылечке, все

они могут оказаться Подданными величества. И нет ничего удивительного в том, что я их не узнаю, – в конце концов, я уже давно не был в Анхане.

Проулок, который указал мне Томми, похож на помойку: чего только тут не валяется – гниющие объедки, грязные тряпки, куски поломанной мебели, – и везде шмыгают крысы, настоящие, на четырех лапах. Посреди этой помойки я замечаю прокаженного: он лежит на подстилке из тряпок, из его открытых язв сочится кровавый гной, который впитывается в клочковатую желто-седую бороду. Я разглядываю его, прищурившись.

– Черт тебя подери, Кейн, отойди, торчишь у меня перед носом, как чирей на заднице, я из-за тебя ничего не вижу, – говорит прокаженный.

– Привет, величество, – отвечаю я и вхожу в переулок. – Ну, как делишки?

Изуродованное лицо Короля Арго расплывается в ухмылке, которая выражает бесприемную радость, и я отвечаю ему тем же. Величество – мой лучший друг в Надземном мире. Да и вообще в любом мире.

– Кейн, сукин ты сын! Как ты меня нашел?

Я пристраиваюсь в куче тряпок за ним, спиной к стене дома.

– Твой парень, Томми, подсказал, где тебя искать. Хороший мужик. Слушай, крутые у тебя болячки, а?

– Нравятся? Дарю рецепт. Ламповое масло смешиваешь со свечным воском, добавляешь теста и цыплячьей крови. В кровь сыпани порошка из толченой ивовой коры, а то свернется. Потом берешь сосновую смолу и лепишь все, куда надо. Выглядит что надо, правда воняет зверски. А ты, засранец, что в Анхане забыл? Пришить кого собрался?

Но я качаю головой и отвечаю ему серьезным взглядом:

– На этот раз дело личное. Я ищу...

– Слушай, а ты знаешь, что Империя назначила награду за твою голову?

– Ага, я уже в курсе. Слушай, мне надо найти Паллас Рил.

Он сводит брови.

– Паллас? – медленно повторяет он и вдруг расцветает улыбкой. – Эй, смотри, смотри, что сейчас будет. – Рукой в лохмотьях он показывает на площадь.

– Величество, это важно, – продолжаю я, но все же поворачиваю голову туда, куда он показывает, и как раз вовремя: неприкованный зомби, шаркая, подходит к Крысюку, расположившемуся на том краю площади.

Крысюк встает, чтобы пинком отправить непрошеного гостя восвояси, но тот внезапно оказывается куда проворнее, чем обычно бывают живые мертвецы.

Он хватает Крысюка за шиворот, рывком притягивает его к себе и увлекает в проулок, как гангстер любимую шлюху. Когда он отпускает его, по одежде Крысюка от солнечного сплетения и ниже расплзается алое пятно. Он опускается на колени и падает ничком во весь рост.

Чистая работа: если попасть ножом в сердце с первого удара, не будет никаких брызг, а удар кулаком в живот довершит дело, выбив из легких жертвы сразу весь воздух. Человек умрет, не успев даже пикнуть. Из переулка, шаркая ногами, снова выходит зомби, а место Крысюка занимает кто-то другой в такой же одежде.

– Блеск, а? – Величество с усмешкой подносит сложенную горстью ладонь к уху. – Не слышу сигналов тревоги. Мы сделали их вчистую.

Я киваю:

– А что творится-то?

Он улыбается:

– До меня дошел слух, что Тервин Злоязыкий встречается с неким капитаном Очей Короля вон в том доме через дорогу.

– Хочешь его взять? – Тервином Злоязыким зовут Крысиного Короля, предводителя соперников Арго, обитающих к северо-западу отсюда. Мы с ним знакомы. И он мне не нравится. – Может, помочь тебе с ним, раз уж я все равно здесь?

– Спасибо, – отвечает величество с усмешкой, – в другой раз. Война с Крысами мне сейчас ни к чему, к тому же тебе пришлось бы разделаться и с капитаном, а уж такие проблемы мне не нужны и подавно. С другой стороны, я не хочу, чтобы Тервин водил шашни с Очами; Крысы и так оборзели в последнее время, а если еще почуют имперскую поддержку, с ними вообще сладу не будет. Так что я его не убью, а только пошлю ему дружеское предупреждение – сниму всех троих его дозорных.

Три трупа равняются одному дружескому предупреждению. Такую математику я понимаю.

– И лучше всего то, – продолжает величество, – что он ничего не узнает, пока не закончит переговоры. Вот тогда-то мои подставные Крысюки и передадут ему мой привет. Он поймет. «В следующий раз сам знаешь что».

– А кто дал тебе наводку? Где у тебя свой человечек, среди Очей или среди Крыс? Его улыбка становится самодовольной.

– А вот это уже секрет фирмы, приятель. Одно тебе скажу: хорошие времена настали для Королевства, и дело с концом.

Ха, рассказывай. Будь времена и в самом деле так хороши, не сидел бы ты сейчас тут и не заморачивался личным наблюдением за исполнением приказа. Но я решаю пропустить это мимо ушей – к чему спорить?

– Паллас Рил, – напоминаю я. – Где она?

Он снова скользит по мне рассеянным взглядом.

– Слышал, что здесь, в городе, – отвечает он.

– Это я тоже слышал. Поэтому и пришел к тебе потолковать. Говорят, она ведет какую-то игру, а кое-кто из Подданных у нее в партнерах.

– Ну, это вряд ли. Я бы знал. Мы с Паллас не то чтобы друзья, но понадобись ей что-нибудь от моих людей, разве не пришла бы она ко мне за помощью?

– Наверное, пришла бы.

Он долго смотрит на меня и холодно замечает:

– А я, по-твоему, скрыл бы от тебя? – (Я пожимаю плечами.) – Кейн, говорю тебе, она где-то в городе, и больше я ничего не знаю. Правда, с кем-то из моих ребят она говорила, такое я помню, но чтобы речь шла о чем-то серьезном...

– Кто такой Шут Саймон?

– Ты про парня, который уводит из-под носа Ма'элКота тех несчастных засранцев – Актири, или как их там? Откуда мне знать?

– Вчера, примерно в это же время, двух твоих ребят грохнули у реки, на территории Дунгаров. Что они там делали?

– А мне откуда знать?

– Ты второй раз отвечаешь дурацким вопросом на мой вопрос, хотя сам прекрасно знаешь ответ. На шухере они там стояли, помогали Шуту Саймону.

Величество выпрямляется и напряженно смотрит мне в глаза:

– Ты ведь работаешь, да? И кто теперь заказчик? Империя или Монастыри?

– Величество, клянусь, это личное дело. Я ищу Паллас Рил.

– Я слышал, вы с ней разосрались.

– Тебя это касается? Где она?

– Но... – Величество встряхивает головой. Он искренне не понимает. – При чем тут Паллас Рил и Шут Саймон? Она что, работает на него?

Я гляжу на него молча, прищурившись. Какое-то время он выдерживает мой взгляд, но потом все же опускает голову и скребет в затылке.

– Черт, ладно. Ну помог я Шуту Саймону маленько. Мои парни стояли у него на шухере. А чего такого-то? Маленький пинок в задницу Ма'элКоту, подумаешь. Но моих ребят сняли Коты, так что вряд ли хоть один выжил.

– И какой следующий шаг?

Он хмурится:

– Не знаю.

– Когда Шут Саймон снова выйдет на связь?

– Понятия не имею, – говорит Король и хмурится еще больше. – Хотя должен бы.

– Ладно, слушай сюда. – Я ожесточенно скребу в затылке, тру кулаками глаза и спрашиваю: – Как ты вообще влез в это дело? Шут Саймон... э-э-э... сам к тебе пришел? Или прислал кого-то?

Медленно, как во сне, Король качает головой, морщины на его лбу разглаживаются, лицо выражает что-то очень похожее на благоговение.

– Я не помню...

– Значит, у нас проблема.

Его лицо тут же каменеет и становится воинственным.

– Только не делай это моей проблемой, Кейн. Здесь, на улице, полно моих парней, ты пикнуть не успеешь...

– Расслабься. – Кажется, я начинаю понимать, как работает это дурацкое заклятие. Странно, но на меня оно, похоже, не действует. – Я тебе верю.

Но величество, судя по всему, всерьез взволнован и даже напуган.

– Да скажешь ты или нет, что происходит, Кейн? Страшно же, твою мать! Я что, в проигрыше? Я должен знать, ты понял? А то мне уже кажется, что это гребаная магия, понимаешь? Заколдовали меня, вот что.

– Ага, – говорю я.

– Что, заколдовали? Ты это хочешь сказать? Ну все, твою мать, я их поубиваю всех.

– Не принимай близко к сердцу.

– Скажешь тоже. На меня нельзя насыпать заклятия, Кейн. Никому нельзя. Они что, не знают, что за это я убиваю? Что, эти мудаки не поняли, с кем имеют дело? У меня есть Аббаль Паслава, Чародей чертов, он их заколдует так, что у них член до жопы дорастет, так что они будут трахать себя при каждом шаге!

Я поднимаю руку, делая ему знак заткнуться.

– А как у тебя с Лицами дела?

– Не очень, – говорит он, мгновенно остывая. – А что?

– У Хаммана отличные связи во дворце, он может провести туда. Мне надо поговорить с ним.

– Ну тогда тебе придется орать что есть силы, иначе до него не докричишься. Хамман уже год как умер.

– Шутишь! Жирный Хамман? А я думал, его ничто не берет.

– Он тоже так думал. Никто не знает, от чего он умер, да только все его денежки утекли к новой хозяйке – эльфийской сучке из «Экзотических любовниц» в городе Чужих. Кирендаль. Она теперь главная в Лицах.

– Это лесбиянка-то? Срань господня.

– Вот-вот. С пьющим магом дело иметь тоже так себе, но чтобы саба стала хозяйкой банды? Да еще где? В Крольчатниках! Она притащила с собой кучу своих – эльфов, гномов, фей, кого хочешь. Так что Лица теперь хозяева в городе Чужих. Она и все прибабасы Хаммана из его старой берлоги «Счастливый скряга» туда перетащила. Теперь ее заведение называется

«Чужие игры», казино. Лучшее в Империи, между прочим. И она не из тех, с кем можно играть, без каламбура. Ходят слухи, она наложила лапу на книгу заклинаний Хаммана, а ты же знаешь, кто такие эльфы, – это ведь они изобрели магию. Слушай, она что, тоже замешана? Может, это она меня заколдовала?

– Какие у нее связи?

Величество пожимает плечами:

– Такие же, как у Хаммана, а то и лучше. Он-то собирал только игроков, а у нее и игроки, и нарки, и извращенцы, которые любят мочить свои фитили в подвале. Слушай, а может, убьешь ее для меня, а? Я хорошо тебе заплачу, не пожалеешь.

Я качаю головой:

– Не сегодня. Слушай, мне пора. Еще увидимся.

– Как, уже? Мы же два года не виделись – может, побудешь немного?

– Извини, времени мало. Слушай, раз уж на меня открыта охота, может, одолжишь мне старый плащ какой-нибудь, чтобы добраться до города Чужих без приключений, а?

Он тычет большим пальцем через плечо:

– Мой возьми. Он там, за сломанным шкафом. А еще мой тебе совет – побрейся. Без этой бороды тебя никто не узнает.

– В том-то и дело. Иногда выгоднее, чтобы узнавали.

Он пожимает плечами. Я накидываю на плечи его плащ и поглубже натягиваю капюшон, чтобы скрыть лицо.

Величество подает мне руку, я пожимаю ее. Он говорит:

– Мой дом – твой дом, не забывай. Приходи после Ночи Чудес, в любое время. Поживешь у меня.

– Хорошо. Увидимся.

Я иду, насвистывая, как Рабочий-симулянт, пока площадь не остается позади. Тогда я кончаю притворяться и перехожу на хорошую скорость. Значит, все будет чуть сложнее, чем я думал; ну и что? Здесь, в Анхане, не место депрессии.

Теплый западный ветер уносит прочь вонь и дым Крольчатников, когда я пересекаю пограничную территорию и углубляюсь во владения Лиц, а солнце припекает тонкую ткань плаща на моей обтянутой кожей спине. Шлюхи и нищие смотрят мне вслед, когда я рысцей пробегаю мимо; может, они бы и хотели меня ограбить или еще что-нибудь, но я бегу быстро, и они не успевают ничего придумать. Я не обращаю на них внимания.

Заброшенный дом, от которого пожар оставил только стены, самый удобный короткий путь во владения Лиц – той части Крольчатников, которая граничит с Анханой и где когда-то заправлял Хамман и его банда; грязный мужик в полуобгоревших лохмотьях скалится на меня из-под брезента, наброшенного на куски рухнувших потолочных балок, которые кто-то собрал и составил шалашиком. За спиной мужика женщина с тусклыми глазами держит на руках младенца, который сосет ее тощую болтающуюся грудь. Улыбкой и пожатием плеч я приношу извинения за то, что вторгся в их дом, и продолжаю путь.

Мне легко здесь, с этими людьми, легче, чем где бы то ни было на свете. Так легко мне было только в восемь лет. Вот найду Паллас и останусь здесь на пару дней просто так, для удовольствия.

Солнце пригревает сильнее, и я начинаю потеть. Все тело чешется. От меня пахнет псиной.

Я люблю этот город.

Здесь я свободен.

13

Кирендаль Перволика оторвалась от книги, когда в дверь ее апартаментов постучали условным стуком. Крошечные ручки Тап замерли на ее плечах и шее.

– Не вставай, – мелодично прожурчал певучий голосок у нее над ухом. – Закки откроет.

– Это, наверное, Пичу, – вздохнула Кирендаль. Он никогда не беспокоил ее по пустякам. – Скажи ему, пусть уходит. – Сзади на шее Кирендаль ощутила прикосновение не только крохотных ручек, но и таких же губок, и мурашки удовольствия прошли по ее спине. – Мм... хватит.

Кирендаль подняла руку и сняла с плеча очаровательную крохотную дриаду; та сидела на ее раскрытой ладони верхом, словно на спине неоседланной лошади. Всего двадцати дюймов росту, Тап была чудо как хороша: идеально очерченные грудки, которым не страшна была сила тяготения, безупречная кожа, золотистые волосы, казалось, излучали свет. С первого взгляда ее вообще можно было бы принять за женщину, если бы не ее малый рост, прозрачные крылышки, сложенные теперь за спиной, и загнутые большие пальцы ног – чтобы удобнее было хвататься за самые тонкие ветки на верхушках деревьев. Да, Тап была хороша собой, а еще бесконечно отзывчива на ласку: вот и теперь ее соски поднялись и затвердели от одного взгляда Кирендаль. Дриада заерзала и недвусмысленно обвила стройными ножками руку Кирендаль выше запястья.

– Хватит играть, малютка. Дела не ждут. Лети к себе и оденься. Пичу нравятся крохотные женщины, а мы ведь не хотим, чтобы он подумал что-нибудь этакое, верно?

– Какая ты, – хихикнула Тап, расправила крылышки и бесшумно, словно сова, упорхнула в темный кабинет.

От дверей раздался предупредительный кашель Пичу.

– Дженнер опять мухлюет.

Кирендаль неторопливо закрыла массивную книгу, напоследок нежно скользнув пальцами по переплету из человеческой кожи, и лишь тогда подняла свои серые, как сталь, глаза на дневного управляющего казино «Чужие игры». Зрачки у нее были вертикальные, как у всех ночных охотников.

Пичу еще раз кхекнул и тут же отвел глаза; Кирендаль, по своему обыкновению, читала голый, вольготно раскинувшись на груди шелковых подушек. Пичу был одним из трех Лиц, которым разрешалось входить в ее покой, но эта привилегия отнюдь не облегчала ему жизнь. Зато Кирендаль наслаждалась произведенным эффектом: когда Пичу испытывал неловкость, его Оболочка, обычно землисто-серая, приобретала приятный лимонно-желтый оттенок. Как и всем Перворожденным, Кирендаль не приходилось стараться, чтобы погрузить себя в мыслевзор; видеть чужую ауру было для нее так же естественно, как чувствовать запах или вкус.

Тяжелые парчовые шторы на окнах ее покоев полностью поглощали солнечный свет, а фонарики, искусно расставленные по комнатам тут и там, отбрасывали теплые розовые блики на ее волосы цвета серебряной проволоки и белую, словно от свинцовых белил, кожу.

Кирендаль отличалась высоким ростом, даже по меркам женщин Первого народа, которые часто перерастали своих мужчин, и невозможной худобой: когда она двигалась, то со спины сквозь едва заметные округлости ягодиц было видно, как работают внутри тазобедренные суставы. Она приподнялась на локте, демонстрируя соски практически отсутствующих грудей: сегодня она выкрасила ареолы серебряной краской, чтобы они гармонировали с цветом ее замысловато уложенных волос. Два кружка цвета денег волей-неволей приковали взгляд Пичу, и он покраснел, а его Оболочка стала темно-золотой, как тонкокожий лимон.

– Да? И сильно? – протянула она, придав своему голосу хрипотцу, так что Пичу даже вздрогнул.

– Хуже, чем обычно. Он мажет фишки смолой, и так неуклюже! Двое из наших... гостей... уже возмутились, пришлось их спровадить, чтобы не случилось драки.

– Важные птицы?

– Нет. Проигрывали, но так, помаленьку. Небольшая потеря, но есть другая беда – Берн пришел.

– Берн?

Узкие губы цвета сырой телячьей печени раздвинулись, обнажив длинные и острые клыки. Если этот маньяк застанет Дженнера за его любимым делом... Берн любит игру, но терпеть не может проигрывать. Стоит ему продуть хотя бы раз, как он начинает искать виноватых. И тогда – вж-ж-жик! – голова Дженнера запрыгает по полу, как мяч. А ведь Дженнер – владелец Анхананского завода по переработке фекалий и навоза, одного из наиболее выгодных предприятий, в которые вложилась Кирендаль.

– Я сама с этим разберусь. Берн уже в яме?

– Еще нет, но скоро отправится. А пока он в Хрустальном баре, болтает с Галой. Все еще надеется соблазнить ее бесплатно.

– Он будет разочарован, если ему повезет. – Кирендаль встала и потянулась, выгнув спину. – Настоящая страсть дурно влияет на ее технику. Закки?

В дверях тут же вырос ее домашний слуга, мальчишка-камнегиб – приземистый, широкоплечий, гладко выбритый и почти без подбородка. Подслушивал, разумеется, – что ж, это входит в его обязанности.

– Да, Кирендаль?

– Скажи на кухне, что я хочу обедать. Все равно чем, главное, чтобы живое, – устрицы подойдут. И свежий мед в сотах – думаю, Тап тоже не откажется.

Пока она говорила, какая-то дымка закружилась вокруг нее и сгустилась, обволакивая ее тело, начиная с костлявых рук.

Закки кивнул и старательно загнул два пальца – чтобы не забыть, что ему приказали. Милый мальчик, хотя и глуповатый. А еще силен как бык и верен как пес; расчувствовавшись, Кирендаль решила, что пора уже разрешить парню отрастить эту дурацкую бородку, как у всех камнегибов, пусть прикроет свой неудачный подбородок.

Она замерла, выстраивая свой образ; это было просто, особенно теперь, когда она разыскала в книге Хаммана страницу, где говорилось, как субстантивировать фантазию. Она открыла свою Оболочку и впустила внутрь Поток, натягивая его на себя, как обычная женщина натягивает шелковое платье. Поток ласково касался ее тела, мягко скрывая, обнимая, раскрашивая воздушный кокон вокруг нее сияющей прозрачной пастелью.

Руками она придавала окутавшему ее туману вид одежды, одновременно вылепливая из него новые формы своего тела. Пока она занималась этим, ее сложная прическа распалась сама собой, волосы потекли по плечам прекрасными кудрями, уже золотистыми, а не серебристыми, кожа приобрела теплый человеческий оттенок, плечи округлились, так же как и груди, которые она взбила повыше.

Кирендаль улыбнулась и, подчиняясь внезапному капризу, одним движением руки изменила драпировку своего воображаемого костюма. Ей нравилось ходить голой между ничего не подозревающими клиентами и персоналом. Но еще больше ей нравилось, что следом за ней шел Пичу, который знал о ее наготе.

– Ну что ж, пойдем попробуем убедить Везунчика Дженнера в том, что сегодня не его день.

Закки распахнул дверь; Пичу почтительно попятился, пропуская госпожу. Спустившись на два лестничных пролета и оставив позади небольшой охраняемый коридор, Кирендаль вступила в свои владения.

«Чужие игры» были настоящей сказочной страной порока. Бронзовые перила сияли вокруг игровых ям, которыми пол был изрыт, словно лицо оспинами. Каждую яму окружали три ступени, концентрическими кольцами спускавшиеся вниз. Ступени были из мрамора с пурпурными прожилками. Между ямами по ковру из красного тисненого бархата ходили, покачивая бедрами, изящные девицы и парни с плоскими животами – минимум одежды отнюдь не мешал глазу ценителя наслаждаться грациозной наготой как тех, так и других – и предлагали гостям коктейли и иные возбуждающие средства. Сами прислужники, как люди, так и Первожденные, возбуждали не меньше, чем то, что они разносили на своих подносах, и были столь же доступны – в иных случаях доступнее даже в разы. В пяти огромных хрустальных люстрах не было свечей, однако приятный свет янтарного оттенка заливал зал, не имея, казалось, определенного источника. Даже теперь, в разгар утра, игорные ямы были полны: потные мужчины и женщины с красными от похмелья и недосыпа глазами жадно следили за тем, как упадет кость или ляжет карта.

Те клиенты, которые не играли и не напивались до беспамятства в одном из семи баров, смотрели шоу. На узкой сцене, приподнятой над уровнем зала, женщина с роскошной гривой волос цвета воронова крыла принимала ухаживания двоих дриад мужского пола. К концу номера она, совершенно голая, обливалась потом, трепеща от хорошо разыгранной страсти, а дриады носились вокруг нее, гудя прозрачными крылышками, точно две необычайно крупные колибри. В руках у них были шелковые шнуры, которыми они водили по ее телу, то опутывая ее, то отпуская, лаская гладкими узлами незапятнанную чистоту ее кожи.

«Девушка» была одной из лучших танцовщиц в заведении Кирендаль; все, кто смотрел сейчас представление, и мужчины и женщины, так и потянулись к ближайшим к ним шлюхам. Кирендаль тоже посмотрела шоу, но недолго, а потом покачала головой и улыбнулась; знали бы ее гости, что та, кем они так восхищаются сейчас, вовсе не человек, а пятидесятилетняя огра с вялыми сиськами и бородавками по всему телу.

Да и мрамор с пурпурными прожилками был на самом деле куском расщепленного ствола старой сосны, высохшим до цвета грязи; начищенная бронза – ржавым чугуном, а все прислужники и прислужницы – старыми, подслеповатыми, рябыми от оспы старыми шлюхами, на которых уже давно не зарились клиенты.

Поддержание этой Иллюзии требовало много магической энергии, и потому Поток в зале казино образовывал фантастические завихрения, но никогда не истощался; его источником был один-единственный кристалл гриффинстоуна, размером с фалангу большого пальца самой Кирендаль, – кстати, кристалл надо заменить не позднее конца месяца, напомнила себе хозяйка казино.

Кирендаль ненадолго задержалась в дверях, чтобы к ней успели подойти ее охранники – два мощных огры с неподпиленными клыками, в легких кольчугах алого и бронзового цветов, основных в заведении. На поясе у каждого угрожающе покачивался здоровый шипастый моргенштерн. Вообще, в «Чужих играх» охранниками служили только огры или их ночные собратья – тролли; и те и другие были тупы как пробки, зато огромны и устрашающе сильны, к тому же мысль о том, что в случае чего нарушителей не только укокошат, но еще и съедят, заставляла вести себя прилично и людей, и нелюдей. За все время существования казино его не ограбили ни разу.

Устрашающее присутствие огров усмиряло даже самых строптивых, и Кирендаль беззаботно разрешала своим гостям проходить в зал с оружием: стычки между ними редко заканчивались чем-то серьезным, охранники успевали разнять всех. К тому же вооруженный мужчина обычно охочее до шлюх, чем тот, у кого не болтается на поясе стальной пенис, так что оружие, можно сказать, полезно для бизнеса.

Кирендаль распахнула свою Оболочку и выпустила из нее три отдельных Потока, которые направила к трем своим тайным агентам: двум людям и одному фею, которые убедительно

изображали обычных гостей. Фей и человек сразу подняли голову на ее зов, который они услышали как тихий шепот на ухо. «В Хрустальный бар, – направила их Кирендаль. – Гость в бархатном дублете с разрезами и мечом за спиной – Берн. Подойдите к нему и держитесь поблизости». Второго человека она послала в яму для игры в кости, чтобы тот встал за спиной у Везунчика Дженнера и караулил его до конца игры.

Посланцы Кирендаль едва успели войти в бар, как Берн отошел от стойки – хватит с него Галы на сегодня – и направился к яме для игры в кости, а ножны длинного меча хлопали его по спине при каждом шаге. Агенты Кирендаль были слишком опытными, чтобы бездарно выдать себя, сразу сменив направление и отправившись следом за ним, так что пришлось ей самой подойти к яме. За ней топали огры.

Дженнер поднял на приближавшуюся к нему Кирендаль красное от возбуждения лицо, на котором ярко алел кривой шрам через нос, и расплылся в безудержной ухмылке:

– Как бде себоддя безет, Кир! Так безет, что саб де бедю!

Когда-то широкий резак пронзил ему околоносовые пазухи, и с тех пор он всегда говорил как человек с глубокой простудой.

Кирендаль придала своему голосу аристократические интонации, к которым всегда прибегала, говоря с гостями:

– Мы очень рады твоему успеху, Дженнер. Сегодня твое прозвище оправдало себя. Однако мне хотелось бы попросить тебя встать из-за стола на одну минуту. Ради наших общих деловых интересов...

– Одду бидуту. Я бдосаю.

Кирендаль с неприязнью наблюдала, как Дженнер готовится смухлевать. И чем он их только мажет? Соплями, что ли?

Берн спустился в яму, как раз когда Дженнер сделал ставку. У Кирендаль похолодело под ложечкой; Берну была присуща раскованная грация пумы и сосредоточенный взгляд змеи – так ходят и двигаются те, кто убивает рефлекторно, не раздумывая. В его белой Оболочке то и дело вспыхивали яркие алые прожилки – явный признак еле сдерживаемой агрессии.

Берн получил титул Графа всего несколько месяцев назад, но от своих осведомителей Кирендаль знала, что он уже стал одним из ближайших советников нового Императора – ходили слухи, что он убивает тех, кого Ма'элКот велит ему убрать лично, – и командиром Серых Котов. Видя Берна воочию, Кирендаль каждый раз вспоминала слух о том, что он якобы прошел монастырскую выучку, и это не казалось ей пустой сплетней: инстинктивно присущий ему наклон корпуса чуть вперед и умение владеть телом при любых обстоятельствах убеждали ее в этом и одновременно внушали тревогу. Его владение клинком давно уже вошло в легенду: говорят, он даже в бою не надевает доспехи, полагаясь для защиты исключительно на свои навыки мечника.

Конечно, это может быть только слух, но в том, что он один из самых опасных людей в Империи, сомневаться не приходится. Не зря люди говорят, что с ним никто не ссорится дважды.

Бесстрастно кивнув Кирендаль, Берн скользнул мимо нее на свободное место за игровым столом; на огров он даже не взглянул. Выложил стопку золотых ройялов и поставил их против следующего броска Дженнера.

– Бросай или передавай ход, ты, жопомордый. Шевелись.

– Жобобордый?.. – И без того красная физиономия Дженнера начала багроветь.

– Ну да. У тебя на морде трещина, как на жопе! – захохотал Берн. Он всегда с удовольствием смеялся собственным шуткам. – Я тебе больше скажу: будь у меня такая страшная жопа, как у тебя морда, я бы и трахаться забыл – штаны бы снять стеснялся.

На ступеньках за спиной Берна наконец показали тайные агенты Кирендаль, и она с облегчением выдохнула.

– Да ладно тебе, – парировал Дженнер, и в глазах его сверкнул шальной огонек. – Деужто тбой ддужок дак бало дебя любид, чдо и гдаза не пдикдоет...

Все, кто был за столом, захихикали, пряча ухмылки в ладони. Никто не был так глуп, чтобы смеяться открыто. Лицо Берна застыло. Он отступил от стола, его левая рука скользнула вверх к рукояти меча, выступающей на полторы ладони над правым плечом. Дженнер выпрямился, схватившись за рукоять короткого меча на поясе. Оболочка Берна покраснела, значит Дженнер умрет через секунду.

– Господа... – зажурчала Кирендаль и ловко скользнула между ними. Лишь по тому, как коротко вздрогнули веки Берна, она поняла, что ее агенты уже прижали острия ножей к его почкам. – Берна, Везунчик Дженнер – наш почетный гость, а также мой личный друг. Ты же не станешь убивать его под моей крышей.

Берна ответил тем, что медленно обвел взглядом все изгибы ее тела, от шеи до колен, явно с намерением оскорбить. «Мм... – подумала она. – Вот, значит, как. Ну ладно». И она повернулась к Дженнеру.

– А ты, – сказала она своим самым презрительным тоном, – если уж вознамерился расстаться с жизнью ради острого словца, так, будь добр, придумай что-нибудь посмешнее, чтобы мне не стыдно было повторить это в твоей эпитафии.

Дженнер было возмутился, но Кирендаль уже не слушала. Внезапный шум возле входной двери отвлек ее. Одна из ее новеньких, самка камнегиба, которую она наняла, когда перехватила бизнес Хаммана и перенесла его в город Чужих, ворвалась внутрь и бросилась к фею, который работал на вешалке. Одним усилием мысли Кирендаль вытянула щупальце из своей Оболочки, протянула его к фею и коснулась его Оболочки совсем легонько, только чтобы скользнуть внутрь его и видеть и слышать то же, что и он. Он почувствовал ее вторжение, но отреагировал дружелюбно и незаметно для других: слегка закрутил Поток.

Рот камнегибши был ярко-красным от крови, которая капала у нее из носа – по всей видимости, сломанного. Кровь застряла в ее аккуратно подстриженной козлиной бородачке, где уже начала подсыхать. Она залопотала на вестерлинге с густым горским акцентом:

– ...Спросил, где, мол, живет Кирендаль, иде ейная горница, а иде окошко. Расспрашивал, как к ей стучать... он думал, я в оммороке, и ушел, а я как побежала, побежала...

– Ну-ну, все будет в порядке, – успокаивал ее феи, похлопывая тонкой ладонью по ее мощному плечу. – Кто он? Из себя какой?

И вот тут-то сказала тренировка, которую проходили все Лица без исключения: хотя девушку били и пугали, она запомнила обидчика и смогла в точности его описать.

– Ниже меня на полголовы. Волосы прямые, черные, на висках седоватые. Кожа смуглая, глаза черные, усы, бородачка короткая. Нос сломанный, шрам наискосок. И быстрый такой. Я таких быстрых не видала. У него были ножи, но бил он кулаком.

«На Кейна похож», – подумала Кирендаль, но не сразу сообразила, что это, возможно, он и есть.

Слух о щедрой награде, внезапно объявленной Императором за его поимку, уже дошел до нее с утра, она еще тогда подумала, что он, должно быть, в городе, но только теперь все это вдруг сложилось у нее в одну картину.

Кейн ищет ее!

Тихо охнув, она вернулась в свою собственную голову; коленки дрожали, от страха хотелось на горшок. Заметались панические мысли: кто его нанял? Империя? Нет, эти послали бы Котов. Монастыри? Кейн же всегда работает на них, но что она такого сделала, чтобы навлечь на себя их гнев? Или все же сделала? Хотя нет, постой-ка! Это наверняка так называемый Король гребаных Воров! Вот мерзавец! Кейн ведь, кажется, в ладах с его Подданными? Но за что? И почему именно сейчас? Или все же Монастыри? А может, сболтнула что-нибудь не то насчет Ма'элКота?

Строгая дисциплина, которой Кирендаль привыкла подчинять свой ум, скоро подавила панику; сначала надо разобраться с неотложными делами, а уж потом можно заняться этим.

Кирендаль не зря гордилась своей способностью не терять головы даже в разгар катастрофы. За очень короткое время – глубокий вдох и медленный выдох – она наметила план защиты. Потом обратилась к Поток и снова установила контакт с феем на вешалке.

Через пару минут «Чужие игры» должны быть окружены армией Лиц, которые будут проходить тройками. В каждой тройке обязательный связной из дриад или Перворожденных – для быстроты контакта. Уличный писсуар рядом с казино перекрыть изнутри и снаружи, исключить доступ к шахте под ним, которая ведет в глубины городских подземелий. На крышах домов вокруг посадить Лиц – одних открыто, других в засаде, с луками. Всех работников казино, кто может держать оружие, предупредить, в коридорах выставить охранников-огров так, чтобы с каждого поста были видны два соседних. От мысли сообщить констеблям Кирендаль отказалась: двести золотых монет хорошо, но куда лучше получить из первых рук сведения о том, кто натравил на нее Кейна и почему. Фей на вешалке поймал ее взгляд и кивнул: понял.

Она послала еще: «Используй описание, которое она дала. Разошли его всем. Держи меня в курсе. Я буду у себя; придешь – стучи пять раз. А теперь живее!»

Фей зашевелился. Она подождала, когда связь между ними рассосется, и вернулась к событиям в яме.

Дженнер говорил. Она пропустила большую часть сказанного, да и не интересовалась, что он там несет. Пальцем она указала на огра, который стоял у нее за правым плечом, тот опустил свои когтистые лапищи Дженнеру на плечи и поднял его над полом, хотя тот брыкался как мог.

– Эй! Эй!..

– С тебя на сегодня хватит. Выведи его отсюда.

Огр закинул Дженнера себе на плечи и бережно понес по ступенькам наверх, прочь из ямы. Кирендаль шла за ним.

– Ды де божешь так босдубидь!

– У меня нет сейчас времени, чтобы ублажать твою оскорбленную гордость, – сказала она так тихо, чтобы Берн не услышал. – Пойди в бар, выпей. Перекуси чего-нибудь. И не скромничай, я угощаю. Главное, держи язык за зубами, и подальше от Берна.

– Я саб с ниб сбдавлиюсь...

– Нет, не справишься. Заткнись. – И, протянув к нему худую, но удивительно сильную руку, она сжала его нижнюю челюсть так, что ногти вонзились ему в щеки. – И научись уже наконец мошенничать незаметно, а до тех пор к яме даже не подходи, болван.

Она махнула рукой, и огр поставил Дженнера на пол, легонько толкнув его напоследок коленкой под зад. Дженнер едва не кувырком влетел в Серебряный бар.

– Киренда-аль...

Берн стоял у края другой ямы для костей. Издевательская улыбка точно приклеилась к его лицу. Ее агенты стояли за его спиной, уткнув острия своих кинжалов ему в почки.

– Так что, Кири, можно мне пошевелиться уже? Или целый день так стоять?

Кирендаль издала горлом звук, который можно было принять за стон огорчения.

– Прошу прощения, Граф Берн, – сказала она и одним мановением руки отпустила агентов.

Граф подвигал плечами так, словно снимал накопившееся напряжение, и вдруг походкой крадущейся пумы двинулся к ней.

– Мне все равно придется его убить, – заговорил он почти весело. – Он оскорбил меня, и я просто обязан поквитаться с ним. Долг... э-э-э... благородного человека. Ты ведь понимаешь.

С этим Кирендаль, по крайней мере, знала, как справиться. Сделав к Берну шаг, она заглянула ему в глаза так, словно готова была растаять.

– Граф, прошу вас, – начала она и тут же коснулась его мускулистой груди своей тонкой рукой. – Окажите мне личное одолжение – забудьте о нем.

Его насмешливая ухмылка сменилась гримасой презрения, когда его руки скользнули ей за спину, а рот накрыл ее рот. Слюнявый язык раздвинул ей губы и настойчиво полез внутрь, одна рука сжала иллюзорную грудь – Кирендаль изогнулась и задышала: изображать пробуждающуюся страсть ей было не впервой.

Его поведение по отношению к ней было, конечно, оскорбительным, но Берн не знал, что в своей прежней профессии Кирендаль была так же хороша, как он в своей нынешней; он ни на миг не заподозрил, что не вызывает у владелицы казино ничего, кроме глубокого отвращения. Когда его рука грубо скользнула ей под подол, она мгновенно отпустила тактильное ощущение одежды. Пальцы одной его руки прижались прямо к губам ее вагины, а другой – ощутили шелковистую кожу спины.

Он напрягся, потом поднял голову и с изумлением заглянул ей в глаза. К презрению в его взгляде вдруг добавилась похоть – они словно подкармливали друг друга и оттого усиливались.

– А знаешь что? – сказал он сипло. – Ты все-таки мне нравишься. И я, пожалуй, уступлю тебе, пока. Но помни, ты моя должница.

Она скромно опустила головку ему на плечо:

– О, ты же знаешь, у нас, эльфов... – называть себя именем, которое дали ее народу люди, было противно, но она и глазом не моргнула, – длинная память. Позволь мне быть спонсором твоих утренних развлечений. Таллин, пять сотен Графу.

Стук фишек, который двинул по полю крупье, на миг отвлек Берна, но его взгляд тут же вернулся к ней.

– Трудный выбор, – прошептал он.

– Вы очень галантны, Граф, – сказала она. – Прошу вас, наслаждайтесь.

Он пожал плечами:

– Значит, в другой раз.

– Разумеется.

Как только Берн вернулся в яму и взял в руки кости, Кирендаль стремительно отвернулась и зашагала к служебному выходу. Она была очень довольна собой: надо же, в два хода разругала проблему – и Берн спокоен, и Дженнер жив. Можно сказать, два по цене одного.

Но поживать на лаврах малых побед было некогда.

Огры, позвякивая кольчугами, шли за ней по пятам; незаметными жестами Кирендаль подозвала к себе четверых тайных агентов и двух парней-дриад из шоу – у них как раз был перерыв. У выхода она остановилась и решительным тоном феи, привыкшей к повиновению окружающих, коротко повторила приказы, отправленные фею из гардероба.

– А что стряслось? – поинтересовался один из агентов. – На нас напали Крысы? Или Змеи?

– Хуже. – Она с усилием сглотнула – от волнения пересохло горло. – Кажется, это Кейн. А теперь делайте, что я вам сказала.

Они бросились врассыпную.

Кирендаль потеряла руки и обнаружила, что ладони у нее влажные, а пальцы слегка дрожат. Надо выпить, решила она.

Точно – глоток спиртного успокоит расхоловшиеся нервы, уймёт волнение, а потом она снова откроет книгу. Перескакивая через три ступеньки зараз, она размышляла о том, хватит ли ей времени, чтобы соорудить Щит.

У двери квартиры она остановилась, легонько постучала – два раза, потом еще раз – и стала ждать, когда Закки откроет.

Но дверь не открылась, и пришлось постучать еще: два стука, потом один. В изукрашенной причудливыми серебряными накладками двери не было замочной скважины, а защиту от

магических отмычек Кирендаль наложила сама. И вот теперь этот ленивый кусок дерьма спит где-нибудь в углу, а у нее совершенно нет времени. Сжав кулаки, она забарабанила ими в дверь.

– Закки, ленивый щенок! – Слова эхом отдались в пустом коридоре. – Если через десять секунд ты мне не откроешь, на свете станет одним бестолковым камнегибом меньше!

Задвижка на той стороне двери шевельнулась и шумно поехала в сторону – наконец-то! Дверь только начала отворяться, а нетерпеливая Кирендаль уже обеими руками толкнула ее, ворвалась внутрь и направилась к бару рядом с громадным каменным камином. Тяжелые парчовые шторы были по-прежнему задернуты, фонарики погасли; в воздухе висел чад от фитилей.

– Спишь, собака! Шкуру с тебя спущу!

Входная дверь захлопнулась, обрезав луч света из коридора. Кирендаль, чьи глаза не сразу приспособивались к темноте, так треснулась голенью о нехстати подвернувшуюся ножную скамейку, что слезы брызнули из глаз. Зажав ушибленную ногу обеими руками, она заскакала на другой, вопя:

– И зажги здесь свет!

Ответом ей был сухой лязг дверной щеколды, возвращающейся на место в темноте.

Кирендаль замерла, отпустила ушибленную ногу, осторожно попробовала наступить. В комнате чем-то пахло: к густой вони горелого лампового масла примешивался козлиный дух, как от невымытого человеческого тела.

Кирендаль постояла молча, наконец отважилась позвать:

– Закки?

– Он вышел.

В невыразительном голосе таилась смертельная опасность.

Кирендаль показалось, что каждый сустав ее тела превратился в жидкость.

Как все Перворожденные, она обладала непревзойденным ночным зрением, двигалась бесшумно, как призрак, к тому же здесь она была у себя. Поэтому, будь это не Кейн, а кто-то другой, она попыталась бы отбиться, но он здесь, видимо, уже давно, прекрасно освоился в темноте и, скорее всего, готов к любому ее шагу. К тому же, судя по голосу, стоит где-то совсем рядом.

– Не дыши глубоко, – сказал он ей тихо. – Если я услышу глубокий вдох, я решу, что ты хочешь завизжать, и убью тебя раньше, чем пойму свою ошибку.

Кирендаль решила принять его слова на веру.

– Я... – пискнула она, старательно дыша только верхушками легких, – ты ведь мог убить меня, когда я только вошла.

– Правильно.

– Значит, ты пришел не за этим.

Темнота молчала.

Кирендаль уже видела его силуэт, густо-черную тень на черной стене, но никак не могла разглядеть Оболочку, и это приводило ее в ужас. Разве можно понять намерения того, чья Оболочка не поддается прочтению?

Немного погодя она разглядела в темноте две блестящие точки – глаза.

Она заговорила:

– Я... я кое-что болтала насчет Ма'элКота, но я ничего не сделала – ничего такого, за что Совет Монастырей мог бы осудить меня на смерть! Или сделала? Скажи мне, ты должен мне сказать! Я знаю, что Совет поддержал Ма'элКота, но это же не значит, что надо убивать меня...

Он сухо, безрадостно усмехнулся, прежде чем ответить:

– Я не отвечаю за воззрения и политику как Совета Братьев вообще, так и его отдельных членов и не могу ни подтвердить, ни опровергнуть наличие у них особых мнений по тому или иному поводу.

- А, так, значит, это все-таки Король Арго? Я знаю, что Подданные считают тебя своим...
- Миленько тут у тебя. Безделушки разные. Сувениры.

Из темноты донесся звук «скрррр» – кто-то царапал сталью по куску кремня; янтарный огонек вспыхнул на уровне плеча, осветил кулак, бросил красноватую тень на лицо с высокими скулами, неподвижное, точно ледяное, и коснулся кончика сигары, украденной из хьюмидора у нее на столе, так же как и огниво.

Наконец-то она увидела его Оболочку – черную, как густой дым, без малейших прожилок цвета, которые могли бы ей что-то сказать.

– Кейн... – Собственный хрипловатый шепот показался Кирендаль мольбой о пощаде, и ей это не понравилось.

– Красивая зажигалка.

– Это подарок, – ответила она уже увереннее, – от покойного принца-регента Тоа-Фелатона.

– Знаю. На ней написано. – И он, коснувшись кончиком зажженной сигары фитиля лампы, стоявшей на столе, тут же прикрутил его до рубиново-красного свечения. – Мы с тобой оба помним, что с ним случилось, верно?

Он сжал коптящий фитиль большим и указательным пальцами, пламя зашипело и погасло.

Раньше Кирендаль не верила слухам, которые приписывали убийство Тоа-Фелатона Кейну; слишком уж вовремя он умер, похоже на дворцовые разборки. Но теперь вдруг поверила безоговорочно. В его присутствии по-другому не получалось.

Он кивнул на стул:

– Сядь.

Она села.

– На руки.

Она сунула ладони себе под ляжки.

– Если ты здесь не из-за меня, то что тебе нужно?

Он обошел диван, стоявший на расстоянии вытянутой руки от нее, сел и заглянул ей в глаза. Молчание тянулось так долго, что Кирендаль уже готова была нести что угодно, лишь бы прервать его. Усилием воли она подавила в себе это недостойное желание.

Она заставила себя ответить на его взгляд молча; с глубоким вниманием, порожденным привычкой к тому, что от ее наблюдательности зависит ее жизнь, она вглядывалась в каждую его черточку.

Скоро Кирендаль обнаружила, что невольно сравнивает его с Берном: оба сделали себе имя, проливая чужую кровь за деньги. Кейн был ниже ростом, менее мускулист и носил при себе целый арсенал ножей вместо меча, однако главное различие между ними лежало глубже. Берн был как дикий зверь: необузданная похоть и опасный, непредсказуемый нрав удивительно шли к его свободной, развинченной походке и манере держаться; глядя на него, чувствовалось, что он с каким-то яростным наслаждением проживает каждую минуту своей жизни. Кейн тоже был расслаблен, но без всякой развязности; за его свободой движений стояла внутренняя тишина и сосредоточенность, которая словно вытекала из него наружу и заполняла комнату призрачными Кейнами, а те вытворяли то, что мог совершить он: атаковали, защищались, били с прыжка, с разворота, кувыркались и подкатывались под ноги.

Кейн тоже наблюдал за ней, причем не менее внимательно, чем она за ним; он был неподвижен, но опасен, как клинок, только что вышедший из-под рук оружейника. Точно, вот она, разница между ними: Берн – большая дикая кошка, Кейн – отточенный клинок.

– Ты закончила? – спросил он спокойно. – Не хочу мешать.

Кирендаль заглянула ему в глаза, но не увидела и тени усмешки.

Он добавил:

– Я ищу Шута Саймона.

Облегчение, которое она испытала, услышав эти слова, едва не сгубило ее, как прежде паника: ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы не захохотать в голос.

– Не ты один. Очи Короля тоже его ищут, не говоря уже о Серых Котах и Уголовной полиции. Но почему ты пришел с этим ко мне?

Он продолжал говорить, точно не слышал:

– Вчера, примерно в это же время, Серые Коты гоняли кое-кого по Крольчатнику. Чем кончилось дело?

Кирендаль провела языком по пересохшим губам.

– Послушай, Кейн, если ты думаешь, что у меня есть свои люди среди Серых...

– Спрашиваю еще раз, Кирендаль. Имей в виду, я нетерпеливый человек.

– Я... э-э-э... но...

Тонкие крылышки еле слышно прошелестели в темноте, и Кейн отреагировал.

Его реакция была непредсказуемой: он не задержал дыхание, не напрягся, даже глазом не моргнул, а ведь Кирендаль с удвоенным вниманием ждала именно этих сигналов, которые всякое живое существо вольно или невольно подает, прежде чем напасть. Но он только что сидел неподвижно, глядя на нее в упор, а в следующий миг она уже видела его корпус, развернутый вполборота, поднятую руку и нож, со свистом летящий во тьму. Тан-н-нг – загудел он где-то там, вонзившись в дерево.

Тап издала мелодичный вскрик отчаяния и боли – она висела на дверном косяке, пригвожденная за прозрачное крыло ножом, который швырнул Кейн. Копье, тонкое и острое, словно игла длиной в ярд, выпало из ее рук и со звоном ударилось о паркет.

Кирендаль вскочила. С ее губ уже рвался крик, но его придушила рука Кейна, стиснув ей горло. Тонкая сигара, которую он все еще сжимал в зубах, оказалась в угрожающей близости от ее глаза, когда он рванул ее к себе. К тому же она не видела, чем занята его вторая рука, а потому решила, что наверняка чем-то потенциально смертоносным.

А его Оболочка ничуть не изменилась, по-прежнему пульсируя непроглядной чернотой.

– Тебе, наверное, трудно в это поверить, – процедил он сквозь зубы, – но я не хочу причинять тебе вред. И твоей маленькой подружке тоже. Я только хочу услышать от тебя, что ты знаешь о Шуте Саймоне. Расскажи, и я уйду из этой комнаты и из твоей жизни.

Он отпустил ее горло и невидимой для нее второй рукой ткнул ее в живот пониже пупка – не больно, скорее даже ласково, но в то же время твердо и настолько сильно, что она сложилась пополам и снова упала в кресло, с которого вскочила.

– Ладно, – пискнула она, даже не глядя на него: все ее внимание было поглощено Тап, которая, заливаясь слезами, трепыхалась на косяке. – Ладно, я расскажу, только сначала, прошу, сними ее оттуда. Если она порвет себе крыло... Умоляю, не делай ее калекой!

– Руки, – сказал Кейн.

Кирендаль торопливо села на руки. Кейн окинул ее долгим взглядом, слегка поджав губы, потом выдохнул через нос, встал и пошел освобождать Тап.

– Только тронь, пожалеешь, ублюдок! – завопила крошечная дриада. – Глаза тебе выколю!

– Ага, точно, – ответил Кейн и одной рукой придержал ей голову и плечи, так что ее шея оказалась как раз между его большим и указательным пальцем, а второй прижал ей руки к телу, не задев нежных крылышек. Потом осторожно, даже, пожалуй, ласково начал вытягивать из деревяшки нож; Кирендаль морщилась при каждом еле слышном скрипе, с которым металл выходил из косяка. Тап продолжала воинственно лягаться, метя Кейну в руку, но он как будто ничего не замечал. Ранка на ее крыле окрасилась бледно-розовой кровью.

– Одна рука, – приказал Кейн Кирендаль, протягивая ей дриаду. – И держи ее крепче.

Только ощутив ладонью теплую тяжесть тела Тап, Кирендаль поверила, что все это происходит на самом деле, что Кейн не играет с ней и не перережет ей горло тем самым ножом, который только что вынул из крыла Тап.

Кирендаль поднесла дриаду к груди, та припала к ней головой и оросила ее сосок кристально чистыми слезами.

– Прости меня, Кир, прости, пожалуйста. – Она судорожно всхлипнула. – Он... он вломился через окно... и Закки, он убил Закки...

– Ш-ш-ш, – успокаивала ее Кирендаль. – Тише, все будет хорошо. – И она бросила на Кейна такой взгляд, словно молила его о подтверждении.

Он нетерпеливо дернул плечом:

– Если она о том парне из камнегибов, то он жив-здоров, ну или будет здоров, когда очнется. Голова поболит день-другой, и он опять будет как новый.

Кирендаль с растущим изумлением встретила его холодный, неподвижный взгляд; может быть, она ошиблась, и его глаза не холодны и неподвижны, а просто скрыты тончайшей пленкой...

Вслух она сказала:

– А ты совсем не такой, каким я тебя считала. О тебе болтают, что ты... ну, в общем...

– Шут Саймон, – напомнил он ей.

– Да. – Кирендаль погладила кудрявые волосы Тап. – Та игра в Крольчатниках дорого им стоила: шестеро Котов убиты, многие ранены. Не знаю, скольких людей убитыми потерял Шут, но двоих из его шайки Коты схватили.

– Двоих? – Что-то изменилось в его выражении лица, появилась какая-то новая эмоция, которую Кирендаль не могла назвать, прежде всего потому, что в ней не было смысла; в глазах убийцы проглянула отчаянная надежда висельника, идущего на казнь, который ждет, что подельники в последний миг спасут его от петли. – Их имена. Кто они такие? Среди них была...

И он произнес какое-то имя, но Кирендаль не успела его разобрать – ее отвлекло внезапное натяжение Потока. Быстро вернувшись в себя, она сказала:

– Прости... прости, я не расслышала. Как ты сказал?

– Паллас Рил.

Фея нахмурилась. Паллас Рил? Это же, кажется, чародейка из людей? Какое отношение она... о чем вообще речь? И тут же натяжение Потока вернулось, обвилось вокруг нее шелковой петлей, и Кирендаль обнаружила, что не помнит ни слова из их предшествующего разговора.

– Я... кажется, я слышала, что она здесь, в городе. А что, она важна?

– Да, – ответил он так решительно и весомо, что слово упало, точно гранитная плита. – Она есть среди пленников? – И он подался к ней.

– Каких пленников?

Кейн вздохнул так, словно из последних сил держался, чтобы не всплыть, и у Кирендаль перехватило горло от ужаса. А что, если у нее не окажется нужных ему ответов? Что он будет делать тогда?

Он сказал что-то еще, и она опять не расслышала.

– Что? – переспросила она тонким голоском, съежившись в ожидании неминуемого удара.

– Те двое пленников, последователей Шута Саймона, которых Коты взяли в Крольчатниках вчера, – среди них был сам Шут Саймон?

Она замотала головой, молясь про себя, чтобы он удовлетворился ее половинным знанием.

– Не знаю; говорят, что взяли мужчину и женщину. Наверное, они еще сами не разобрались, кто попал им в руки; пажы пока помалкивают.

- Где их держат? Во дворце?
- Скорее, в Донжоне, под зданием Суда.
- Ты можешь провести меня туда?

Кирендаль вытаращила глаза и отпрянула – пламя, которое вдруг осветило его лицо изнутри, почти обжигало.

– Что?

– Ты слышала что-то, Кирендаль. Старый Хамман водил меня во дворец; не делай вид, будто ты владеешь своим ремеслом хуже Хаммана, иначе Лица не подчинялись бы тебе. Проведи меня туда.

– Не могу, – сказала она. – И во дворец сейчас так просто не попасть. Там многое стало по-другому. А уж в Донжон... Кейн, он высечен в сплошной скале. Будь у тебя несколько лишних сотен золотых ройялов на подкуп, ты бы смог пробраться туда через неделю или две. Другого способа я не знаю.

Пламя тлело в его глазах.

– Может, при правильном поощрении ты найдешь способ.

Кирендаль сдерживалась изо всех сил.

– Я говорю правду, Кейн. Оттуда никому еще не удавалось вырваться на свободу; единственный способ – подкупить судью или стражу. А на это нужны время и деньги.

Фея смотрела ему в лицо не мигая, в ее словах не было двойного дна, и он это быстро понял.

Кейн отвел глаза. Его разочарование чувствовалось так явно, что Кирендаль почти пожалела его. В отношениях меж ними наступил какой-то сдвиг. Фея обнаружила, что уже почти не боится сидящего перед ней человека, а, наоборот, испытывает к нему острый интерес.

Он сказал:

– Я не хочу становиться твоим врагом, Кирендаль. Не исключено, что мне скоро понадобится твоя помощь. И ты должна понимать: за любую твою услугу я отплачу сторицей.

– Мне ничего не нужно от тебя, Кейн. Обещай только, что никогда не потревожишь меня снова.

– Обещать можно, – сказал он и пожал плечами. – Но это будет пустой звук, как ты прекрасно понимаешь. Дай-ка я лучше кое-что тебе расскажу: кто-то из Подданных Арго сливает информацию Очам, причем на самом вершине.

Фея вскинула брови в притворном изумлении:

– Вот как?

– Ага. А вот и еще кое-что: Подданные поддерживают Шута Саймона.

На этот раз она не притворялась:

– А вот этого я действительно не знала.

– Думаю, что информатор в среде Подданных сдал Котам Шута Саймона. Если ты узнаешь, кто это, то я перед тобой в долгу не останусь.

– Может, лучше сразу спросить у величества? – фыркнула Кирендаль.

Он молча устремил на нее неподвижный взгляд, и его лицо напомнило ей маску Смерти.

Фея не выдержала и отвела глаза, крепче прижала к груди дрожащую Тап.

– У меня нет доказательств. Даже слухов и тех нет. Я только знаю, что Очи Короля всюду следят за мной, за Крысами, Дунгарами и Змеями, а Подданных не видят в упор. Может, величество сможет тебе объяснить, как это у него выходит.

– Ладно, – тихо просипел Кейн. – Может, и объяснит. – И надолго умолк, а потом встряхнул головой, как человек, усилием воли прогоняющий неприятные мысли. В углу комнаты, в алькове меж двух больших свечей, стояла поясная бронзовая статуя. Кейн кивнул на нее и спросил: – А это еще что за штука?

– Святилище Ма'элКота. А что? – Кирендаль пожал плечами. – У всех такие есть.

– И ты поклоняешься ему? Как богу?

– Кто, я? Ты, наверное, шутишь, Кейн.

Он рассеянно кивнул:

– Мм... ага. Просто я удивился, что ты держишь его в доме. Я слышал, что недочеловекам он не друг.

«Недочеловеки, как же! Да если бы не мы, то люди до сих пор ходили бы в шкурах и выли по ночам на луну», – подумала она, но вслух ничего не сказала, а только развела руки и пожала плечами.

– Знаешь, есть такая пословица: с волками жить – по-волчьи выть. Слышал, наверное?

– Конечно, – ответил он тоном глубокой задумчивости и умолк.

Молчание прервала Кирендаль:

– Если ты и в самом деле хочешь мира между нами, то будь добр объяснить, как ты попал сюда.

– Да ничего сложного. Твой парнишка – Закки, кажется? – сам тебе расскажет, когда очнется. Окно на третьем этаже, то, которое выходит в узкий переулок, ненадежная штука – в него можно запрыгнуть из дома напротив. Я бы на твоём месте поставил на него решетку.

– В квартире напротив двое моих людей. – Тут до нее дошел смысл сказанного, и она округлила глаза. – То есть, наверное, были.

Кейн отрицательно помотал головой:

– С ними все в порядке. Они сами убрались из квартиры, как только ты подняла тревогу. Я их не трогал. Они меня даже не видели.

Фея затаила дыхание.

– Значит, – прошептала она немного погодя, – ты нарочно отпустил ту гномиху, ты знал, что поднимется суета и в этой суете ты проскользнешь, куда нужно...

Его ответная улыбка ничем не отличалась от тех, которые она видела на его лице раньше, но фея уже начала прозревать, какой костер эмоций скрывается под спудом самоконтроля этого человека. Она добавила:

– И ты никого не убил...

– Сегодня нет. Хотя твоей подружке просто повезло: я давно не кидал ножей, вот и промахнулся слегка.

– Ты слишком полагаешься на случай, Кейн.

– Натиск лучше, чем осторожность, – сказал он, и его улыбка вдруг стала странно далекой, – ибо Фортуна – женщина, и кто хочет с ней сладить, должен колотить ее и пинать¹. – Судя по его тону, он цитировал чьи-то слова, хотя чьи, Кирендаль не имела понятия.

– О Кейн, – начала она хитро, нутром чуя открывающуюся возможность, – ты со мной, кажется, заигрываешь?

Но он только презрительно фыркнул в ответ:

– Последний вопрос...

– Я знаю, что обо мне болтают, – перебила Кирендаль, глядя на него снизу вверх из-под нереально длинных ресниц, – но я вовсе не лесбиянка. Просто я терпеть не могу, когда в меня суют посторонние предметы; уверена, ты меня сможешь понять. – И она выгнула спину, демонстрируя ему свою раздутую грудь, – кто знает, может, и этого мужлана укротить не сложнее, чем Берна. – Но это не мешает нам с тобой немного позабавиться вместе.

– Ты права, это не мешает. Зато мешает множество других причин. Последний вопрос: награда за мою голову – ты наверняка слышала. В чем меня обвиняют? И как они узнали, что я буду сегодня в городе?

¹ *Макиавелли Н. Государь.*

– А вот это тайна. Знаю только, что на улицах кричали об этом вчера, уже на закате. И еще – что ты нужен им живым.

– И это все?

Кирендаль пожала плечами и насмешливо улыбнулась:

– Ну, раз тебе так не терпится, то Граф Берн сейчас здесь, на первом этаже, играет в кости. Сходи к нему да узнай.

– Берн?

Нахальство Кирендаль как ветром сдуло: смертельная ненависть, которая накрыла лицо Кейна как грозная черная туча, ужаснула ее больше, чем все его прошлые угрозы. Казалось, что все воображаемые Кейны, которые плясали и кувыркались в пространстве комнаты вокруг него, со скоростью мысли вернулись в его тело, сделав его столь пугающе настоящим, что оно как будто вспыхнуло изнутри кроваво-красным огнем.

– Берн здесь? Прямо сейчас?

Медленно он поднял обе руки на уровень лица и смотрел, как сжимаются в кулаки его пальцы. В глубине его зрачков плясал красный огонек лампы.

– Что ж, может, и спрошу. Может быть, именно так я и сделаю.

И без малейшего просветления Оболочки, без всякого предупредительного движения он исчез: вышел из комнаты, точнее, выскочил с такой быстротой, на какую не способны простые смертные, – только что был здесь, и вот уже нет, как будто тьма поглотила огонек. Яркий желтый свет мелькнул и погас – это открылась и вновь закрылась дверь, точно опустилось и вновь поднялось веко.

Кирендаль еще долго сидела молча, переводя дыхание и успокоительно поглаживая дрожавшую Тап.

– Я его ненавижу, – бормотала та, уткнувшись головой в грудь подружки. – Хоть бы Берн его убил!

– Или бы они убили друг друга, – тихо добавила Кирендаль. – Не думаю, что без них мир был бы намного хуже.

Она легонько коснулась окаймленного розовым разрыва в крыле дриады:

– Сможешь лететь?

Тап подняла залитую слезами мордашку и потеряла щеку крошечным кулачком.

– Наверное, да. Думаю, что смогу, Кир, хотя будет больно.

– Тогда лети. Сначала к Чалу. Он подлечит тебе крыло. Найди троих из твоего народа, скажи им, что Кейн здесь: пусть летят в гарнизон, к констеблям, и в дом Берна, к Котам.

– Ты сдаешь его? А я думала... – Дриада шмыгнула носом. – Я думала, он тебе нравится.

Кирендаль ответила рассеянной улыбкой:

– Нравится. Но он собирается навестить мое казино, а мы не должны давать Очам Короля повод думать, будто у нас тут укрываются беглые. К тому же мир и так опасное место, даже без таких, как Кейн. Так что, когда его не станет, остальные будут спать спокойнее. – Она повернула голову. – К тому же сукин сын стащил мою зажигалку.

14

Аргуро Кольберг похотливо заерзал в кресле. «Ну наконец-то действие», – думал он, несясь (вместе с Кейном) вниз по лестнице и распугивая стражу в коридоре. Он/Кейн получил достаточно информации от той карликовой шлюхи, чтобы знать, куда поворачивать, и потому оказался у двери для obsługi раньше, чем кто-нибудь успел опомниться.

Сердце Кольберга громко билось в предвкушении. От начала Приключения прошло всего четыре часа, а Кейн уже вот-вот столкнется с Берном. Может, хоть это немного оправдает тягучую скуку первого дня; спонсируемые Студией аналитические группы рассчитали, что одна

целая шесть десятых смертельной схватки в день – оптимум для любого Приключения Кейна, а он до сих пор никому как следует не врезал. Ну да, вырубил мальчишку-слугу, швырнул нож в пикси, подумашь. В избиении шлюхи было, конечно, некоторое очарование старины, но это ведь не назовешь настоящей схваткой. А вот Берн – это совсем другое дело...

И Кольберг облизнул и без того мокрые губы и ухмыльнулся в экран.

Выживет Кейн или умрет, все равно это будет круто.

15

Я закрываю за собой дверь для обслуги и прижимаюсь к ней спиной. Никто в казино не обратил на меня внимания, пока. Нож с коротким лезвием из чехла на щиколотке немного задержит стражу, которая преследует меня по коридору. Я стою, якобы небрежно прислонившись к двери, и оглядываю казино, а сам тем временем просовываю нож в дверную щель со стороны, противоположной замку, потом надавливаю на него ладонью – готово. Нож встает на место с глухим треском, который за грохотом музыки и громкими голосами в казино не слышен даже мне.

Да, неплохо у нее идут дела – еще только полдень, а тут уже яблоку некуда упасть.

Так, ямы для игры в кости. Или в бабки...

А вот и он – греет костяшки своим дыханием, коротко стриженные волосы щеткой стоят над безупречным классическим профилем. Смотри-ка, новый меч – раньше Берн никогда не носил заплечных: они такие длинные, что, пока его достанешь, тебя уже трижды зарубят. И костюмчик тоже новый – бархатный дублет с разрезами и *чулки* пурпурного цвета, бог ты мой.

Сценарии проносятся в моей голове один за другим.

Я, мрачный как Смерть, неторопливо иду по залу; музыка смолкает, затихают голоса, головы одна за другой поворачиваются мне вслед. Руки игроков суетливо мечутся по столам, как крабы по отмели, и сгребают монеты. Шлюхи тихонько прячутся за стойками баров.

Берн чувствует: что-то не так, в зале слишком быстро становится тихо, но он же крутой, и потому вертеть головой ему не по чину. Вместо этого он притворяется, что все его внимание сосредоточено на следующем броске.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.